

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 14 • № 2 • 2022 • АПРЕЛЬ-ИЮНЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ по исследованиям и разработкам, Москва, Россия

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Белокрестьянский В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, лектор, Университет Калифорнии, Ирвайн, США

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая сектором исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Moscow University Bulletin of World Politics

Vol 14 • No. 2 • SPRING • 2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Deputy Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes; Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Lecturer at the University of California, Irvine, United States

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политика между народами; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионализации; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов,
факультет мировой политики, к. 601.
Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru
Подписано в печать 01.10.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л.
Уч.-изд. л. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12088. Заказ № .

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2022

**MOSCOW UNIVERSITY BULLETIN
OF WORLD POLITICS**

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

A peer-reviewed scholarly journal on international relations and world politics

Aims and Scope

Moscow University Bulletin of World Politics was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Moscow University Bulletin of World Politics pursues a two-folded aim. On the one hand it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
Б о р о в с к и й Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов	12
Ю д и н а О.Н. Энергетический диалог Россия–ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты	40
Б а с о в Ф.А. Внутренние и внешние детерминанты позиции ФРГ в отношении проекта «Северный поток-2»	76
Б и р ю к о в а Н.А. США и энергетический переход XXI века: меры по преодолению зависимости от КНР в сфере критических минералов	109
Ф и л о н и к А.О., Б а т у р и н а В.Н. Арабский мир на пороге энергоперехода: вызовы, амбиции, пределы роста	148
И с а е в К.А. Экономическая дипломатия России в отношении Венесуэлы: от У. Чавеса до Н. Мадуро	173

ENERGY TRANSITION AND ECONOMIC DIPLOMACY

C O N T E N T S

Editorial Note	7
B o r o v s k y Yu.V. Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches	12
Y u d i n a O.N. Russia–EU energy dialogue in 2000–2014: Key priorities, stages, contradictions, and outcomes	40
B a s o v F.A. Germany’s stance on the Nord Stream 2 project: Internal and external determinants	76
B i r y u k o v a N.A. The USA and the energy transition of the 21st century: Measures to overcome dependence on China in critical minerals	109
F i l o n i k A.O., B a t u r i n a V.N. The Arab world on the verge of the energy transition: Challenges, ambitions, and limits to growth	148
I s a e v K.A. Economic diplomacy of Russia towards Venezuela: From H. Chaves to N. Maduro	173

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается тематический выпуск нашего журнала, посвященный международно-политическим измерениям одного из наиболее противоречивых феноменов современной глобальной повестки — энергетического перехода. Иными словами, в фокусе внимания окажутся не только и не столько экономические тенденции и технологические факторы, лежащие в основе данного феномена, сколько развернувшаяся вокруг него политическая борьба.

Эта политическая борьба в свою очередь является прямым продолжением и логическим следствием гораздо более масштабного комплекса объективных противоречий, порожденных столкновением интересов стран «коллективного Запада», с одной стороны, и Российской Федерации, а также КНР — с другой. Как таковая она имеет довольно длительную и нелинейную историю и охватывает отнюдь не только сферу энергетики. Однако в последние годы она приобрела качественно новый масштаб и интенсивность, выразившись как в беспрецедентном политико-военном давлении, по сути — экономической и технологической войне, развязанной против Российской Федерации Соединенными Штатами и их союзниками, так и в ведении ими настоящей прокси-войны против России на Украине. Это противоборство, естественно, не могло не затронуть и сферу энергетики, которая всегда очень чутко реагирует на любые серьезные геополитические изменения.

Исход этой политической борьбы, включая перспективы адаптации России к новым вызовам своей энергетической безопасности, должен стать предметом отдельного исследования, однако уже сейчас можно констатировать, что текущий международно-политический кризис радикальным образом отразится на планах энергетического развития всех ключевых субъектов мировой политики. Так, одной из первых жертв этого кризиса, по всей видимости, станут амбициозные планы Европейского союза по реализации так называемой Зеленой сделки, что придает новое наполнение и звучание вопросам европейской энергетической безопасности в целом.

Хочется надеяться, что собранные в данном выпуске статьи смогут пролить дополнительный свет на причины и предпосылки политической борьбы, затронувшей самые разнообразные аспекты проблематики энергетического перехода, и тем самым позволят лучше понять и его перспективы.

Так, в статье доктора исторических наук Ю.В. Боровского (МГИМО МИД России), открывающей этот выпуск, показано, что, хотя некоторые отдельные шаги Российской Федерации, Европейского союза и Соединенных Штатов Америки в области энергетической политики и могут быть объяснены с точки зрения либеральных подходов в теории международных отношений, общая логика и динамика их взаимодействия в данной сфере в гораздо большей степени вписываются в представления сторонников политического реализма. Автор приходит к выводу, что столкновение энергетических интересов России и стран коллективного Запада носит исторически обусловленный, закономерный характер, отражая глубоко укорененные традиции восприятия ими своих ресурсных, технологических и, шире, экономических возможностей в целом, прежде всего в категориях политического интереса, политической выгоды или узвимости, политической целесообразности.

В пользу справедливости подобных оценок говорит и исследование О.Н. Юдиной (ИМЭМО РАН), в фокусе внимания которой оказалась история взаимодействия Российской Федерации с Европейским союзом в формате Энергетического диалога Россия–ЕС. На основе последовательного критического анализа официальных документов автор предпринимает попытку выявить внутренние и внешние детерминанты его развития, в частности влияние на него перипетий переговоров о ратификации Россией Договора к Энергетической хартии. Показано, что именно Европейский союз выступал изначально локомотивом работы ЭнергодIALOGA, стремясь с его помощью не только гарантировать надежность поставок российских энергоресурсов по приемлемым ценам, взяв под контроль их добычу и транспортировку, но и навязать Москве принципы общеевропейской энергетической политики. Постепенно расхождения в интересах сторон в энергетической сфере становились всё более явными, и к 2014 г., когда по инициативе ЕС ЭнергодIALOGA фактически прекратил свою деятельность, этот механизм уже в значительной степени исчерпал себя.

Проблема политизации энергетических отношений между Российской Федерацией и странами Европейского союза поднимается и в статье кандидата политических наук Ф.А. Басова (ИМЭМО РАН). В исследовании прослеживается эволюция взглядов и аргументации ключевых участников дискуссий в ФРГ вокруг проекта «Северный поток-2». В статье подробно изучены позиции основных немецких партий, групп влияния, а также правительств отдельных федеральных земель. Автор отмечает, что, несмотря на необходимость лавировать между разнонаправленными интересами внутри страны и учитывать позицию ключевых внешнеполитических партнеров, путем различных компромиссов германское правительство достаточно уверенно продвигало реализацию «Северного потока-2».

Тенденция к политизации и даже секьюритизации проблематики энергетического перехода и энергетической сферы в целом характерна отнюдь не только для отношений между Российской Федерацией и странами коллективного Запада. Как показывает исследование Н.А. Бирюковой (МГУ имени М.В. Ломоносова), данная тенденция ярко проявилась и в американо-китайских отношениях, воплотившись, в частности, в активных усилиях руководства США по преодолению зависимости от КНР в области критических минералов. В статье проведен сравнительный анализ подходов администраций Д. Трампа и Дж. Байдена к решению этой задачи. Автор отмечает, что Вашингтон, не имея возможности оспорить практически монопольное положение КНР как производителя и поставщика критических минералов рыночными методами, стремится использовать в качестве инструмента конкуренции правозащитную риторику. В то же время полное преодоление зависимости США от КНР в данной области, исключительно важное с точки зрения завоевания лидерских позиций в намечающемся энергетическом переходе, пока маловероятно. Это связано как с накопленным Китаем производственным потенциалом, так и с недостаточным объемом финансирования соответствующих программ в самих США.

Подчеркнутое внимание в рамках настоящего выпуска к международно-политическим измерениям энергетического перехода в контексте взаимодействия ведущих субъектов мировой политики, разумеется, вовсе не означает, что данная проблематика заботит только их. В статье кандидата экономических наук А.О. Филоника (Институт востоковедения РАН) и В.Н. Батуриной (МГУ имени

М.В. Ломоносова) показано, что в силу целого комплекса экономических, социальных, политических и экологических факторов к проблеме энергоперехода в последние годы проявляют повышенное внимание и страны Арабского Востока. Авторы обозначают как перспективы арабских стран по наращиванию потенциала чистой энергогенерации, так и пределы внедрения зеленых практик и их возможностей с точки зрения поддержания экологической безопасности государств региона. Как подчеркивают авторы, главным препятствием на пути к формированию эффективной климатической политики в масштабах всего Арабского Востока остаются сильные диспропорции в показателях экономического развития отдельных стран. И если лидеры в этой области — Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия — активно экспериментируют со всеми известными ныне способами получения зеленой энергии, то остальные арабские государства занимают скорее выжидательную позицию, продолжая развивать традиционные источники.

Последнее обстоятельство в свою очередь красноречиво демонстрирует, что в кратко- и среднесрочной перспективе традиционная энергогенерация не потеряет своего значения как с точки зрения развития мировой энергетики, так и в качестве объекта и инструмента экономической дипломатии. В этом контексте также весьма показателен пример взаимодействия между Российской Федерацией и Венесуэлой, рассмотренный К.А. Исаевым (МГУ имени М.В. Ломоносова). Автор прослеживает эволюцию практики применения Россией инструментов экономической дипломатии в отношении Венесуэлы в период президентства У. Чавеса и Н. Мадуро, отмечая как увеличение ее масштабов, так и обогащение ее новыми формами и механизмами. В то же время автор признает, что взаимодействие носит пока скорее точечный характер, затрагивая лишь отдельные сферы, в основном нефтегазовую и военно-техническую, и его масштабы недостаточны для полного преодоления экономического кризиса в Венесуэле. В этой связи предлагается перечень перспективных мер и инструментов, которые могла бы применить Российская Федерация в рамках оказания помощи Каракасу.

Можно заключить, что представленные в данном выпуске материалы позволяют подсветить ряд важных долгосрочных тенденций в развитии международных отношений вообще и в энергетической

сфере в частности; тенденций, которые специальная военная операция России на Украине не только не перечеркнула, но и, напротив, дополнительно актуализировала, выведя на первый план глобальной повестки дня. В этой связи хочется надеяться, что представленный выпуск найдут для себя интересным не только специалисты по экономическим и энергетическим аспектам международных отношений, но и более широкий круг экспертов-международников.

Желаем вам приятного чтения!

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39

Научная статья / Research paper

Ю.В. Боровский*

СТОЛКНОВЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ЗАПАДА: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕАЛИСТСКОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

К началу 2010-х годов мощный позитивный импульс, характеризовавший отношения между Российской Федерацией и западными странами в энергетической сфере, стал явно иссякать. Обозначились серьезные противоречия в подходах сторон буквально ко всем ключевым вопросам повестки дня: от взглядов на пути возможного развития российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и роль зарубежного капитала в нем до реализации конкретных проектов газопроводов и оценки перспектив правового и институционального регулирования энергетических отношений в Европе и мире. Российская военная операция на Украине 2022 г. обострила все эти разногласия до предела, фактически парализовав любые формы сотрудничества в энергетической сфере. Эти обстоятельства заставляют задуматься о движущих силах, идейно-ценностных императивах и логике развития энергетической политики России и стран Запада. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть указанные вопросы через призму реалистского и либерального подходов в теории международных отношений (ТМО). В первой части исследования описаны базовые теоретико-методологические установки этих подходов вообще и обозначены возможности их применения к изучению энергетической проблематики в

* *Боровский Юрий Викторович* — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России (e-mail: yuribor@mail.ru).

частности. Далее проведен последовательный сравнительный анализ объяснительного потенциала каждого из подходов применительно к ключевым узлам противоречий в отношениях РФ и стран Запада в энергетической сфере. Автор приходит к выводу, что, хотя многие шаги руководства России, США и Европейского союза вполне могут быть объяснены с точки зрения логики либерального подхода в ТМО (это касается как политики ряда стран ЕС по сохранению деполитизированного энергетического сотрудничества с РФ, так и законодательных мер Брюсселя для защиты внутреннего энергетического рынка от монопольного доминирования «Газпрома»), положения политического реализма гораздо лучше объясняют и предшествующую динамику международных отношений в этой области, и их нынешнее состояние, и перспективы развития. В частности, именно с позиций логики политического реализма представляется целесообразным рассматривать стремление западных государств совершить «энергетический переход» и тем самым нивелировать свою зависимость от углеводородов, хотя потенциальные противоречия России и Запада на данной почве пока не материализовались в полной мере.

Ключевые слова: энергетика, энергетическая политика, Россия, коллективный Запад, Европейский союз, ЕС, США, реализм, либерализм, энергетическая безопасность, энергетический переход, Зеленая сделка

Для цитирования: Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39.

Yury V. Borovsky

**RUSSIA AND THE WEST:
CLASH OF ENERGY INTERESTS
THROUGH THE LENS OF REALIST
AND LIBERAL APPROACHES**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

By the beginning of the 2010s, the powerful positive impetus inherent to the Russia-Western relations in the energy sector has waned. Substantial disagreements arose on all major issues of the agenda, from the views on the

prospects for the Russian fuel and energy complex development and participation of foreign capital in it, to the implementation of concrete gas transportation projects and to assessments of opportunities for legal and institutional regulation of energy relations in Europe and the world. The Russian military operation in Ukraine in 2022 has greatly exacerbated all these tensions, rendering virtually impossible any form of cooperation in the energy sector. These circumstances raise questions about the driving forces, ideological imperatives, and the very logic of the energy policy development both in Russia and the West. The present paper compares two different interpretations of these issues based on insights from the realist and liberal theoretical frameworks. The first section highlights basic theoretical and methodological premises of these approaches in general and outlines their potential application to the energy issues in particular. Then the author assesses the explanatory potential of each of these approaches with regard to the key issues in relations between Russia and the West in the energy sector. The author admits that many steps taken by Russia, as well as the US and the EU can be well explained from the viewpoint of liberal approach (e.g. attempts of some EU countries to depoliticize energy cooperation with Russia or the EU measures to prevent monopolization of its energy market by Gazprom). However, political realism provides a more compelling explanation of previous dynamics of international relations in this field, their current state and prospects. The policy of energy transition, implemented by Western countries to lower their carbon dependence, fits particularly well the logic of the realist approach, although potential tensions between Russia and the West in that regard have not yet fully materialized.

Keywords: energy, energy policy, Russia, collective West, European Union, EU, USA, realism, liberalism, energy security, energy transition, green deal

About the author: *Yury V. Borovsky* — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of International Relations and Foreign Policy of Russia, School of International Relations, MGIMO University (e-mail: yuribor@mail.ru).

For citation: Borovsky Yu.V. 2022. Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12–39. (In Russ.)

После 1991 г. Россия и страны Запада столкнулись с рядом фундаментальных противоречий, связанных с энергетикой. Они проявились в различных взглядах сторон на роль и развитие российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК), реализацию газотранспортных проектов, а также на регулирование европейской

и глобальной энергетики. Подобные разногласия требуют серьезного осмысления, что важно не только для обогащения накопленных научных знаний, но и для прогнозирования энергетических отношений между РФ и западными государствами в обозримой перспективе, в том числе в контексте меняющейся глобальной конъюнктуры. Цель настоящей статьи — приблизиться к пониманию логики развития отношений России и стран Запада в энергетической сфере и порождаемых ею противоречий, опираясь на объяснительный потенциал ключевых направлений теории международных отношений (ТМО) — политического реализма и либерализма. В научных работах, публикуемых в нашей стране и за рубежом, нередко исследуются энергетические проблемы России и западных государств (например, связанные с проектом «Северный поток-2» или Договором к энергетической хартии) [Белов, 2018; Конопляник, 2011], однако без прямой и непосредственной опоры на ТМО, что обуславливает научную новизну настоящего исследования.

Энергетика через призму реалистского и либерального подходов

Основополагающие направления ТМО, включая реалистское и либеральное, позволяют интерпретировать политику государств и их объединений в энергетической сфере. Отправной предпосылкой служит тот факт, что с XIX в. мировая система энергоснабжения опирается преимущественно на ископаемые углеродные энергоресурсы, а их запасы распределены на планете неравномерно [Smil, 2010]. Как следствие, одни страны импортируют нефть, газ или уголь, другие их экспортируют. При этом часть государств выполняют важные транзитные функции. «Энергетический переход» мирового сообщества к постуглеродной модели энергопотребления, начавшийся в 2000-х годах и ускорившийся на рубеже 2010–2020-х годов, способен изменить эту логику, вокруг которой выстраиваются основные экономические и политические стратегии государств. Однако это произойдет ближе к 2050 г.¹, к тому же велика вероятность, что место углеродного топлива займут тоже дефицитные и по-разному доступные редкие металлы и водород [Борисов, 2020].

¹ Energy outlook: 2020 edition // BP. 2020. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf>; World energy outlook 2021 // International Energy Agency. October 2021. Available at: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021> (accessed: 08.03.2022).

Согласно **реалистскому** подходу государства, ставящие во главу угла прагматичную защиту и продвижение своих национальных интересов, видят в энергетике источник своей политической силы или, напротив, слабости в международном контексте [Luft, Korin, 2009]. Иными словам, для них энергетика — это прежде всего политическая категория. В соответствии с установками оборонительного (*defensive*) и наступательного (*offensive*) реализма [Mearsheimer, 2001; Lobell, 2010] государства могут придерживаться двух разных линий поведения в энергетической сфере. В первом случае они не склонны выходить за рамки собственной защиты, ограничиваясь такими мерами, как резервирование дефицитных (углеродных) энергоносителей для чрезвычайных ситуаций, диверсификация источников и маршрутов их поставок, поиск доступной альтернативы (например, в виде возобновляемых источников энергии), энергосбережение и т.д. Во втором случае государства готовы предпринимать активные действия в отношении представителей внешнего мира в целях изменения невыгодного для себя статус-кво или, напротив, использования доступных преимуществ в своих политических интересах. Речь может идти о силовых акциях, введении запретов на поставку или покупку энергоносителей, льготном или дискриминационном энергоснабжении, применении всевозможных энергетических санкций [Голунов, 2021]. При этом главная цель любого государства — энергетическая независимость, или энергетический суверенитет [Schelly et al., 2020]. Только с таким статусом оно может быть относительно полноценным игроком на международной арене. Продолжая эту логику, следует допускать, что декарбонизация энергоснабжения в контексте решения климатической проблемы должна непременно восприниматься реалистами как возможность для государств, критически зависимых от импорта нефти, газа или угля, достичь энергетической независимости [Luft et al., 2011].

Для сторонников **либерального** подхода энергетика — это в большей мере сфера экономических отношений, которая должна развиваться в логике свободного рынка (или свободной торговли), а также поле для взаимовыгодного международного сотрудничества. В отличие от реалистов, либералы считают, что экономические (рыночные) силы в большей степени движут мировыми процессами. Сторонники этого подхода не слишком озабочены проблемой зависимости государств от импорта каких бы то ни было энергоносителей и зачастую видят особую ценность в обоюдной заинте-

ресованности экспортеров и импортеров, которая, по их мнению, только стабилизирует международные отношения [Harsem, Claes, 2013]. В списке приоритетов либералов находится коллективное, кооперативное и опирающееся на многосторонние институты обеспечение международной безопасности [Худайкулова, 2020], в том числе в области энергетики и особенно при возникновении новых вызовов, каковым, например, являются «энергопереход» и климатический кризис [Luft, Korin, 2009].

Если говорить о либерализме в более широком смысле, то его сторонники ратуют за демократию, уважение прав и свобод человека, соблюдение принципов международного права и т.д. [Shirayev, Zubok, 2019]. При этом ключевым является вопрос о методах глобального продвижения либеральных стандартов. В рамках классического либерального интернационализма, во многом связанного с воззрениями американского президента В. Вильсона, предполагается, что либеральные демократические страны объединятся в формате международных институтов и тем самым составят коллективный оплот либерального мира, в том числе перед лицом возможных угроз со стороны авторитарных государств [Friedmann, 1968]. Такому либеральному интернационализму скорее чуждо наступательное принуждение нелиберальных стран к преобразованиям, так как это прежде всего противоречит международному праву². Как считается, повсеместная либерализация авторитарных режимов должна произойти сама собой, поскольку является неизбежным эволюционным процессом. Достаточно вспомнить концепцию «волн демократизации», популяризованную С. Хантингтоном в начале 1990-х годов [Huntington, 1993].

После окончания холодной войны и установления практически безраздельного доминирования США и стран Запада либеральный интернационализм фактически трансформировался в либеральный интервенционизм — внешнеполитическую доктрину, оправдывающую активное, в том числе военное, вмешательство либеральных демократических государств в дела других суверенных стран в целях их трансформации, а также продвижения свободы и демократии в глобальном масштабе. Конечно, Соединенные Штаты стали главным олицетворением «нового либерального интернационализма»,

² Debating liberal internationalism // The American prospect. 15.05.2008. Available at: <https://prospect.org/article/debating-liberal-internationalism/> (accessed: 08.03.2022).

или либерального интервенционизма [Lipsey, 2016]³. Однако многие другие страны, относящие себя к демократическому миру, решили также солидаризироваться с США, породив феномен «либерального интернационализма средних держав» (*middle power liberal internationalism*) [Ole et al., 2019].

Американское глобальное превосходство, возникшее после окончания холодной войны, одновременно создало почву для популяризации идей неоконсерватизма, зародившегося в 1960–1970-х годах. Современный американский неоконсерватизм выражается в поддержке активной, в том числе силовой, борьбы США с нелиберальными режимами и силами, поскольку они угрожают американскому глобальному лидерству и ценностям, на которых оно зиждется [Сушенцов, 2016]. При этом американские неоконсерваторы во главу угла ставят национальные интересы Соединенных Штатов, их моральный авторитет и обязательно рассматривают США как неоспоримого глобального гегемона, окруженного союзниками и единомышленниками. Это отличает неоконсерваторов от современных либеральных интернационалистов, или интервенционистов. Последние видят главное в построении глобального либерального миропорядка, в котором США отведена роль гаранта или консолидирующего инструмента, а американские национальные интересы имеют большое, но всё-таки второстепенное значение⁴.

С определенной долей условности американский неоконсерватизм можно отождествлять с наступательным реализмом. Его сторонники исходят из того, что анархия, в которой неизменно пребывают международные отношения, всегда будет подталкивать государства, особенно великие державы, к наращиванию мощи, экспансии и гегемонии под любыми предлогами [Mearsheimer, 2001]. Последователи оборонительного, или прагматичного реализма (К. Уолтц, С. Уолт), напротив, считают, что подобные устремления — недальновидная стратегия государств, в конечном счете снижающая их безопасность и создающая для них дополнительные риски [Lobell, 2010]. По аналогии с дихотомией в реализме классический либеральный

³ Goldberg J. The Obama Doctrine // The Atlantic. April 2016 Issue. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/theobama-doctrine/471525/> (accessed: 10.02.2022).

⁴ Bosco D. What divides neocons and liberal interventionists // Foreign Policy. 09.04.2012. Available at: <https://foreignpolicy.com/2012/04/09/what-divides-neocons-and-liberal-interventionists/> (accessed: 10.03.2022).

интернационализм можно характеризовать как оборонительный, а его современный вариант в виде либерального интервенционизма — как наступательный.

При переносе описанной теоретической схемы в область энергетики следует допускать, что, по мнению сторонников либерального интервенционизма и неоконсерватизма, в том числе в правящих элитах США и всего коллективного Запада, многие, на их субъективный взгляд, нелиберальные режимы мира, включая Россию, Иран, Саудовскую Аравию, Венесуэлу и др., критически зависят в своем экономическом развитии и проецировании геополитической мощи от экспорта углеродных энергоносителей. Значит, их нефтегазовая и угольная индустрии по определению подлежат сдерживанию и даже дестабилизации и маргинализации, если того потребуют обстоятельства.

Российский ТЭК как «яблоко раздора»

Вплоть до 2014 г. западные государства настойчиво и отчасти небезосновательно обвиняли российское государство в том, что оно проводило политику «ресурсного национализма», т.е. умышленно по политическим причинам не позволяло зарубежным (прежде всего американским и европейским) компаниям становиться важнейшими игроками ТЭК страны, а также сохраняло и даже усиливало собственный контроль над национальной энергетикой [Domjan, Stone, 2010; Gustafson, 2012; Голунов, 2021]. Блокировка продажи ЮКОСа американским ExxonMobil и Chevron (2003), лишение британо-нидерландской Shell контрольного пакета акций и статуса оператора в проекте «Сахалин-2» (2007), фактическая передача прав на освоение Ковыктинского газового месторождения, которое будет питать «Силу Сибири», от британо-российской ТНК-ВР «Газпрому» (2011), покупка «Роснефтью» ТНК-ВР (2013), отказ от обещанного реформирования «Газпрома» — эти и некоторые другие примеры использовались коллективным Западом в качестве оправдания критики российских властей.

Добиваясь либерализации российской энергетики, западные страны заботились не только о международном сообществе, которое, по их мнению, должно иметь беспрепятственный, неполитизированный доступ к мировой ресурсной базе. Их интерес также состоял в обеспечении ключевых позиций американских и европейских компаний в российском ТЭК, особенно в той его части, которая свя-

зана с нефтью и газом [Gustafson, 2012]. В случае успеха государства Запада могли рассчитывать на бесперебойные поставки российских углеводородов, которых им критически не хватало (применительно к США до того момента, когда к середине 2010-х годов «сланцевая революция» обеспечила значительный прирост добычи нефти и газа в стране), а также надеялись фактически лишить Россию ее «энергетического оружия», если она вдруг вздумала бы им воспользоваться. В свою очередь РФ видела в национальном ТЭК не только важнейший экономический, но и политический ресурс в евразийском и глобальном измерениях [Domjan, Stone, 2010; Голунов, 2021]. Очевидно, что, отказываясь от передачи главных энергетических активов страны в иностранные руки, российские власти тем самым подчеркивали стратегическую роль ТЭК не только в экономическом развитии России, но и в проецировании ее политической силы на международной арене.

Политический кризис на Украине, продолжавшийся с февраля 2014 г. и вылившийся в жесткое противостояние РФ и коллективного Запада, и тем более специальная военная операция на украинской территории, начатая Москвой в феврале 2022 г. и вызвавшая куда более резкую реакцию западных государств, в корне изменили ситуацию, сложившуюся после распада СССР. Желая наказать Россию за ее действия в отношении соседнего государства, а также фундаментально сдержать ее геополитическую активность и, вероятно, даже добиться смены власти в Кремле, коллективный Запад во главе с США пошел на беспрецедентные санкционные меры. В сфере энергетики они были призваны не только дистанцировать западные корпорации от российского ТЭК, но и нанести болезненный удар по всей нефтегазовой и угольной индустрии РФ. В западных столицах, очевидно, полагали, что их санкционное воздействие на российскую углеродную энергетику, которая обеспечивала львиную долю экспортных поступлений РФ (согласно данным Федеральной таможенной службы России, 67% в 2014 г. и 53% в 2021 г.)⁵, могло дать наилучший эффект в их политизированных устремлениях.

Санкционный пакет 2014 г. предполагал запрет западным компаниям участвовать в разработке шельфовых и неконвенциональных (сланцевых и др.) нефтегазовых месторождений в России, а также

⁵ Экспорт России важнейших товаров // Федеральная таможенная служба России. Доступ: <https://customs.gov.ru/folder/513> (дата обращения: 17.03.2022).

предоставлять российским партнерам соответствующие услуги и технологии [Van de Graaf, Colgan, 2017]. Западным банкам предписывалось не кредитовать ведущие нефтегазовые компании РФ [Сидорова, 2016]⁶. В 2022 г. санкционное давление Запада на российскую энергетику стало по-настоящему радикальным. Соединенные Штаты прекратили импорт нефти, газа и угля из России, а также запретили своим гражданам осуществлять новые инвестиции в энергетический сектор РФ и финансировать иностранные компании, использующие подобные инвестиции⁷. Аналогичные ограничения ввел Брюссель⁸. Евросоюз, отдельные его страны и Великобритания также обозначили шаги по планомерному отказу от российских нефти, газа и угля в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В частности, на саммите лидеров ЕС в Версале (10–11 марта 2022 г.) было принято решение добиться к 2027 г. отказа от всех углеродных энергоресурсов из России⁹. Кроме того, коллективный Запад ввел жесткие санкции в отношении крупнейших нефтегазовых компаний РФ и их руководителей, включая «Роснефть», «Газпром» и «Транснефть»¹⁰. Параллельно ведущие западные энергетические корпорации (BP, Shell, ExxonMobil и др.) решили прекратить или приостановить свою деятельность на территории РФ, а также взаимовыгодное сотрудничество с российскими партнерами.

Все эти шаги шли вразрез с той политикой, которую коллективный Запад проводил в отношении российского ТЭК до 2014 г. Очевидно, что такой разворот в большей мере отвечал американским, нежели европейским, интересам. Соединенные Штаты благодаря

⁶ Секторальные санкции ЕС в отношении России. Досье // ТАСС. 29.06.2018. Доступ: <https://tass.ru/info/5334936> (дата обращения: 10.03.2022).

⁷ US sanctions target Russia's energy sector and ban imports of Russian oil, LNG, and coal as enforcement efforts increase and agencies consider cryptocurrency and other digital assets // The National Law Review. 10.03.2022. Available at: <https://www.natlawreview.com/article/us-sanctions-target-russia-s-energy-sector-and-ban-imports-russian-oil-lng-and-coal> (accessed: 17.03.2022).

⁸ Запрет на поставку предметов роскоши и инвестиции в энергетику. ЕС ввел санкции против РФ // ТАСС. 15.03.2022. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14071783> (дата обращения: 17.03.2022).

⁹ Саммит Евросоюза принял решение повысить агробезопасность, снизив зависимость от импорта // ТАСС. 11.03.2022. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/14044731> (дата обращения: 17.03.2022).

¹⁰ Евросоюз ввел санкции против российских нефтяных компаний // Коммерсант. 15.03.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5258914> (дата обращения: 17.03.2022).

«сланцевой революции» не только стали меньше зависеть от импорта углеводородов, но и начали налаживать их масштабный экспорт, в том числе в Европу, где традиционно доминировали российские поставщики. Например, если в декабре 2021 г. США поставляли в страны ЕС и Великобританию 96 млн кубометров природного газа в сутки, то в январе 2022 г. они удвоили этот показатель до 184 млн кубометров¹¹. Государства ЕС и Великобритания прекрасно понимали, что с 1970-х годов СССР и Россия неизменно играли ключевую, во многом незаменимую роль в энергоснабжении Европы [Goldthau, 2016]. Тем не менее они и, главное, их компании всё же решились пожертвовать своими экономическими интересами во имя евроатлантических политических задач.

Анализируя политику коллективного Запада в отношении российского ТЭК, можно заключить, что она в большей мере соотносилась с логикой реалистского подхода, причем преимущественно наступательного толка. Иными словами, западные страны с самого начала смотрели на ТЭК РФ главным образом через призму своей политической уязвимости и одновременно политической силы российского государства как в целом, так и в привязке к конкретным геопространствам. Сначала об этом свидетельствовали их настойчивые попытки добиться посредством своих корпораций контроля над ключевыми российскими нефтегазовыми активами. Однако после 2014 и, тем более, 2022 гг. коллективный Запад встал на путь изолирования и дестабилизации российского ТЭК с помощью санкций и других инструментов. В попытках США вытеснить российские углеводороды с европейского рынка и заменить их на американские могут, конечно, просматриваться проявления недобросовестной экономической конкуренции, которая с определенной долей условности укладывается в либеральную логику. Тем не менее подобные усилия никак не отменяют всей глубинной политической подоплеку, описанной выше. В то же время агрессивные действия США и их союзников в отношении российского ТЭК могут одновременно находить аргументированные обоснования в идеях либерального интервенционизма и неоконсерватизма.

¹¹ Trio supplying lion's share of LNG to Europe // Journal of Petroleum Technology. 22.02.2022. Available at: <https://jpt.spe.org/trio-supplying-lions-share-of-lng-to-europe> (accessed: 17.03.2022).

Российские власти, отдавая предпочтение политике «ресурсного национализма» и рассматривая ТЭК страны в качестве ее ключевого внешнеполитического ресурса, также действовали в большей мере в духе реалистского подхода. Бесспорно, они всегда приветствовали присутствие зарубежных, в частности западных, компаний в национальной энергетике, за что ратует либеральное течение ТМО. Однако такое присутствие, по мнению Москвы, не должно было достигать размеров, способных нивелировать внешнеполитический потенциал российского ТЭК.

Противоречия вокруг российских газоэкспортных проектов

После 1991 г. Россия и ее компании реализовали целый ряд стратегических газотранспортных проектов. Те из них, которые были связаны с экспортом сжиженного природного газа (СПГ) («Сахалин-2», «Ямал СПГ» и др.) или поставками трубопроводного газа в КНР, на удивление не стали частью проблемной повестки в отношениях РФ и Запада, если только не брать в расчет упомянутое снижение статуса Shell в «Сахалине-2». Основные разногласия между Москвой и западными партнерами возникли вокруг строительства трубопроводных магистралей, призванных диверсифицировать маршруты поставок российского газа в Европу. Причем середина 2000-х годов может считаться некоей отправной точкой в появлении таких противоречий. Как следствие, если газопроводы «Ямал–Европа» (запуск в 1999 г.) и «Голубой поток» (запуск в 2003 г.) избежали политизации, то все последующие новые газовые магистрали на европейском направлении, строительство которых было инициировано Россией, — нет [Kutcherov et al., 2020].

Проект «Северный поток-1» (Nord Stream 1, СП-1) обрел реальные перспективы только в сентябре 2005 г., когда правительства России и Германии подписали соответствующую декларацию¹², и именно с этого времени он стал встречать решительное противодействие со стороны США, Польши, стран Балтии и Украины. Ключевым доводом противников СП-1, который должен был напрямую связать РФ и ФРГ (а значит, и Западную Европу) по дну Балтийского моря, исключив тем самым восточноевропейских посредников, была ненадежность России, поскольку она, по их мнению, всегда готова

¹² The history of Nord Stream // DW.com. 23.07.2021. Available at: <https://www.dw.com/en/the-history-of-nord-stream/a-58618313> (accessed: 10.03.2022).

использовать газ в политических целях [Smith Stegen, 2011]. В качестве наглядных примеров они приводили российско-украинские газовые конфликты 2006 и 2009 гг., в ходе которых РФ прекращала поставки газа на Украину [Саква, 2010]. Тот факт, что причиной этих конфликтов была неготовность Киева принять рыночные условия взаимодействия с Москвой в газовой сфере, противники СП-1 игнорировали. Кроме того, они активно высказывали и другие беспочвенные опасения, связанные как со строительством, так и с эксплуатацией газопровода. Например, утверждали, что возведение СП-1 нанесет непоправимый ущерб экосистеме Балтийского региона¹³. Тем не менее, несмотря на созданный негативный фон, газопровод был введен в эксплуатацию в 2011–2012 гг. Произошло это во многом потому, что в его запуске были сильно заинтересованы Германия, Австрия, Нидерланды, Франция и даже Европейская комиссия, озабоченные чрезмерной ролью Украины как транзитера российского газа в Европу (свыше 70%). Еврокомиссия даже присвоила Nord Stream 1 статус приоритетного проекта «Трансъвропейских энергетических сетей» (TEN-E)¹⁴.

Однако работать в нормальном режиме СП-1 так и не смог, поскольку в 2009 г. та же Еврокомиссия добилась принятия новой газовой директивы (ГД), которая, по совпадению или нет, вступила в силу в 2011 г. [Sziklai et al., 2020]. Положения этого документа, заявленная цель которого заключалась в дальнейшей либерализации газового рынка Евросоюза, формально не распространялись на СП-1, поскольку он не находится на сухопутной территории ЕС. Тем не менее ГД позволила Европейской комиссии ограничить на 50% работу газопровода OPAL, который является инфраструктурным продолжением СП-1 на территории Германии. Директива запрещает заполнять магистральные газопроводы ЕС газом одного производителя, а в СП-1 и соответственно в OPAL газ подается только «Газпромом». В 2016 г. Еврокомиссия неожиданно смягчила свою первоначальную позицию и отдельным решением вывела за рамки ГД другие 50% мощностей OPAL при соблюдении определенных условий, но в 2019 г. Общий суд ЕС отменил это решение по иску

¹³ Raguzina G. Nord Stream gas pipeline a danger for the Baltic ecology // Bellona. 31.05.2007. Available at: <https://bellona.org/news/fossil-fuels/gas/2007-05-nord-stream-gas-pipeline-a-danger-for-the-baltic-ecology> (accessed: 10.03.2022).

¹⁴ «Северный поток» // Gazprom.ru. Доступ: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения: 10.03.2022).

Польши [Krzykowski, Krzykowska, 2017]¹⁵. С судебными усилиями Польской Республики солидаризировались страны Балтии и Украина¹⁶. Таким образом, если Еврокомиссия в итоге решила не создавать искусственных препятствий для СП-1, то Общий суд ЕС занял иную позицию.

После инициирования проекта «Северный поток-2» (Nord Stream 2, СП-2) в июне 2015 г. сформировалась еще более представительная группа стран, которая выступила категорически против сооружения данного газопровода, призванного (как и в случае с СП-1) напрямую связать Россию и Германию по дну Балтийского моря. Если ядро этой группы опять составили США, Польша, Литва, Латвия, Эстония и Украина, то в числе новых противников оказались Румыния, Венгрия, Чехия и Словакия [Sziklai et al., 2020]. Правда, три последние страны позже всё-таки решили поддержать проект, поскольку их национальные компании были подключены к транспортировке и реализации газа с помощью СП-2, что компенсировало их риски, связанные с будущим снижением транзита топлива через территорию Украины [Jirušek, 2020]. По аналогии с СП-1 противники СП-2 стали увязывать его не только с политической ненадежностью России, но и с серьезными экологическими рисками для Балтийского региона [Рогинко, 2018].

Соединенные Штаты в отношении СП-2 (как и параллельно реализуемого «Турецкого потока») стали активно применять целевые рестриктивные меры. С помощью серии законов, принятых Конгрессом с 2017 г. (CAATSA¹⁷, PEESA¹⁸), они начали грозить жесткими

¹⁵ The General Court annuls the Commission decision approving the modification of the exemption regime for the operation of the OPAL gas pipeline: Judgment in Case T-883/16 Poland v Commission: Press release of General Court of the European Union n°107/19, Luxembourg, 10 September 2019. Available at: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2019-09/cp190107en.pdf> (accessed: 11.03.2022).

¹⁶ Латвия и Литва присоединились к польскому иску по OPAL // Фокус. 31.03.2017. Доступ: <https://focus.ua/world/369589> (дата обращения: 10.03.2022); «Нафтогаз» будет судиться с Еврокомиссией из-за доступа «Газпрома» к OPAL // Sputnik. 29.03.2017. Доступ: <https://ru.sputnik-news.ee/economy/20170329/5224438/naftogaz-suditsja-evrokommisijej-dostup-gazproma-opal.html> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁷ H.R. 3364 — Countering America's Adversaries through Sanctions Act: Signed into law by President on August 2, 2017 // Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed: 11.03.2022).

¹⁸ Protecting Europe's Energy Security Act (PEESA) // State.gov. 20.10.2020. Available at: <https://www.state.gov/protecting-europes-energy-security-act-peesa/> (accessed: 11.03.2022).

санкциями разнопрофильным компаниям, вовлеченным в его реализацию (укладка труб, страхование, сертификация и проч.). Поначалу казалось, что с приходом в Белый дом Дж. Байдена позиция США несколько смягчилась. В 2021 г. Вашингтон фактически дал согласие на достройку и запуск СП-2 в обмен на определенные обязательства Берлина в отношении Киева¹⁹. Очевидно, вновь избранный президент пошел на такой шаг, который не нашел всесторонней поддержки в американском истеблишменте, главным образом для того, чтобы в будущем рассчитывать на Германию в многосторонних институтах, а также при решении более значимых для Вашингтона задач, например, в торговой и климатической сферах. Тем не менее в феврале 2022 г., реагируя на признание Россией ДНР и ЛНР, Соединенные Штаты ввели прямые санкции против компании-оператора СП-2 AG и ее исполнительного директора М. Варнига: были заблокированы их активы в американской юрисдикции, а также запрещены все их сделки с физическими и юридическими лицами США²⁰.

В Евросоюзе СП-2 вызвал весьма неоднозначную реакцию. Как и «Южный поток» (ЮП), а также пришедший ему на смену «Турецкий поток», о которых будет сказано далее, он не получил от Европейской комиссии статуса «проекта общего интереса»²¹ и, следовательно, не мог формально рассчитывать ни на политическую поддержку Брюсселя, ни на финансирование по линии ЕС. При этом все основные конкурирующие проекты без российского участия (Baltic Pipe, TANAP и TAP) такие преференции, напротив, получили²². В Брюсселе, очевидно, опасались, что СП-2 после своего запуска будет оказывать дестабилизирующее влияние с точки зрения как диверсификации поставок газа в Европу, так и формирования демополизованного и конкурентного внутреннего энергетического рынка ЕС [Sziklai et al., 2020]. В июне 2017 г. Европейская комиссия

¹⁹ Сделка США и Германии по «Северному потоку-2» // РБК. 21.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2021/60f84ff09a79470260a155fc> (дата обращения: 12.03.2022).

²⁰ США ввели санкции против компании-оператора «Северного потока-2» // РИА «Новости». 23.02.2022. Доступ: <https://ria.ru/20220223/sanktsii-1774599653.html> (дата обращения: 22.03.2022).

²¹ В 2013 г. «проекты общего интереса» (PCI) пришли на смену приоритетным проектам «Трансевропейских энергетических сетей» (TEN-E).

²² Projects of Common Interest // An official website of the European Union. Available at: https://ec.europa.eu/energy/topics/infrastructure/projects-common-interest_en?redir=1 (accessed: 12.03.2022).

даже запросила у Совета ЕС мандат на ведение переговоров с «Газпромом» и Россией по СП-2 от лица всех стран Евросоюза²³, но получила отказ. Принципиальность проявили ФРГ, Австрия и Франция, видимо, не захотевшие, чтобы Брюссель мог в значительной степени препятствовать строительству газопровода [Giuli, 2018].

Как ни парадоксально, но именно с лета 2017 г., когда США вступили на путь законодательного торпедирования СП-2, Еврокомиссия стала решительно возражать против этого [Giuli, 2018]²⁴. Однако она же разработала поправки к ГД 2009 г., которые были утверждены в мае 2019 г. В результате положения ГД распространились на участки новых и действующих газопроводов, находящихся в территориальных морях государств — членов ЕС [Sziklai et al., 2020], т.е. они впервые непосредственно затронули СП-1 и СП-2. При этом по настоянию Германии и Франции все полномочия по применению новых правил, включая право делать исключения, были предоставлены той стране ЕС, в территориальных водах которой находится конкретный участок газопровода. В случае СП-1 и СП-2 это была Германия²⁵. Таким образом, Берлину и Парижу фактически удалось смягчить «подрывную силу» этого нововведения Брюсселя.

И всё же политика Германии в отношении российских газотранспортных проектов была весьма противоречивой. В мае 2020 г. Федеральное сетевое агентство (Bundesnetzagentur) отказалось предоставить СП-2 (в отличие от СП-1) исключительный статус в рамках применения обновленной ГД²⁶. В итоге благодаря поправкам

²³ Opinion of the Council's Legal Service dated 27 September 2017 on the Recommendation for a Council decision authorizing the opening of negotiations on an agreement between the European Union and the Russian Federation on the operation of the Nord Stream 2 pipeline // Politico. Available at: <http://www.politico.eu/wp-content/uploads/2017/09/SPOLITICO-17092812480.pdf> (accessed: 13.03.2022).

²⁴ Климентьева Л. Ответ на новые санкции против России Вашингтон может получить от Брюсселя // Ведомости. 24.07.2017. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/07/24/725504-es-otvet-vashingtonu> (дата обращения: 10.03.2022); Еврокомиссия выступила против расширения санкций по «Северному потоку-2» // РБК. 04.12.2020. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/04/12/2020/5fca4acc9a794782b9336b28> (дата обращения: 13.03.2022).

²⁵ ЕС утвердил поправки к касающейся «Северного потока-2» газовой директиве // РБК. 15.04.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/15/04/2019/5cb449de9a79470a0ae92253> (дата обращения: 13.03.2022).

²⁶ No derogation from regulation for Nord Stream 2 // Bundesnetzagentur.de. 15.05.2020. Available at: https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/2020/20200515_NordStream2.html (accessed: 14.03.2022).

к этому документу Германия получила возможность регулировать работу СП-2 в соответствии со своими национальными интересами и внешнеполитической конъюнктурой. В конце февраля 2022 г., после признания Россией ДНР и ЛНР, она вообще приостановила сертификацию этого газопровода²⁷. Начавшаяся тогда же специальная военная операция России на Украине сделала будущее проекта совершенно неопределенным.

В декабре 2014 г. Россия, отказавшись от ЮП, который потерял перспективу быть реализованным в силу неконструктивной позиции Еврокомиссии и Болгарии, переключилась на альтернативный проект — сооружение газопровода «Турецкий поток» (TurkStream, ТП). Последний также не нашел поддержки ни в Брюсселе, ни в Вашингтоне, которые, очевидно, восприняли его как нежелательный аналог ЮП [Erşen, Çelikpala, 2019; Pardo Sauvageot, 2020]. Оба «потока» не только снижали инвестиционную привлекательность альтернативных газовых проектов, лоббируемых ЕС (возведение газопровода Nabucco, позднее — создание «Южного газового коридора»), но и, видимо, создавали дополнительную конкуренцию американским поставкам СПГ на европейский рынок [Vihma, Turksen, 2016; Буник, 2018].

Следует отдельно подчеркнуть, что главное предназначение всех российских газотранспортных проектов состояло в том, чтобы нивелировать ключевой газотранзитный и, следовательно, геополитический статус Украины. С точки зрения либерального подхода такая диверсификация отвечает интересам как поставщика газа, коим является Россия, так и всех потребителей российского голубого топлива в Европе. Тем не менее, как показало развитие событий, допустить такой диверсификации государства коллективного Запада не захотели, особенно после февраля 2014 г., когда в Киеве установился прозападный, антироссийский режим. Данная реальность недвусмысленно указывает на торжество реалистского подхода, хотя ряд западноевропейских стран ЕС, включая ФРГ, Австрию и некоторые другие, проявляли немалую заинтересованность в полноценной работе СП-1 и запуске СП-2.

²⁷ Германия остановила «Северный поток-2» // Ведомости. 22.02.2022. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/02/22/910515-zamorozka-severnogo-potoka> (дата обращения: 24.03.2022).

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что попытки коллективного Запада затруднить реализацию газоэкспортных проектов России на европейском направлении или даже воспрепятствовать ей, наблюдаемые с середины 2000-х годов, в большей мере вписываются в реалистский подход ТМО. Налицо преобладающее политизированное желание западных государств сдерживать экспансию «Газпрома» в Европе или хотя бы придать ей контролируемые формы. Действуя таким образом, коллективный Запад во главе с США в меньшей степени думал об экономической целесообразности и в большей — о политических и геополитических раскладах. Если считать экономическую конкуренцию ключевой категорией либеральной теории, то фактическое саботирование Вашингтоном реализации газоэкспортных проектов РФ можно также связать с его желанием продвинуть собственные экономические интересы, за которыми стоят конкретные компании-лоббисты. Соединенные Штаты стремятся ограничить присутствие российского газа в Европе, с которым американский СПГ едва может конкурировать в силу более высокой стоимости [Голунов, 2021].

Попытки Европейской комиссии распространить на СП-1, СП-2 и магистральные газопроводы, которые являются их продолжением в Германии, а также на ЮП и ТП действие ГД 2009 г. могут объясняться простым стремлением Брюсселя защитить внутренний газовый рынок ЕС от монопольного доминирования «Газпрома» или по крайней мере иметь возможность при необходимости регулировать поставки российского газа [Боровский, Шишкина, 2021]. В этом смысле Европейская комиссия, если оставить в стороне возможные политические мотивы, действовала в рамках либерального подхода. Вместе с тем нельзя отрицать серьезное расхождение во взглядах на реализацию российских газоэкспортных проектов между западно-европейскими (Германия, Австрия, Франция, Нидерланды и др.) и восточноевропейскими (Польша, Прибалтийские государства и др.) членами ЕС. Первые предпочитали делать упор на экономические аспекты (например, в феврале 2018 г. канцлер ФРГ А. Меркель назвала СП-2 чисто экономическим проектом)²⁸, что в полной мере соответствует либеральному подходу, вторые, напротив, мыслили

²⁸ Меркель: «Северный поток-2» — это чисто экономический проект // Regnum. 18.02.2018. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/2381400.html> (дата обращения: 25.03.2022).

в реалистском ключе, ставя во главу угла политику и оставляя в стороне всевозможные экономические выгоды²⁹.

Проблема компромиссного регулирования глобальной и региональной энергетики

После 1991 г. Россия и западные государства прилагали усилия в направлении правового и институционального регулирования глобальной и европейской энергетики, но так и не смогли договориться. В итоге они выступили в роли политических соперников, не готовых идти на серьезные компромиссы.

Во-первых, страны ЕС, продвигая Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) 1994 г., фактически пытались навязать Москве невыгодные ей правила международного энергетического взаимодействия. Это прежде всего касалось свободного транзита газа (в первую очередь среднеазиатского) через территорию РФ, а также широкого доступа иностранных компаний к российским нефтегазовым активами. Учредив Энергетическое сообщество в 2006 г., Европейский союз фактически вознамерился экспортировать свое энергетическое законодательство (в том числе ГД 2009 г.) в страны Юго-Восточной Европы и Черноморского региона, включая Украину, и тем самым ослабить позиции «Газпрома», являющегося вертикально интегрированной компанией. Приступив к формированию Энергетического союза в 2015 г., Брюссель также решил консолидировать и усилить тот концептуальный и правовой режим, который им создавался в европейской энергетике [Юдина, 2021]. Москва со своей стороны требовала компромиссного учета собственных интересов, например, через адаптацию ДЭХ в соответствии с российскими приоритетами, предоставление исключительного статуса «Газпрому» при применении ГД в европейских странах или даже обращение во Всемирную торговую организацию. Однако требования РФ, по большому счету, остались без ответа.

Во-вторых, глубокие разногласия коллективного Запада и России из-за госпереворота на Украине в 2014 г. и последующих событий, связанных с украинским государством, вообще привели к разрыву их двусторонних институциональных и правовых связей в сфере

²⁹ Премьер Польши считает «Северный поток-2» крайне вредным проектом // ТАСС. 18.12.2017. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/4821322> (дата обращения: 25.03.2022).

энергетики, с трудом выстраивавшихся многие годы. В итоге Россия была оставлена за рамками «Группы восьми» и лишена права на вступление в Международное энергетическое агентство. G8 и МЭА находятся в числе многосторонних институтов, которые в немалой степени определяют параметры функционирования глобальной энергетики. Был также прекращен ЭнергодIALOG Россия–ЕС, который с 2000 г. выступал ключевым компонентом в регулировании европейского энергоснабжения.

Оценивая произошедшее, можно полагать, что западные государства с самого начала рассматривали поддерживаемые ими энергетические институты и правовые режимы в качестве инструментов, призванных обеспечивать в первую очередь их энергетическую безопасность и продвигать ту модель международного взаимодействия в энергетической сфере, которая главным образом отвечала их экономическим и политическим интересам. Компромисс с Россией наверняка был бы возможен, если бы коллективный Запад ориентировался в большей мере на взаимную экономическую выгоду и обеспечение стабильного развития мировой и европейской систем энергоснабжения на благо всех заинтересованных сторон. Как представляется, Москва больше склонялась к компромиссам, однако при этом не была готова к односторонним уступкам, ведущим к ее экономическому и политическому ослаблению при параллельном усилении коллективного Запада. Подобное поведение опять-таки гораздо лучше может быть объяснено логикой реалистского подхода, нежели либерального, который, как было указано, предполагает деполитизированное компромиссное сотрудничество сторон.

В схожем ключе можно рассматривать «энергетический переход» человечества от углеродной к постуглеродной модели энергоснабжения, главным лоббистом которого выступает коллективный Запад. Вполне можно допускать, что западные государства, в большинстве своем испытывающие критическую зависимость от импорта углеродного топлива, поставили перед собой задачу перестроить мировую систему энергоснабжения таким образом, чтобы она в большей мере отвечала их экономическим интересам и, главное, нивелировала их политические уязвимости [Борисов, 2020]. Не исключено, что они, спекулируя на экологических и климатических вызовах, пойдут по пути навязывания другим членам мирового сообщества, включая Россию, невыгодных им правил международного экономического

взаимодействия и целевых ориентиров в рамках «энергоперехода». Это может выразиться в де-факто принуждении к форсированному отказу от ископаемого углеродного топлива в пользу возобновляемых и иных альтернативных источников энергии, в том числе за счет введения высоких углеродных налогов или пошлин на широкую номенклатуру импортных товаров. Например, в июле 2021 г. Европейский союз объявил о введении так называемого Углеродного трансграничного компенсационного механизма (Carbon Border Adjustment Mechanism), который заработает в 2026 г. и первоначально станет применяться к зарубежным производителям железа, стали, алюминия, цемента, удобрений и электричества, а впоследствии охватит другие области импортных товаров³⁰. Эта и другие подобные меры стран коллективного Запада наверняка ощутимо ударят по «незеленым» или недостаточно «зеленым» экспортерам, в том числе нефти, газа и угля. Такая перспектива пока только обретает свои очертания, но уже можно допускать, что «энергетический переход» способен стать новым источником серьезных противоречий России и Запада, трактуемых в логике реалистского подхода.

* * *

Основные разногласия России и стран Запада в сфере энергетики, имевшие место с 1991 г., могут рассматриваться сквозь призму как реалистского, так и либерального подходов ТМО.

Так, попытки Еврокомиссии использовать законодательство ЕС, а именно ГД 2009 г., в отношении российских газозэкспортных магистралей вполне могут вписываться в логику либерального подхода, поскольку с помощью привнесенных ограничений Брюссель рассчитывал и рассчитывает сдерживать доминирование «Газпрома» во избежание монополизации европейского газового рынка.

С позиций современного либерального интернационализма (интервенционизма) и неоконсерватизма попытки Запада ограничить потенциал и тем более нанести ущерб российскому ТЭК могут одновременно объясняться желанием США и других государств коллективного Запада добиться ослабления и дальнейшей либерали-

³⁰ Carbon border adjustment mechanism: Information material on the official website of the European commission // An official website of the European Union. Available at: https://ec.europa.eu/taxation_customs/green-taxation-0/carbon-border-adjustment-mechanism_en (accessed: 14.03.2022).

зации российского государства, которое, по их мнению, критически зависит от экспорта углеродных энергоносителей.

Однако в сумме именно политический реализм дает больше точек опоры для объяснения поведения рассматриваемых сторон. В частности, на развитие российского ТЭК как западные государства, так и Россия смотрели преимущественно в реалистском ключе. Конечно, взаимную экономическую и иную выгоду от сотрудничества на данном направлении они также не игнорировали, однако политический фактор был всё-таки определяющим. Как видится, до середины 2000-х годов российские газоэкспортные проекты реализовывались преимущественно в либеральном контексте, однако после обозначенного рубежа стали политизироваться и развиваться в усиливавшейся реалистской логике. В итоге СП-1, СП-2, ЮП и ТП превратились не только в основу для сотрудничества России и отдельных государств ЕС, за которое ратуют сторонники либерального подхода, но и в поле для ожесточенных политических баталий. И, наконец, Россия и страны Запада, хотя и предпринимали попытки взаимовыгодного регулирования глобальной и европейской энергетики, по большому счету, не смогли найти точки соприкосновения, фактически выступив в роли политических соперников. Усилия западных государств по совершению «энергетического перехода» и тем самым нивелированию своей зависимости от углеводородов из стран, которых они считают своими политическими конкурентами, также могут вписываться в реалистскую парадигму, однако потенциальные противоречия России и Запада на данной почве пока не материализовались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.Б. Проект «Северный поток-2» — шансы и риски реализации // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 74–80. DOI: 10.15211/vestnikieran320187480.
2. Борисов М.Г. Энергетический переход и геополитика // Восточная аналитика. 2020. № 1. С. 7–16. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-007-016.
3. Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Приоритетные цели энергетической политики ЕС // Современная Европа. 2021. № 3. С. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127.

4. Буник И.В. Международно-правовые аспекты приостановления проекта «Южный поток» // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 2. С. 122–140. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.7.

5. Голунов С.В. Энергетические рычаги внешней политики: опыт России и США // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 1. С. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3.

6. Конопляник А.А. Энергетическая хартия: отменить нельзя модернизировать // *ЭКО*. 2011. № 2. С. 118–136.

7. Рогинко С.А. «Северный поток-2»: мнимые экологические риски // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 4. С. 136–141. DOI: 10.15211/vestnikieran42018136141.

8. Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6. Доступ: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/syrevoj-sektor-rossii-ekonomika-kontrolya-i-politika-renty.html> (дата обращения: 14.03.2022).

9. Сидорова Е.В. Энергетика России под санкциями Запада // *Международные процессы*. 2016. № 1. С. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11.

10. Сушенцов А.А. Внешнеполитические платформы Республиканской партии США: изоляционисты, реалисты, неоконсерваторы // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 1. С. 47–55. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-47-55.

11. Худайкулова А.В. Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. № 3. С. 394–417. DOI: 10.21638/spbu06.2020.307.

12. Юдина О.Н. Энергетический союз ЕС спустя пять лет: миф или реальность? // *Современная Европа*. 2021. № 1. С. 190–199. DOI: 10.15211/soveurope12021190199.

13. Domjan P., Stone M. A comparative study of resource nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008 // *Europe-Asia Studies*. 2010. Vol. 62. Iss. 1. P. 35–62. DOI: 10.1080/09668130903385374.

14. Erşen E., Çelikpala M. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia // *Energy Policy*. 2019. Vol. 128. P. 584–592. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.01.036.

15. Friedmann W. Interventionism, liberalism, and power-politics: The unfinished revolution in international thinking // *Political Science Quarterly*. 1968. Vol. 83. No. 2. P. 169–189. DOI: 10.2307/2147088.

16. Giuli M. Nord Stream 2: Rule no more, but still divide (Issue paper) // *European policy center*. 2018. Available at: http://aei.pitt.edu/94377/1/pub_8613_nordstream2.pdf (accesses: 28.05.2022).

17. Goldthau A. *Assessing Nord Stream 2: Regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK*. London: EUCERS, 2016.

18. Gustafson T. *Wheel of fortune: The battle for oil and power in Russia*. Cambridge: Belknap Press, 2012.

19. Harsem Ø., Claes D.H. The interdependence of European-Russian energy relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 59. P. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035.

20. Huntington S.P. *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.

21. Jirušek M. The attitude of the Visegrad Group countries towards Russian infrastructural projects in the gas sector // *Energy Policy*. 2020. Vol. 139. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111340.

22. Krzykowski M., Krzykowska K. Will the European Commission's policy hinder gas supplies to Central and Eastern European countries? OPAL case decision // *Energy Policy*. 2017. Vol. 110. P. 534–541. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.041.

23. Kutcherov V., Morgunova M., Bessel V., Lopatin A. Russian natural gas exports: An analysis of challenges and opportunities // *Energy Strategy Reviews*. 2020. Vol 30. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100511.

24. Lipsey D. Liberal interventionism // *The Political Quarterly*. 2016. Vol. 87. Iss. 3. P. 415–423. DOI: 10.1111/1467-923X.12229.

25. Lobell S.E. Structural realism. Offensive and defensive realism // *International studies encyclopedia* / Ed. by R.A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669.

26. Luft G., Korin A. Realism and idealism in the energy security debate // *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook* / Ed. by G. Luft, A. Korin. Santa Barbara: Praeger, 2009. P. 335–349.

27. Luft G., Korin A., Gupta E. Energy security and climate change: A tenuous link // *The Routledge handbook of energy security* / Ed. by B. Sovacool. New York: Routledge, 2011. P. 43–56.

28. Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

29. Ole J., Abrahamsen R., Riis Andersen L. Introduction: Making liberal internationalism great again // *International Journal*. 2019. Vol. 74. P. 5–14. DOI: 10.1177/0020702019827050.

30. Pardo Sauvageot E. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security // *Energy Policy*. 2020. Vol. 145. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699.

31. Schelly C., Bessette D., Brosemer K. et al. Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? // *Solar Energy*. 2020. Vol. 205. P. 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056.

32. Shiraev E., Zubok V. *International relations* / 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2019.

33. Smil V. *Energy transitions: History, requirements, prospects*. Oxford: Praeger, 2010.

34. Smith Stegen K. Deconstructing the 'energy weapon': Russia's threat to Europe as case study // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. P. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051.

35. Sziklai B.R., Kóczy L.A., Cserecsik D. The impact of Nord Stream 2 on the European gas market bargaining positions // *Energy Policy*. 2020. Vol. 144. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111692.

36. Van de Graaf T., Colgan J.D. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis // *Energy Research & Social Science*. 2017. Vol. 24. P. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.12.018>.

37. Vihma A., Turksen U. The geoeconomics of the South Stream Pipeline Project // *Journal of International Affairs*. 2016. No. 69 (1). P. 34–53.

REFERENCES

1. Belov V.B. 2018. Proekt 'Severnyi potok-2' — shansy i riski realizatsii [The Nord Stream-2 project — the chances and risks of implementation]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 3, pp. 74–80. DOI: 10.15211/vestnikieran320187480. (In Russ.)

2. Borisov M.G. 2020. Energeticheskii perekhod i geopolitika [Energy transition and geopolitics]. *Eastern Analytics*, no. 1, pp. 7–16. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-007-016. (In Russ.)

3. Borovsky Yu.V., Shishkina O.V. 2021. Prioritetnye tseli energeticheskoi politiki ES [The priorities of EU energy policy]. *Contemporary Europe — Sovremennaya Evropa*, no. 3, pp. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127. (In Russ.)

4. Bunik I.V. 2018. Mezhdunarodno-pravovye aspekty priostanovleniya proekta 'Yuzhnyi potok' [International legal aspects of suspending the South Stream project]. *International Trends*, vol. 16, no. 2, pp. 122–140. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.7. (In Russ.)

5. Golunov S.V. 2021. Energeticheskie ryuchagi vneshnei politiki: opyt Ros-sii i SShA [The energy toolkit of statecraft: Experience of Russia and the USA]. *International Trends*, vol. 19, no. 1, pp. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3. (In Russ.)

6. Konoplyanik A.A. 2011. Energeticheskay khartia: otmenit nelzya modernizirovat [Energy Charter Treaty: To withdraw from or improve?]. *EKO*, no. 2, pp. 118–136. (In Russ.)

7. Roginko S.A. 2018. 'Severnyi potok-2': mnimye ekologicheskie riski [Nord Stream 2: False ecological risks]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 4, pp. 136–141. DOI: 10.15211/vestnikieran42018136141. (In Russ.)

8. Sakva R. 2010. Syr'evoi sektor Rossii: ekonomika kontrolya i politika renty [Russia's raw materials sector: The economics of control and the policy of rent]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6 (74). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/syrevoy-sektor-rossii-ekonomika-kontrolya-i-politika-renty.html> (accessed: 14.03.2022). (In Russ.)

9. Sidorova E.V. 2016. Energetika Rossii pod sanktsiyami Zapada [Russian energy industry under the Western sanctions]. *International Trends*, no. 1, pp. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11. (In Russ.)

10. Sushentsov A.A. 2016. Vneshnepoliticheskie platformy Respublikanskoj partii SSHA: izolyatsionisty, realisty, neokonservatory [Foreign policy platforms of the United States Republican party: Isolationists, realists, neo-conservatives]. *Tetradj po konservatizmu*, no. 1, pp. 47–55. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-47-55. (In Russ.)

11. Khudaykulova A.V. 2020. Ob'yasnyaya bezopasnost' global'nogo Uga: zapadnye i nezapadnye podkhody [Explaining the security of the Global South: Western and Non-Western approaches]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 13, iss. 3, pp. 394–417. DOI: 10.21638/spbu06.2020.307. (In Russ.)

12. Yudina O.N. 2021. Energeticheskii soyuz ES spustya pyat let: myf ili realnost'? [Five years of the EU Energy Union: Myth or reality?]. *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 190–199. DOI: 10.15211/soveurope12021190199. (In Russ.)

13. Domjan P., Stone M. 2010. A comparative study of resource nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008. *Europe-Asia Studies*, vol. 62, iss. 1, pp. 35–62. DOI: 10.1080/09668130903385374.

14. Erşen E., Çelikpala M. 2019. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia. *Energy Policy*, vol. 128, pp. 584–592. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.01.036.

15. Friedmann W. 1968. Interventionism, liberalism, and power-politics: The unfinished revolution in international thinking. *Political Science Quarterly*, vol. 83, no. 2, pp. 169–189. DOI: 10.2307/2147088.

16. Giuli M. 2018. Nord Stream 2: Rule no more, but still divide (Issue paper). *European Policy Center*. Available at: http://aei.pitt.edu/94377/1/pub_8613_nord-stream2.pdf (accessed: 28.05.2022).

17. Goldthau A. 2016. *Assessing Nord Stream 2: Regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK*. London, EUCERS.

18. Gustafson T. 2012. *Wheel of fortune: The battle for oil and power in Russia*. Cambridge, Belknap Press.

19. Harsem Ø., Claes D.H. 2013. The interdependence of European-Russian energy relations. *Energy Policy*, vol. 59, pp. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035.

20. Huntington S.P. 1993. *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman, University of Oklahoma Press.

21. Jirušek M. 2020. The attitude of the Visegrad Group countries towards Russian infrastructural projects in the gas sector. *Energy Policy*, vol. 139. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111340.

22. Krzykowski M., Krzykowska K. 2017. Will the European Commission's policy hinder gas supplies to Central and Eastern European countries? OPAL case decision. *Energy Policy*, vol. 110, pp. 534–541. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.041.

23. Kutcherov V., Morgunova M., Bessel V., Lopatin A. 2020. Russian natural gas exports: An analysis of challenges and opportunities. *Energy Strategy Reviews*, vol. 30. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100511.

24. Lipsey D. 2016. Liberal interventionism. *The Political Quarterly*, vol. 87, iss. 3, pp. 415–423. DOI: 10.1111/1467-923X.12229.

25. Lobell S.E. 2010. Structural realism. Offensive and defensive realism. In: Denmark R.A., Marlin-Bennett R. (eds.). *International studies encyclopedia*. Oxford, Wiley-Blackwell, p. 6651–6669.

26. Luft G., Korin A. 2009. Realism and idealism in the energy security debate. In: Luft G., Korin A. (eds.). *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook*. Santa Barbara, Praeger, p. 335–349.

27. Luft G., Korin A., Gupta E. 2011. Energy security and climate change: A tenuous link. In: Sovacool B. (ed.). *The Routledge handbook of energy security*. New York, Routledge, p. 43–56.

28. Mearsheimer J.J. 2001. *The tragedy of great power politics*. New York, W.W. Norton & Company.

29. Ole J., Abrahamsen R., Riis Andersen L. 2019. Introduction: Making liberal internationalism great again. *International Journal*, vol. 74, pp. 5–14. DOI: 10.1177/0020702019827050.

30. Pardo Sauvageot E. 2020. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security. *Energy Policy*, vol. 145. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699.

31. Schelly C., Bessette D., Brosemer K. et al. 2020. Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? *Solar Energy*, vol. 205, pp. 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056.

32. Shiraev E., Zubok V. 2019. *International relations*. (3rd ed.). Oxford, Oxford University Press.

33. Smil V. 2010. *Energy transitions: History, requirements, prospects*. Oxford, Praeger.

34. Smith Stegen K. 2011. Deconstructing the 'energy weapon': Russia's threat to Europe as case study. *Energy Policy*, vol. 39, pp. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051.

35. Sziklai B.R., Kóczy L.A., Csércsik D. 2020. The impact of Nord Stream 2 on the European gas market bargaining position. *Energy Policy*, vol. 144. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111692.

36. Van de Graaf T., Colgan J.D. 2017. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis. *Energy Research & Social Science*, vol. 24, pp. 59–64. DOI: 10.1016/j.erss.2016.12.018.

37. Vihma A., Turksen U. 2016. The geoeconomics of the South Stream Pipeline Project. *Journal of International Affairs*, no. 69 (1), pp. 34–53.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2022;
принята к публикации 13.07.2022

The paper was submitted 01.02.2022;
approved after reviewing 29.03.2022;
accepted for publication 13.07.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75

Научная статья / Research paper

О.Н. Юдина*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ РОССИЯ–ЕС В 2000–2014 ГГ.: КЛЮЧЕВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ, ЭТАПЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Взаимодействие в сфере энергетики традиционно составляло одну из несущих опор в отношениях Европейского союза и России. Особую роль в рамках этого сотрудничества играли механизмы Энергетического диалога, действовавшего в период с 2000 по 2014 г. В данной статье на основе последовательного критического анализа официальных документов принята попытка выявить внутренние и внешние детерминанты развития Энергетического диалога Россия–ЕС, оценить общую логику и динамику его эволюции, а также ключевые результаты. Автор заключает, что безусловным локомотивом первых пяти лет работы Энергодialogа выступал Европейский союз, который стремился не только гарантировать надежность поставок российских энергоресурсов по приемлемым ценам, но и взять под контроль их добычу и транспортировку. Сопоставление положений Договора к Энергетической хартии и ключевых направлений работы Энергодialogа Россия–ЕС позволило выявить еще одну задачу, которую ставил перед собой Евросоюз: навязать Москве принципы общеевропейской энергетической политики, что натолкнулось на решительное сопротивление российского руководства. С 2006–2007 гг. приоритеты сторон в энергетической сфере начали всё более явственно расходиться на фоне кардинальных изменений как во внутренней энергетической политике Москвы и Брюсселя, так и в положении России на международной арене. В этой связи менялись содержание и структура Энергодialogа: вопросы создания единого энергетического сообщества и энергорынков уходили на второй план, приоритетными становились проблемы стратегического планирования и развития механизма раннего предупреждения. Таким

* Юдина Ольга Николаевна — соискатель Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) (e-mail: lamp12@yandex.ru).

образом, к 2014 г., когда по инициативе ЕС ЭнергодIALOG фактически прекратил свою деятельность, в его работе уже наметились определенные кризисные тенденции. Тем не менее этот механизм позволил России приобрести большой опыт взаимодействия с Европейской комиссией как наднациональным органом ЕС, и этот опыт может оказаться востребованным в будущем.

Ключевые слова: ЭнергодIALOG Россия–ЕС, Энергетический союз, Европейская комиссия, Энергетическая хартия, Договор к Энергетической хартии, энергоэффективность, энергетическая безопасность, энергетический переход

Для цитирования: Юдина О.Н. Энергетический диалог Россия–ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75.

Olga N. Yudina

**RUSSIA–EU ENERGY DIALOGUE IN 2000–2014:
KEY PRIORITIES, STAGES, CONTRADICTIONS,
AND OUTCOMES**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

Energy cooperation was one of the cornerstones of the European Union–Russia relations and, in turn, was, to a large extent, shaped by the progress of the EU–Russia Energy Dialogue, which developed from 2000 to 2014. On the basis of a consistent critical analysis of official sources, the paper identifies internal and external determinants of the Russia–EU Energy Dialogue and assesses its general logic and dynamics, as well as its key outcomes. The author concludes that in the first five years of the Energy Dialogue it was the European Union who acted as its driving force, as the EU sought not only to ensure the supplies of Russian energy resources, but also to take control over their production and transportation. A careful comparison of the Russia–EU Energy Dialogue key dimensions and the provisions of the Energy Charter Treaty allowed the author to identify yet another aim of the European Union, namely, to impose on Moscow the principles of a common European energy policy. However, these efforts encountered strong opposition from the Russian government. From 2006–2007 the conflict

of interests had become all the more evident, as considerable changes took place both in the internal energy policy of Moscow and Brussels and Russia's international position. As a result, the content and structure of the Energy Dialogue changed: discussions on the creation of a single energy community and energy markets were overshadowed by issues of strategic planning and development of an early warning mechanism. Therefore, by 2014, when the EU abandoned the Energy Dialogue, its potential had been to a large extent exhausted. Nevertheless, the Dialogue provided Russia with extensive experience in interacting with the European Commission as a supranational body of the EU, and this experience might be in demand in the future.

Keywords: Russia-EU Energy Dialogue, Energy Union, European Commission, Energy Charter, Energy Charter Treaty, energy efficiency, energy security, energy transition

About the author: *Olga N. Yudina* — PhD Candidate at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS) (e-mail: lamp12@yandex.ru).

For citation: Yudina O.N. 2022. Russia–EU energy dialogue in 2000–2014: Key priorities, stages, contradictions, and outcomes. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75. (In Russ.)

Вопросы развития энергетического сотрудничества России и Европейского союза в целом и Энергетического диалога как механизма, созданного сторонами в начале 2000-х годов, в частности неоднократно становились предметом рассмотрения как российских, так и зарубежных исследователей. Пик интереса к этой теме пришелся преимущественно на 2005–2010 гг., когда наблюдалась активная фаза как развития сотрудничества в рамках ЭнергодIALOGA, так и изменений в энергетических системах России и ЕС.

При этом тема взаимодействия Брюсселя и Москвы в энергетической сфере является очень многогранной. Не менее разнообразны и подходы экспертов к ее рассмотрению. Ряд исследователей анализируют развитие энергетического сотрудничества через призму совместных инфраструктурных проектов, оценивая их в том числе как фактор усиления взаимозависимости между Россией и ЕС в энергетической сфере [Dimitrova, 2010]. Современными авторами

также подробно изучена проблема взаимосвязи развития энергетического сотрудничества двух сторон с процессами интеграции и коммунитаризации, которые происходили внутри ЕС [Kustova, 2015; Бордачѳв, 2006]. Отдельное направление исследований в этой связи посвящено теме «экспорта» законодательства Евросоюза в Россию в рамках ЭнергодIALOGA [Романова, 2006]. Большое внимание в работах как отечественных, так и зарубежных экспертов, особенно после 2006 г., когда Россия представила международному сообществу свою концепцию глобальной энергетической безопасности, уделяется роли Энергетического диалога Россия–ЕС в ее обеспечении [Kaveshnikov, 2010; Locatelli, 2013; Stern et al., 2014].

С точки зрения темы данного исследования отдельного упоминания заслуживают работы, посвященные вопросам участия России в Энергетической хартии и ратификации Договора к ней [Goldthau, 2008; Конопляник, 2010]. Ряд ученых рассматривают ратификацию этого документа в прямой взаимосвязи с развитием Энергетического диалога Россия–ЕС [Городов, 2009]. В то же время анализ непосредственно самого этого механизма встречается достаточно редко [Kaveshnikov, 2010; Романова, 2013; Romanova, 2014]. При этом основное внимание уделяется внешним факторам, которые оказывали влияние на развитие Энергетического диалога.

Одним из немногих авторов, рассматривающих данный механизм, основываясь на его документальной базе, является британская исследовательница А. Хэдфилд. Однако в своей работе [Hadfield, 2008] она ограничивается кратким описанием основных положений первых семи обобщающих докладов и приходит к выводу, что ЭнергодIALOGO находится на паузе.

Начиная с 2014 г. (после замораживания механизма ЭнергодIALOGA со стороны ЕС) официальные контакты между Россией и Европейской комиссией фактически прекратились и диалог по энергетическим вопросам шел преимущественно на двусторонней основе между Москвой и странами — членами ЕС. Этим прежде всего объясняется отсутствие значимых публикаций по данной проблематике в период с 2017 г. до настоящего времени.

В данной статье на основе последовательного критического анализа официальных документов, включая обобщающие ежегодные доклады, соглашения и меморандумы, предпринята попытка

выявить внутренние и внешние детерминанты развития Энергетического диалога Россия–ЕС, оценить общую логику и динамику его эволюции, а также проанализировать результаты работы за 14-летний период.

С учетом актуальной тенденции коммунитаризации энергетической политики в рамках ЕС, т.е. передачи полномочий в области энергетики с национального на наднациональный уровень, изучение опыта развития диалога с Европейской комиссией приобретает особую значимость. Текущие события, происходящие на международной арене, наглядно демонстрируют, что вести переговоры по энергетическим вопросам России предстоит в том числе и с «единым голосом ЕС» — Еврокомиссией. В этой связи представляется, что опыт взаимодействия с данным органом, накопленный в рамках ЭнергодIALOGA Россия–ЕС, может быть востребован в современных условиях.

Становление институционально-правовой базы энергетического сотрудничества России и ЕС

Россию и Европейский союз связывают десятилетия сотрудничества в энергетической области. Со времени первых проектов поставок природного газа из СССР в Западную Европу в конце 1960-х — начале 1970-х годов, вопросы энергетики не уходили с повестки дня. После распада Советского Союза России и Европе предстояло заново выстраивать институциональную, правовую и практическую базу для развития энергетического сотрудничества.

Первым документом, устанавливавшим рамки взаимодействия России и ЕС в новых геополитических реалиях, стало Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.¹ Именно на его основе происходило дальнейшее институциональное строительство для организации полноформатного взаимодействия по широкому спектру направлений.

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

В документе уделялось повышенное внимание вопросам развития энергетического сотрудничества, в частности подчеркивалось, что оно будет осуществляться на основании интеграции энергетических рынков в Европе. Стоит сразу отметить, что это положение прямо отсылало к политике Европейской комиссии, проводимой внутри союза, согласно которой формирование единых европейских энергетических рынков является ключевой целью деятельности ЕС в энергетической сфере.

Среди основных направлений сотрудничества были обозначены: разработка энергетической политики, модернизация энергетической инфраструктуры, совершенствование регулирования энергетического сектора, улучшение качества и безопасности энергоснабжения, повышение энергетической эффективности и охрана окружающей среды.

Важно отметить, что в базовом соглашении между Россией и ЕС также обозначалось намерение сторон содействовать сближению законодательств в энергетической области. История продемонстрировала, однако, что это намерение на практике не было реализовано, при этом ЕС пробовал действовать по той же схеме «экспорта» своей модели законодательства, которую он достаточно успешно применял в странах Восточной Европы [Копорьяник, 2009].

Следующий совместный документ России и Европейского союза по общим вопросам, принятый на уровне глав государств, был подписан только через 10 лет. В 2004 г. в связи с появлением новых членов в составе Евросоюза стороны подготовили Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия–ЕС².

Этот документ интересен тем, что в нем зафиксированы весьма однозначные дружественные заявления Брюсселя в адрес Москвы касательно энергетического сотрудничества. В частности, в Совместном заявлении отмечалось, что стороны признают «первостепенную важность и растущий потенциал сотрудничества Россия–ЕС в сфере энергетики и по связанным с энергетикой вопросам в рамках энергетического диалога»³. Кроме того, Евросоюз подтвердил, что не

² Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия–ЕС. 27.04.2004 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2004_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

³ Там же.

применяет каких-либо ограничений на импорт природного топлива и электроэнергии, а также признал важную роль долгосрочных контрактов в обеспечении стабильных и надежных поставок российского природного газа на рынок ЕС на текущий момент и в будущем.

Это заявление, сделанное на самом высоком уровне всего 16 лет назад, было уникальным по своей сути. Важно отметить, что столь позитивный настрой ЕС на диалог с Россией в энергетической сфере был продемонстрирован, когда у власти в Германии находился Г. Шрёдер, а во Франции — Ж. Ширак, которые были сторонниками развития крепких добрососедских отношений с Москвой.

В 2007 г. в связи с присоединением Болгарии и Румынии к ЕС было принято очередное Совместное заявление о расширении Европейского союза и отношениях Российская Федерация — Европейский союз⁴, но вопросы энергетики в документе не затрагивались.

Все эти межотраслевые документы высокого уровня определили ключевые приоритеты и задали векторы, по которым должно было развиваться взаимодействие между Россией и Европейским союзом в различных сферах общего интереса, включая энергетику.

Однако основным механизмом развития энергетического сотрудничества стал Энергетический диалог Россия — Европейский союз, созданный в 2000 г. по итогам встречи на высшем уровне в Париже с участием президента Российской Федерации В.В. Путина, председателя Европейского совета Ж. Ширака, генерального секретаря Совета ЕС, Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС Х. Соланы и председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди⁵.

На тот момент ЭнергодIALOG стал первым отраслевым механизмом в рамках сотрудничества России и ЕС, а также первым энергетическим диалогом Евросоюза с внешними партнерами, что подчеркивает как особый статус данного формата, так и значимость самого направления взаимодействия.

⁴ Совместное заявление о расширении Европейского союза и отношениях Российская Федерация — Европейский союз. 24.04.2007 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2007_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

⁵ ЭнергодIALOG Россия–ЕС // Министерство энергетики Российской Федерации. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/14646> (дата обращения: 19.04.2022).

Важно отметить, в каком политическом контексте был создан этот механизм. Для России 2000 г. стал прежде всего годом смены руководства страны, которое, как полагали в ЕС, продолжит курс предыдущего президента. В Европе этот год ознаменовался активизацией процессов, направленных на усиление наднациональной роли Европейской комиссии в вопросах энергетического сотрудничества и в конечном счете на формирование единой внешней энергетической политики ЕС [Пашковская, 2009].

В этом контексте создание Энергетического диалога с Россией, в котором ключевая роль принадлежала Европейскому союзу и соответственно Европейской комиссии, не только повышало субъектность ЕС, но и давало последней полномочия взаимодействовать с Россией по энергетическим вопросам от имени всей объединенной Европы.

Для создания полного представления о межотраслевых документах в рамках сотрудничества Россия–ЕС за период с 2000 по 2014 г., в которых так или иначе затрагивались энергетические вопросы, стоит отметить еще две инициативы. Первым таким документом является «Дорожная карта» по общему экономическому пространству, принятая в 2005 г.⁶ Само по себе подписание этого документа означало серьезное положительное изменение характера диалога между Россией и ЕС [Иноземцев, Кузнецова, 2005]. В нем были более детально представлены положения базового Соглашения 1994 г., в том числе в области энергетики.

Согласно «Дорожной карте» ключевой платформой для развития сотрудничества Брюсселя и Москвы признавался уже упомянутый ранее механизм ЭнергодIALOGA Россия–ЕС. Он предполагал взаимодействие по вопросам устойчивости, надежности и непрерывности производства, распределения и транспортировки энергии. Особый акцент в документе был сделан на сотрудничестве в области энергоэффективности, рационального природопользования и развития возобновляемых источников энергии.

Для достижения указанных целей предполагалось определить механизмы стимулирования и защиты инвестиций в энергетиче-

⁶ Дорожная карта по общему экономическому пространству. 10.05.2005 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_economic_space_2005_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

ский сектор. В качестве конкретных действий среди прочего стороны планировали осуществить сближение энергетических стратегий, исследовать возможности интеграции рынков электроэнергии, создания совместимых стандартов в сфере защиты окружающей среды, а также развивать сотрудничество по вопросам реализации совместных инфраструктурных проектов, которые представляют взаимный интерес. Отдельно стоит отметить, что «Дорожная карта» подразумевала сотрудничество по обеспечению реформы российской газовой отрасли.

В достигнутых договоренностях отчетливо прослеживалось стремление Европейского союза реализовать традиционную для него модель «экспорта» своего законодательства в третьи страны для создания единого политико-правового поля. Ярким примером реализации такой модели является международная организация, созданная в 2005 г. и объединяющая Европейский союз и страны Юго-Восточной Европы, — Энергетическое сообщество.

Вторым документом, на который следует обратить внимание в контексте сотрудничества России и ЕС, стала совместная инициатива сторон «Партнерство для модернизации», одобренная в 2010 г. В интересующей нас сфере в рамках документа упомянуты только вопросы энергоэффективности и развития устойчивой низкоуглеродной экономики⁷, при этом ключевые направления взаимодействия России и ЕС в энергетической области в документ включены не были.

В целом создание на рубеже веков институционально-правовой базы для развития энергетического сотрудничества России и ЕС способствовало активизации этого взаимодействия начиная с 2000-х годов. Зафиксированные договоренности того периода очевидно показывали намерения ЕС использовать механизм Энергодialogа с Россией прежде всего в целях обеспечения надежных и бесперебойных поставок энергоресурсов в страны Европы. При этом, несмотря на проактивную позицию Брюсселя в навязывании своей модели энергетического партнерства, интерес к Энергодialogу был одинаково сильным с обеих сторон.

⁷ Совместное заявление саммита Россия–ЕС по «Партнерству для модернизации». 01.06.2010 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/2010.06.01_Joint_statement_on_PforM-Russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

Первые пять лет Энергодialogа: амбициозные цели и сверхзадачи

Спустя год после официального запуска Энергетического диалога между Россией и Европейским союзом, в октябре 2001 г., в рамках встречи на высшем уровне было принято Совместное заявление по энергетическому диалогу. В документе отмечалась заинтересованность сторон в стабильности энергетических рынков, надежности экспорта, развитии энергетической инфраструктуры, а также в повышении энергетической эффективности. В тексте документа был зафиксирован ряд положений, носящих политический характер: ЕС заявлял, что рассматривает Россию «как своего важного партнера, близкого, надежного и основного источника энергетических ресурсов и экспортера, с которым связываются надежды на увеличение его поставок энергетических товаров в Европейский союз»⁸.

Стороны констатировали, что в краткосрочной перспективе прогресс может быть достигнут в таких сферах, как упрощение процедуры заключения соглашений о разделе продукции (СРП), мониторинг со стороны ЕС российских транспортных сетей, а также оценка российских маршрутов экспорта энергии и юридическое обеспечение долгосрочных поставок энергоресурсов. Впервые стороны определили перечень проектов, «представляющих взаимный интерес», среди которых можно выделить проекты строительства Северного Трансъевропейского газопровода, разработки Штокмановского месторождения, освоения Ямала, а также интеграции нефтепроводов «Дружба» и «Адрия».

Среди направлений, требовавших дальнейшего изучения и проработки, оказались повышение энергетической эффективности, содействие устойчивому развитию, а также создание в Москве Центра по энергетическим технологиям Россия–ЕС.

Как покажет последующий анализ, именно в Совместном заявлении 2001 г. были заложены ключевые направления работы Энергетического диалога Россия–ЕС на ближайшее десятилетие.

Основные результаты функционирования созданного консультативного механизма на ежегодной основе представлялись в рамках

⁸ Совместное заявление по энергетическому диалогу. 03.10.2001 // Современная Европа. Доступ: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2002/1-2002/summit1-2002.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

Саммитов Россия–ЕС и носили формат обобщающих докладов по развитию Энергетического диалога (*progress report*). Вплоть до конца 2000-х годов за подготовку этих документов с российской стороны отвечал заместитель председателя Правительства РФ В. Христенко, а с европейской — генеральный директор Европейской комиссии Франсуа Ламурё. Столь высокий уровень кураторов Энергодialogа в очередной раз подчеркивает значение, которое придавали обе стороны этому направлению.

Несмотря на то что официальный механизм Энергодialogа Россия–ЕС появился только в 2000 г., ЕС еще в 1990-е годы предпринимал попытки активного вовлечения России во взаимодействие по энергетическим вопросам. Речь, конечно же, идет об Энергетической хартии, разработку которой инициировал в 1990 г. премьер Голландии Р. Любберс⁹.

Главная задача, стоявшая перед единой Европой в тот период, заключалась в гарантировании обеспечения энергоресурсами своей растущей экономики, что включало и диверсификацию стран-поставщиков. Очевидно, что Европа видела в новообразовавшихся независимых государствах бывшего СССР источники дешевых энергоресурсов и была готова инвестировать в их энергетические сектора. При этом европейским лидерам хотелось получить не только сами энергоресурсы, но и максимальный контроль над их добычей и транспортировкой.

По этой причине ЕС в достаточно короткий срок разработал проект Энергетической хартии, и уже в 1991 г. документ подписала 51 страна. Хартия носила не обязывающий характер, т.е. ее принятие не требовало изменения национальных законодательств, при этом она открывала большие перспективы в части развития энергетического сотрудничества стран Восточной Европы с Западной, что делало этот документ на первых порах привлекательным в том числе и для России.

В 1994 г. был разработан Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), который являлся юридически обязывающим документом и требовал ратификации законодательными органами стран, его

⁹ Марцинкевич Б. Как ЕС пытался завладеть ресурсами России и сам впал в зависимость // Завтра.ru. 23.08.2021. Доступ: https://zavtra.ru/blogs/zakon_bumeranga_kak_es_pitalysya_zavladet_resursami_rossii_i_sam_vpal_v_zavisimost (дата обращения: 19.04.2022).

подписавших. Как известно, Россия подписала документ, но так и не ратифицировала его. Консолидированная позиция широкого экспертного сообщества касательно причин, которые повлияли на такое решение Москвы, сводится к вопросам транзита [Конопляник, 2010]. Считается, что это направление рассматривалось в документе весьма однобоко, поскольку отражены были исключительно интересы Брюсселя, прежде всего в части так называемой интеграционной поправки ЕС, подразумевавшей, по сути, нераспространение правил Транзитного протокола на территорию Евросоюза, а также в части положения о праве первого отказа¹⁰, которое ЕС предполагал применять только к краткосрочным транзитным контрактам [Россия и Европейский союз, 2014].

Безусловно, отказ Москвы ратифицировать ДЭХ не устраивал Европейский союз, и он начал предпринимать активные действия, направленные на то, чтобы убедить российские власти в необходимости этого шага. Важно отметить, что ДЭХ был на тот момент единственным международным договором в области энергетического сотрудничества и, безусловно, расценивался европейскими лидерами как триумф европейской энергетической дипломатии. Но без полноформатного участия в Договоре ключевого поставщика энергоресурсов в Европу — России — его ценность существенно снижалась.

В целях снятия разногласий, которые мешали Москве ратифицировать ДЭХ, Еврокомиссия в 2000-х годах начала активный диалог с российскими властями по наиболее острому вопросу, касавшемуся транзитных обязательств. Однако процесс шел очень вязко, и сторонам не удалось достичь существенных подвижек [Городов, 2009].

Принимая во внимание тот факт, что запуск Энергетического диалога Россия–ЕС пришелся на период активизации переговорного процесса между ЕК и Москвой по вопросу ратификации ДЭХ, представляется интересным провести сравнительный анализ ключевых проблем, возникавших на обоих треках. При этом целесообразно использовать документы, относящиеся к периоду до 2006 г., который стал переломным как в рамках ЭнергодIALOGA Россия–ЕС (о чем

¹⁰ Право первого отказа (*right of first refusal*, ROFR) — это оговорка в контракте, которая наделяет определенное лицо приоритетным правом приобретения товара. Если лицо, наделенное по условиям договора таким правом, реализует его, значит, остальные конкуренты уже не могут претендовать на предмет сделки.

будет более подробно сказано далее), так и в вопросе ратификации ДЭХ. В последнем случае речь идет о транзитных спорах, возникших в январе 2006 г. между Россией и Украиной и развивавшихся при полном бездействии секретариата Энергетической хартии. Такое положение дел привело в ноябре того же года к выступлению главы Комитета Госдумы РФ по энергетике, транспорту и связи В. Язева, в котором он обозначил твердую позицию против ратификации ДЭХ¹¹, обосновав это прежде всего наличием разногласий по вопросам транзита.

Ключевыми направлениями, регулирование которых предполагалось осуществить в рамках ДЭХ, были:

- 1) содействие иностранным инвестициям в энергетический сектор и их защита;
- 2) механизмы решения межгосударственных споров и споров между государством и инвестором;
- 3) свобода транзита через трубопроводы и их сети;
- 4) вопросы энергоэффективности и передачи технологий [Кориневич, 2010].

Повышенное внимание к проблеме привлечения иностранных инвестиций в российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) уделялось и в рамках ЭнергодIALOGA. В Совместном заявлении 2001 г., а также в обобщающих докладах за период 2002–2005 гг. слова «инвестиции» и «инвестор» упоминаются 45 раз. В каждом из указанных обобщающих докладов существовал отдельный раздел, посвященный содействию инвестициям в энергетический сектор России и обеспечению их безопасности. Кроме того, в структуре Энергетического диалога вплоть до 2007 г. функционировала отдельная рабочая группа по инвестициям.

В Совместном заявлении по энергетическому диалогу 2001 г. отмечалось, что одно из ключевых направлений в краткосрочной перспективе — «совершенствование законодательной базы России в отношении производства и транспортировки энергии, в частности завершение работы над нормативными актами в отношении <...> механизма содействия инвестициям в энергетический сектор, на-

¹¹ Язев В. Я противник ратификации Энергетической хартии // Коммерсантъ. 15.11.2006. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/720405> (дата обращения: 19.04.2022).

правленного прежде всего на упрощение административных и лицензионных процедур, которые создают важную предпосылку роста европейских инвестиций в энергетический сектор»¹².

Эти формулировки повторяли положения третьей части ДЭХ, которая была посвящена вопросам гарантий инвестиций и фиксировала, что «каждая договаривающаяся сторона в том, что касается осуществления инвестиций на ее территории, стремится в том числе постепенно устранять существующие ограничения, которые затрагивают инвесторов других договаривающихся сторон»¹³.

В третьем обобщающем докладе, который вышел в ноябре 2002 г., через год после принятия Совместного заявления по энергетическому диалогу, отмечалась работа экспертов по созданию условий для гарантирования возврата инвестиций. Кроме того, подчеркивался прогресс, достигнутый в работе над Налоговым кодексом РФ в части СРП, что предположительно также должно было способствовать содействию притока иностранных инвестиций в российский ТЭК¹⁴.

Ключевое место в шестом обобщающем докладе, представленном в 2005 г., также занимали вопросы инвестиций и трансформации российского законодательства для того, чтобы сделать вложения в российский энергетический сектор более привлекательными для европейского делового сообщества¹⁵.

В части второго направления — создания механизмов решения межгосударственных споров и споров между государством и инвестором — можно также отметить совпадение положений ДЭХ и рассматриваемых документов по линии ЭнергодIALOGA. В соответствии с Энергохартией все вопросы подлежали решению путем рассмотрения в рамках международного арбитража, а в третьем

¹² Совместное заявление по энергетическому диалогу. 03.10.2011 // Современная Европа. Доступ: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2002/1-2002/summit1-2002.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

¹³ Договор к Энергетической хартии. Ч. III. Ст. 10. П. 5b // Электронный фонд правовых и научно-технических документов. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/499060547> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁴ ЭнергодIALOG Россия–ЕС (Третий обобщающий доклад). 11.11.2002 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3623> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁵ Шестой обобщающий доклад по ЭнергодIALOGу Россия–ЕС. Октябрь 2005 г. // Нефть, газ, право. Доступ: <http://journal.oilgaslaw.ru/free/report6-2005.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

обобщающем докладе по ЭнергодIALOGу со ссылкой на группу независимых экспертов предлагалось создать «Фонд обеспечения выполнения арбитражных решений, который будет способствовать защите инвесторов и других сторон от риска необеспечения их прав по контрактам»¹⁶. В следующем, четвертом, докладе отмечалось, что «механизм инвестиционной поддержки для снижения некоммерческих рисков <...> характеризуется определенным потенциалом и выгодами, в связи с чем требуется проведение дополнительных исследований и технического обоснования»¹⁷. В 2004 г., как указывалось в пятом докладе¹⁸, европейская сторона передала первый проект документа, где описывался принцип работы гарантийного механизма.

В рамках третьей группы вопросов, посвященных проблеме транспортировки энергоресурсов, Европейский союз активно отстаивал идею о недискриминационном доступе к энергетическим транспортным сетям, что нашло отражение, в частности, в третьем докладе. С этой целью Брюссель по линии программы ТАСИС¹⁹ выделил России 10 млн евро для проведения оценки и восстановления указанных сетей.

Кроме того, ЕС предлагал Москве рассмотреть возможность использования региональной спутниковой системы мониторинга, задействовав соответствующую инфраструктуру России и ЕС. Это демонстрировало большой интерес со стороны Евросоюза к российской трубопроводной системе и доступу к ней, а обозначенные европейские предложения в рамках ЭнергодIALOGа снова практи-

¹⁶ ЭнергодIALOG Россия-ЕС (Третий обобщающий доклад). 11.11.2002 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3623> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁷ Энергетический диалог Россия-ЕС (Четвертый обобщающий доклад). 06.11.2003 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3839/print> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁸ Энергетический диалог Россия-ЕС (Пятый обобщающий доклад). 23.11.2004 // НП «Российское теплоснабжение». Доступ: <https://www.rosteplo.ru/news/2004/11/23/1101287385-ehnergeticheskij-dialog-rossiya-es-pyatyj-obobshchayushchij> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁹ Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, TACIS (также Tacis) — существовавшая в 1991–2007 гг. программа Европейского союза, направленная на содействие ускорению процесса экономических реформ в странах СНГ посредством предоставления грантов и консультационной помощи.

чески полностью повторяли положения ДЭХ, в том числе в части права первого отказа при использовании транзитных мощностей.

Что же касается вопросов энергоэффективности и технологического сотрудничества, то на первых порах они интересовали Европейский союз явно меньше, чем три предыдущих пункта повестки дня. Однако начиная с 2003–2004 гг. они играли всё большую роль в совместных документах, их развитие подкреплялось европейским финансированием как в проектную деятельность, так и в создание центра по технологиям. В этом контексте небезынтересным представляется тот факт, что первые проекты, которые предполагалось реализовывать совместно за счет средств ЕС, имели географическую привязку к Калининградской области. Важно отметить, что уже в то время остро стоял вопрос жизнеобеспечения региона в связи с расширением Европейского союза, которое планировалось в 2004 г.

Проведенное сравнение наглядно показывает существенное сходство ключевых приоритетов Энергетического диалога Россия–ЕС в период с 2000 по 2006 г. с основными положениями ДЭХ. В этой связи можно предположить, что Европейский союз, терпя неудачи в диалоге с Россией по вопросу ратификации Договора, решил воспользоваться механизмом ЭнергодIALOGA, запущенным в 2000 г., для того чтобы перенести важнейшие для ЕС положения ДЭХ в его контекст и попробовать договориться на его площадке.

Однако в рамках развития механизма Энергетического диалога на повестку дня оказались вынесены и вопросы, которые не фигурировали в ДЭХ. Речь идет, в частности, о создании единого европейского энергетического пространства.

Четвертый обобщающий доклад, представленный в 2003 г., при неизменности приоритетов, озвученных в предыдущих докладах, таких как обеспечение надежности транспортировки углеводородного сырья, содействие реализации проектов взаимного интереса, энергоэффективность и подтверждение значимости осуществления торговли газом посредством долгосрочных контрактов, содержал и новые элементы, которые свидетельствовали о желании обеих сторон качественно углубить энергетическое сотрудничество.

В доклад 2003 г. было включено положение, которое впервые было озвучено в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. и декларировало цель интеграции энергетических рынков. В тексте

документа отмечалось, что «обе стороны выступают в поддержку постепенной интеграции рынков электроэнергии и энергоносителей Европейского Сообщества и России»²⁰, поскольку подобные шаги позволят повысить безопасность поставок и увеличить инвестиции в энергопроекты. В этом же документе стороны впервые зафиксировали намерение институализировать отношения в целях создания основы для реального Энергетического сообщества.

В шестом обобщающем докладе в очередной раз подчеркивалась приверженность сторон курсу на сближение стратегий, принципов и регулирующих мер. Несмотря на то что вопросы создания единого газового рынка в итоге отошли на второй план, на экспертном уровне продолжилось обсуждение перспектив объединения электроэнергетических систем.

Еще одним важнейшим вопросом, который неоднократно поднимался в рамках Энергодialogа, был вопрос о регулировании цен на газ внутри России, который помимо прочего стал камнем преткновения на пути вступления страны во Всемирную торговую организацию (ВТО). В 2003 г. в рамках переговоров России и ЕС Брюссель выдвинул так называемый газовый ультиматум, состоявший из шести пунктов. Среди прочего европейские чиновники требовали ликвидации монополии «Газпрома» на экспорт природного газа, повышения внутренней цены на газ, обеспечения доступа иностранных инвесторов к энергетической инфраструктуре, а также свободы транзита [Чувахина, 2010]. Однако, несмотря на давление со стороны Европейского союза, России при согласовании протокола о завершении переговоров с ЕС по вопросу вступления в ВТО удалось отстоять низкие внутренние цены на газ [Лукашевич, 2006].

Переход Энергодialogа в более практическую плоскость и расширение круга рассматриваемых вопросов, включая возможную интеграцию энергетических рынков, стали предтечей принятия в 2005 г. Дорожной карты по общему экономическому пространству.

Несмотря на проактивную позицию европейской стороны в выстраивании Энергодialogа с Россией, прежде всего в целях обеспечения бесперебойных поставок энергии в Европу, а также доступа

²⁰ Энергетический диалог Россия–ЕС (Четвертый обобщающий доклад). 06.11.2003 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3839/print> (дата обращения: 19.04.2022).

европейских компаний к российским ресурсам и инфраструктуре, Москва смогла в рассматриваемый период продвинуть ряд положений, отражавших национальные интересы. В первую очередь была зафиксирована договоренность о предоставлении гарантий со стороны ЕС относительно дальнейшего доминирования долгосрочных контрактов на европейском рынке газа, а также о возможности продавать российские энергоресурсы в страны Евросоюза без количественных ограничений.

Подводя итоги работы ЭнергодIALOGA в период с 2000 по 2006 г., стоит отметить, что развитие сотрудничества проходило в период важных изменений как в Евросоюзе, так и в России. Прежде всего, речь идет о расширении ЕС в 2004 г., которое стало крупнейшим за всю историю его существования, когда к единой Европе присоединились государства, зависящие от поставок российского газа почти на 100%, такие как Польша, Латвия, Литва и Эстония [Neuman, 2010]. Кроме того, Брюссель поддержал вступление России в ВТО, а Москва в свою очередь ратифицировала Киотский протокол²¹ [Чумаков, 2006]. Наконец, в этот же период произошло резкое повышение цен на энергоресурсы, которое также привнесло в повестку дня сотрудничества России и ЕС новые вопросы, касавшиеся стабильности энергетических рынков.

Безусловно, в рассматриваемый временной отрезок между договаривавшимися сторонами не раз возникали разногласия. При этом интересно отметить, что политически чувствительные вопросы не выносились в доклады ЭнергодIALOGA Россия–ЕС [Hadfield, 2008]. В них регулярно отмечалась работа сторон по проектам «приоритетного значения», но ничего не говорилось о том, что, например, в 2003 г. французская компания Total, разрабатывавшая Харьягинское месторождение на основе СРП, после отказа правительства России утвердить затраты инвесторов подала иск в Стокгольмский арбитраж, требуя возмещения понесенных расходов. В 2005–2006 гг. другая компания страны — члена ЕС, Shell, подверглась многочисленным проверкам со стороны российских органов исполнительной

²¹ Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата был принят 11 декабря 1997 г., вступил в силу 16 февраля 2005 г. Документ служит развитию положений Рамочной конвенции, обязуя индустриально развитые страны ограничивать и сокращать выбросы парниковых газов в соответствии с согласованными национальными обязательствами.

власти, которые выявили как завышение расходов, так и нарушения природоохранного законодательства. По итогам переговоров в конце 2006 г. голландская компания передала 50% + 1 акцию компании «Газпром»²².

Представляется, что Европейская комиссия, настроенная на продолжение диалога, обходила проблемные вопросы, стараясь сохранить исключительно позитивный настрой в официальных документах. Этому способствовали существенные подвижки, которые наблюдались в период с 2000 по 2006 г. в переговорном процессе с Россией по линии ЭнергодIALOGA (в отличие от формата ДЭХ).

Характерной чертой первого пятилетнего периода работы ЭнергодIALOGA Россия–ЕС стали амбициозные и масштабные проекты развития двустороннего сотрудничества, которые исходили преимущественно от Европейского союза. Эти проекты охватывали вопросы создания единого энергетического пространства, сближения законодательных баз, открытия доступа для европейского капитала к российским ресурсам и инфраструктуре.

Тем не менее уже в этот период наглядно проявились различия в подходах и приоритетах сторон в ЭнергодIALOGA. В то время как Москва прежде всего искала поддержки для реализации своих планов по модернизации энергетического сектора, используя европейские программы финансирования, Брюссель выступал за проведение реформ, которые бы максимально открыли российский энергетический рынок, создав тем самым более благоприятные условия для развития делового климата [Monaghan, Montanaro-Jankovski, 2006].

С учетом разрабатывавшейся тогда Минэкономразвития России модели либерализации рынка природного газа, которая предполагала постепенное расширение участия иностранных инвесторов в проектах по добыче энергоресурсов на территории РФ²³, еврочиновники имели основания полагать, что их инициативы, подкрепленные финансированием посредством европейских программ, таких как

²² Заславский А. Иностранные компании и российская нефть // Pro et Contra. Сентябрь–октябрь 2011 г. Доступ: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_53_40-50.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

²³ Либерализация рынка природного газа по версии Минэкономразвития // Коммерсантъ. 26.09.2003. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/414424> (дата обращения: 19.04.2022).

ТАСИС, могут перейти в практическую плоскость в ближайшей перспективе.

При этом, добиваясь доступа к российским недрам и транспортной системе, Европейский союз, по сути, не предлагал ничего взамен. Как отметил президент РФ В.В. Путин на встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2006 г., «мы говорим о том, что сотрудничество должно быть исключительно равноправным. Если от нас чего-то хотят, если хотят, чтобы мы допустили в самое сердце нашей сегодняшней экономики, в инфраструктуру добычи, в инфраструктуру транспорта, — нам-то что дадут за это, мы что за это получим? Нам говорят: “Получите то же самое”. Но в Европе нет такой добычи. И магистральных трубопроводных систем тоже нет»²⁴.

Различия в подходах, безусловно, осложняли движение к единому энергетическому сообществу и ставили в целом под вопрос конструктивное развитие переговоров в рамках ЭнергодIALOGA.

Эволюция содержания ЭнергодIALOGA Россия–ЕС: от единого энергетического сообщества к совместному стратегическому планированию

В период с 2006 по 2010 г. риторика Энергетического диалога претерпела существенные изменения. Безусловно, это произошло не на ровном месте, а было обусловлено как внутренними факторами, так и внешними обстоятельствами [Likhachev, Westphal, 2017].

После транзитного кризиса на Украине в 2006 г. на Саммите Россия–ЕС, который состоялся в ноябре 2006 г. в Хельсинки, Еврокомиссия впервые озвучила свои намерения сделать европейский рынок более конкурентоспособным и менее монополизированным путем разделения компаний на уровне собственников в сфере добычи, транспортировки и реализации энергетических ресурсов²⁵.

²⁴ Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 09.09.2006 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23789> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁵ Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Финляндии Матти Ванханеном, Председателем Комиссии Европейских сообществ Жозе Мануэлем Баррозу, Генеральным секретарем Совета ЕС, Высоким представителем ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности Хавьером Соланой,

Российская сторона ответила, что правительство планирует сохранять единство таких компаний, как «Газпром», очередной раз дав понять европейским политикам, что о либерализации российского энергетического рынка речи не идет [Heinrich, Kuszniir, 2005]. Тогда же, в 2006 г., за «Газпромом» законодательно было закреплено право на монополию в экспорте природного газа²⁶.

Происходило усиление российских позиций в вопросах формирования международных энергетических отношений. В рамках председательства России в «Группе восьми» в 2006 г. ей удалось продвинуть идею глобальной энергетической безопасности, указав на необходимость обеспечения не только безопасности поставок для защиты импортеров, но и безопасности спроса в интересах уже стран — экспортеров энергетических ресурсов [Примаков, 2009].

В феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что Россия «не против того, чтобы согласовать принципы наших отношений с Евросоюзом в сфере энергетики. Более того, те принципы, которые заложены в Хартии, в общем и целом приемлемы. Но сама Хартия нас не очень устраивает»²⁷. Подобное заявление в очередной раз продемонстрировало нежелание Кремля следовать в кильватере энергополитики ЕС.

В этот же период Россия начала играть всё более весомую роль на глобальном энергетическом рынке как крупнейший экспортер энергоресурсов и стала планировать осуществление диверсификации своих экспортных поставок на Восток [Goldthau, 2008; Stern et al., 2014]. В 2008 г. вице-премьер Правительства РФ И. Сечин провел первые переговоры со странами ОПЕК, в рамках которых

Премьер-министром Норвегии Йенсом Столтенбергом и Премьер-министром Исландии Гейром Хильмаром Хорде по итогам встречи на высшем уровне Россия — Европейский союз. 24.11.2006 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23921> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁶ Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 117-ФЗ «Об экспорте газа» // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24036> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁷ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина и дискуссии на Мюнхенской конференции по вопросу политики безопасности. 10.02.2007 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 19.04.2022).

стороны обсудили возможную координацию действий по добыче нефти²⁸.

В том же году было объявлено о создании Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ)²⁹, в котором Россия играет важную роль. Эта структура по аналогии с ОПЕК была призвана объединить на одной площадке ключевых игроков на газовом рынке.

Кроме того, в обозначенный период как в России, так и в ЕС произошли существенные изменения во внутренней энергетической политике. Например, европейские партнеры восприняли в качестве недружественного жеста принятие Москвой в 2008 г. Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»³⁰, в котором устанавливались ограничения на участие иностранных инвесторов в уставных капиталах компаний, имеющих стратегическое значение для России, включая энергетический сектор [Белицкая, Лахно, 2010].

В ЕС в свою очередь в этот период набрали обороты процессы объединения энергосистем, создания единого энергетического рынка, что привело к усилению наднациональной функции Европейской комиссии [Кавешников, 2013].

В начале 2009 г. произошел второй транзитный кризис, который оказался более напряженным, чем первый. Поставки российского природного газа в Европу через территорию Украины были остановлены практически на две недели, что стало историческим прецедентом и придало новый импульс деятельности Европейской комиссии по обеспечению энергобезопасности ЕС, диверсификации маршрутов и поставщиков [Кинякин и др., 2018] и в конечном счете дало повод еврочиновникам снова вернуться к вопросу о необходи-

²⁸ И. Сечин: Россия будет координировать объемы добычи нефти с ОПЕК // РБК. 07.11.2008. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/07/11/2008/5703d0179a79473dc814a476> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁹ Форум стран — экспортеров газа (ФСЭГ) // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/29> (дата обращения: 19.04.2022).

³⁰ Федеральный закон от 29.04.2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27332> (дата обращения: 19.04.2022).

мости для Европы заговорить «единым голосом» в энергетической сфере [Dimitrova, 2010].

В том же году Россия окончательно решила выйти из состава участников ДЭХ. В свою очередь Европейский союз принял Третий энергетический пакет³¹, который положил начало процессу демополизации европейского энергетического рынка, что оказало существенное влияние как на механизм Энергодialogа, так и на двусторонние отношения России со странами — членами ЕС [Пакин, 2012; Locatelli, 2013].

Все эти события отразились на содержании Энергодialogа Россия–ЕС, что проявилось как в трансформации его структуры, так и в изменении риторики обобщающих докладов, выходявших в тот период. Взаимоотношения Москвы и Брюсселя стали более прагматичными и реалистичными, свободными от завышенных ожиданий [Громыко, 2015; Бордачёв, 2006]. В начале 2000-х годов российская сторона главным образом реагировала на различные инициативы ЕС, нежели задавала собственную повестку, но с 2006 г. ситуация постепенно менялась, Энергодialog стал всё больше учитывать интересы Москвы.

Обозначенные изменения привели, как представляется, к частичной трансформации структуры Энергодialogа и его действующих механизмов. Это в какой-то мере объясняет смену российского координатора Энергодialogа с первого вице-председателя Правительства РФ на министра энергетики, расширение количества экспертных групп и подгрупп, задачами которых были проведение консультаций, разработка сценариев и координация позиций. В 2006 г. ввиду нехватки финансирования закрылся Энергетический технологический центр Россия–ЕС, запущенный в рамках Энергодialogа в 2002 г., а также прекратилось спонсирование проектов по линии ТАСИС из-за завершения программы по решению европейской стороны.

В 2007 г. на смену четырем рабочим группам (по инвестициям, инфраструктуре, торговле и энергоэффективности), которые функционировали в рамках Энергодialogа с 2004 г., пришли три новые:

³¹ Third energy package // European Commission. Available at: https://energy.ec.europa.eu/topics/markets-and-consumers/market-legislation/third-energy-package_en (accessed: 19.04.2022).

по энергетическим стратегиям, прогнозам и сценариям; по развитию рынков; по энергоэффективности. Рабочие группы главным образом стали площадками для обмена информацией по текущим и перспективным вопросам в соответствующих областях [Еспуну, 2009; Романова, 2014]. Именно представлению результатов работы этих групп теперь были в основном посвящены доклады по Энергодиалогу. В частности, в десятом обобщающем докладе, выпущенном в 2009 г.³², было прямо сказано, что Энергодиалог выступает прежде всего в качестве площадки для дискуссий и обмена опытом.

Ответом на первый транзитный кризис стал запуск в 2007 г. Механизма раннего предупреждения. В его основе лежал принцип ранней оценки потенциальных рисков и проблем, касающихся поставок и потребности в природном газе, нефти и электроэнергии, а также предупреждения и быстрого реагирования в случае чрезвычайной ситуации или ее угрозы [Пашковская, 2011]. И в последующие годы этим вопросам уделялось приоритетное внимание. В девятом докладе по Энергодиалогу, выпущенном в 2008 г., приводился прогноз возможных «разрывов» между спросом и предложением на энергетическом рынке Европы. По итогам транзитных кризисов в 2006 и 2009 гг. Россия и ЕС подписали документы о механизме предупреждения и преодоления чрезвычайных ситуаций в сфере энергетики, которые предусматривали определение практических мер по предупреждению и оперативному реагированию в случае возникновения или угрозы возникновения чрезвычайной ситуации, а также по уменьшению ее последствий и предотвращению в будущем³³.

Одной из центральных тем обобщающих докладов 2007–2009 гг. стал вопрос объединения энергосистем России и Европейского союза, включая подготовку соответствующего технико-экономического обоснования.

³² Энергетический диалог Россия–ЕС. Десятый обобщающий доклад. Ноябрь 2009 г. // Big Electric Power News. Доступ: https://www.bigpowernews.ru/photos/0/0_hu_mljI3DOFTQM5PJWlQ5HfKXDS5lDFeO.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

³³ Меморандум о Механизме предупреждения и преодоления чрезвычайных ситуаций в сфере энергетики в рамках Энергодиалога Россия–ЕС (Механизм раннего предупреждения). 24.02.2011 // Институт энергетики и финансов. Доступ: <https://fef.ru/files/Memorandum.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

В 2010 г. отмечался юбилей создания механизма Энергетического диалога Россия–ЕС, в честь чего был подготовлен специальный доклад «Энергетический диалог Россия–ЕС 2000–2010: возможности для нашего будущего партнерства в области энергетики»³⁴. В целом можно заключить, что, несмотря на проявившиеся противоречия, за десятилетний период работы сторонам всё-таки удалось добиться ряда конкретных результатов. Прежде всего, был накоплен существенный практический опыт взаимодействия между органами государственной власти, научными институтами, бизнесом и экспертным сообществом России и ЕС, а также созданы ключевые механизмы энергетического сотрудничества, в том числе Постоянный совет партнерства по энергетике, министерские встречи и тематические рабочие группы [Энергетика и геополитика, 2011]. При содействии ЭнергодIALOG Россия–ЕС был обеспечен доступ европейских компаний на российский энергетический рынок. Кроме того, удалось договориться о признании Брюсселем важности и поддержке долгосрочных контрактов на поставку газа.

Продуктивным было и сотрудничество в области энергоэффективности, которая имела большой потенциал развития в России [Чижов, 2009]. За рассматриваемый период удалось реализовать ряд пилотных проектов в российских регионах, а также оказать существенное содействие в разработке проекта федерального закона об энергоэффективности, который был принят в России в 2009 г.³⁵

Вопросы, имевшие первостепенное значение для Европейского союза на старте переговоров, касавшиеся доступа к транспортным сетям, упрощения административных процедур и лицензирования в области иностранных инвестиций, остались в повестке Энерго-

³⁴ Обобщающий доклад ЭнергодIALOG Россия–ЕС 2000–2010: возможности для нашего будущего партнерства в области энергетики. Ноябрь 2010 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: <https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/2010-EnergyDialog%20-report11-10th%20anniversary-ru.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).

³⁵ Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30163> (дата обращения: 10.07.2022).

диалога, но прорывного успеха, на который, как представляется, рассчитывал Брюссель, по ним достичь не удалось. Как отмечалось в докладе, обобщавшем итоги десятилетней работы Энергодialogа Россия–ЕС, «решения российских органов власти по соглашениям о разделе продукции в энергетическом секторе весной 2003 года и влияние Закона о стратегических отраслях 2008 года вместе с Законом о недрах могут, по мнению стороны ЕС, привести к уменьшению инвестиций»³⁶. Речь шла о том, что возникшая необходимость согласования с российским правительством сделок по приобретению акций иностранными государствами, международными организациями или находившимися под их контролем структурами отпугнет многих инвесторов.

Не получила продолжения инициатива ЕС о создании единого газового рынка³⁷, а по вопросу объединения электроэнергетических систем результаты проведенного в 2008 г. исследования показали, что их синхронное соединение теоретически возможно, но только при условии выполнения серьезных технических, ремонтных и организационных мероприятий, а также формирования соответствующей нормативно-правовой базы³⁸. По сути, это означало признание провала идеи ЕС, озвученной в 1994 г., на старте энергетического сотрудничества, о создании интегрированных энергетических рынков.

Таким образом, если говорить о политическом измерении Энергодialogа в рассматриваемый период в целом, то можно заключить, что оно претерпело существенную эволюцию — от амбициозных планов создания единого энергетического сообщества и интегрированных энергорынков к гораздо более приземленному поиску баланса интересов для обеспечения обоюдовыгодного сотрудничества с учетом взаимозависимости экономик ЕС и России. Эта смена

³⁶ Обобщающий доклад Энергодialog Россия–ЕС 2000–2010: возможности для нашего будущего партнерства в области энергетики. Ноябрь 2010 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: <https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/2010-EnergyDialog%20-report11-10th%20anniversary-ru.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

³⁷ Энергетический диалог Россия–ЕС (Четвертый обобщающий доклад). 06.11.2003 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3839/print> (дата обращения: 19.04.2022).

³⁸ Там же.

ориентиров наглядно прослеживается и в работе Энергодialogа в постъюбилейный период.

Отметив десятилетний юбилей, Энергодialog продолжил развиваться, сосредоточив свою деятельность преимущественно на разработке Дорожной карты энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г., на расширении структуры путем создания новых рабочих органов, а также на проведении дискуссий в различных форматах для обсуждения текущих вопросов энергетического взаимодействия. Об интенсивности таких дискуссий можно судить по количеству встреч, которые на ежегодной основе проходили в рамках Энергодialogа. Так, в 2010 г. было проведено 19 мероприятий в различных форматах, включая семинары, конференции, встречи рабочих групп и сопредседателей³⁹.

В 12-м обобщающем докладе, который был опубликован в декабре 2011 г., среди ключевых документов, принятых сторонами в отчетном году, отмечались совместное заявление об обмене информацией, совместное заявление по созданию механизма для оценки будущих тенденций на рынках газа, общее понимание по подготовке дорожной карты сотрудничества, а также усовершенствованный Механизм раннего предупреждения⁴⁰.

Этот перечень позволяет судить об изменении содержания Энергодialogа, его формата и механизмов работы. Сотрудничество сторон постепенно переходило из практико-ориентированной плоскости в сферу стратегического планирования, предполагавшую проведение исследований, консультаций, подготовку прогнозов и рекомендаций, при этом реализация конкретных проектов начала затягиваться или пробуксовывать [Энтин, Энтина, 2015]. Однако необходимость дальнейшего развития Энергодialogа не ставилась под сомнение ни одной из сторон, прежде всего в связи с пониманием глубины взаимозависимости России и ЕС в энергетической сфере [Moshes, 2009].

³⁹ EU-Russia Energy Dialogue. The first ten years: 2000–2010 // European Commission. Directorate-General for Energy. Available at: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2011_eu-russia_energy_relations.pdf (accessed: 19.04.2022).

⁴⁰ Энергодialog Россия–ЕС 12-й доклад. 11.12.2011 // RusCable.Ru. Доступ: <https://www.ruscable.ru/other/m-11-12-11.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

Об этом свидетельствует и структура Энергодialogа Россия–ЕС, представленная в 13-м обобщающем докладе⁴¹. Ключевыми рабочими органами Энергодialogа были четыре тематические группы по таким направлениям, как энергетические рынки и стратегии, электроэнергетика, атомная энергетика, энергоэффективность и инновации, а также Консультативный совет России и ЕС по газу.

Среди приоритетов работы Энергодialogа в постъюбилейный период можно выделить дальнейшее развитие Механизма раннего предупреждения, а также разработку сценариев стратегического сотрудничества Брюсселя и Москвы в энергетической сфере.

Важной вехой в истории эволюции Энергодialogа стало одобрение в 2013 г. Дорожной карты энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г.⁴² Это была первая попытка обозначить общий вектор взаимодействия сторон на долгосрочный период с учетом различий в их энергостратегиях. Документ не носил обязывающего характера, но содержал согласованную сторонами стратегическую цель по формированию к 2050 г. панъевропейского энергетического пространства⁴³. Признавая существенные различия в приоритетах развития энергетических секторов России и ЕС, которые к тому времени уже стали очевидными, авторы Дорожной карты отмечали, что она «призвана содействовать достижению приемлемого уровня неопределенности в контексте будущего устойчивого и взаимовыгодного развития отношений России и ЕС в энергетической сфере»⁴⁴.

Весной 2014 г. по инициативе Европейского союза Энергодialog Россия–ЕС был заморожен, и его работа не возобновилась до настоящего времени. Единственным органом, в рамках которого не прекращалась деятельность, стала рабочая группа «Развитие внутренних рынков ЕС и России» в рамках Консультативного совета по газу, функционирующая на экспертном уровне⁴⁵.

⁴¹ Энергодialog Россия–ЕС. 13-й доклад. 17.01.2014 // Министерство энергетики России. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/3377> (дата обращения: 19.04.2022).

⁴² Roadmap EU–Russia Energy Cooperation until 2050. March 2013 // European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2013_03_eu_russia_roadmap_2050_signed.pdf (accessed: 19.04.2022).

⁴³ Энергодialog Россия–ЕС. 13-й доклад. 17.01.2014 // Министерство энергетики России. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/3377> (дата обращения: 19.04.2022).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Энергодialog Россия–ЕС // Министерство энергетики России. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/14646> (дата обращения: 19.04.2022).

* * *

ЭнергодIALOG Россия–ЕС как формализованный механизм взаимодействия, запущенный лидерами России и Европейского союза в 2000 г. на саммите в Париже, просуществовал 14 лет. Период его деятельности пришелся на время глобальной трансформации мирового энергетического рынка, а также модернизации энергетических отраслей как России, так и ЕС в целях адаптации к новым геополитическим и экономическим реалиям.

Происходившие изменения как внутри сторон диалога, так и на глобальной арене сказывались на процессе энергетического сотрудничества. Безусловным локомотивом первых 5 лет работы ЭнергодIALOGа выступал Европейский союз, который предпринимал попытки распространить на российскую энергетическую отрасль общеевропейские правила, а также взять под контроль как сами российские энергоресурсы, так и инфраструктуру по их транспортировке. Однако «быстрая победа» Европе не удалась, и с усилением роли России в международной энергетической повестке ЭнергодIALOG приобрел более сбалансированный характер, при этом утратив свою проектную нацеленность.

Сопоставление положений ДЭХ и ключевых направлений работы ЭнергодIALOGа Россия–ЕС позволило выявить еще одну задачу, которую ставил перед собой Евросоюз в этой связи. Речь шла о том, чтобы посредством ЭнергодIALOGа всё же навязать Москве те принципы и положения общеевропейской энергетической политики, принятие которых по линии ДЭХ натолкнулось на сопротивление российского руководства.

С 2006–2007 гг. приоритеты России и ЕС в энергетической области начали всё более явственно расходиться на фоне кардинальных изменений как во внутренней энергетической политике сторон, так и в положении России на международной арене. В этой связи менялись содержание и структура ЭнергодIALOGа: вопросы создания единого энергетического сообщества и энергорынков уходили на второй план, а частично и теряли актуальность.

Однако, несмотря на отмеченные изменения и в некотором роде понижение уровня амбиций в рамках переговорного процесса, на протяжении 14 лет это была площадка для прямого диалога, предоставлявшая возможность обменяться мнениями, разъяснить

партнерам свою позицию, обсудить спорные моменты. Кроме того, сам факт наличия прямого переговорного процесса способствовал формированию доверия сторон друг к другу и деполитизации взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белицкая А.В., Лакно П.Г. Иностранные инвесторы в сфере недропользования в Российской Федерации и зарубежных странах: правовое регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2010. № 4. С. 44–61.
2. Бордачёв Т.В. Россия и Европейский союз: проблема европеизации // Современная Европа. 2006. № 4. С. 120–129.
3. Городов А.А. Проблема транзитного протокола ДЭХ в контексте Энергодialogа Россия–ЕС // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 14. С. 191–200.
4. Громько А.А. Взлеты и падения отношений России и Евросоюза // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Канон+, 2015. С. 267–292.
5. Европейская интеграция: Учебник / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011.
6. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Россия: почему «дорожные карты» не ведут в Европу? // Современная Европа. 2005. № 4. С. 64–79.
7. Кавешников Н.Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза // Вестник МГИМО–Университета. 2013. № 4. С. 82–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-82-91.
8. Кинякин А.А., Напара А.С., Копыл М.В. Энергетический диалог России и ЕС: сотрудничество или конкуренция? // Наука Красноярья. 2018. Т. 7. № 2. С. 167–198. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198.
9. Конопляник А.А. Россия и Энергетическая хартия: Учебное пособие. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2010.
10. Кориневич А.А. Договор к Энергетической хартии — основной источник международного энергетического права // Наука и современность. 2010. № 1-3. С. 204–208.
11. Лукашевич В.В. Пятое расширение Европейского союза и перспективы российского бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2006. № 1. С. 151–169.
12. Пакин А.К. Реализация Третьего энергетического пакета в Европейском союзе // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 6. С. 107–110.

13. Пашковская И.Г. Внешняя энергетическая политика Европейского союза // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 1. С. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-1-61-69.

14. Пашковская И.Г. Энергетическая политика Европейского союза в отношении России. Аналитические доклады МГИМО (У) МИД России. № 5 (29). М.: МГИМО-Университет, 2011.

15. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009.

16. Романова Т.А. Россия и ЕС: диалог на разных языках // *Россия в глобальной политике*. 2006. № 6. С. 79–92.

17. Романова Т.А. Энергетическое сотрудничество России и Евросоюза: основные направления эволюции и современное состояние // *Балтийский регион*. 2013. № 3 (17). С. 7–19. DOI: 10.5922/2074-9848-2013-3-1.

18. Россия и Европейский союз: Учебное пособие / Под ред. С.М. Юна. Томск: Издательство Томского университета, 2014.

19. Чижов В.А. Россия и Европейский союз: формирование стратегического партнерства // *Международная жизнь*. 2009. № 10. С. 75–81.

20. Чувахина Л.Г. Россия и ВТО. Проблемы вступления и перспективы участия // *Академия бюджета и казначейства Минфина России. Финансовый журнал*. 2010. № 3. С. 19–30.

21. Чумаков В.А. Расширение ЕС и сфер влияния европейских ТНК в контексте политико-экономических интересов России и СНГ // *Актуальные проблемы Европы*. 2006. № 2. С. 191–206.

22. Энергетика и геополитика / Под ред. В.В. Костюка, А.А. Макарова. М.: Наука, 2011.

23. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Россия и Европейский союз в 2011–2014 годах: в поисках партнерских отношений — V. Т. 1. М.: Издательство «Э», 2015.

24. Dimitrova I. EU-Russia energy diplomacy: 2010 and beyond? // *Connections*. 2010. Vol. 9. No. 4. P. 1–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.11610/Connections.9.4.01>.

25. Espuny T. EU-Russia energy dialog at the origin of the European foreign energy policy // *EU-Russia Centre Review*. June 2009. Iss. 9. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/105727/review_ix.pdf (accessed: 10.07.2022).

26. Goldthau A. Resurgent Russia? Rethinking Energy Inc. // *Policy Review*. 2008. No. 147. P. 53–63.

27. Hadfield A. EU-Russia energy relations: Aggregation and aggravation // *Journal of Contemporary European Studies*. 2008. No. 16 (2). P. 231–248. DOI: 10.1080/14782800802309953.

28. Heinrich A., Kuszniir J. Independent gas producers in Russia // *KICES Working Papers*. No. 2. September 2005. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2871401> (accessed: 19.04.2022). DOI: 10.2139/ssrn.2871401.

29. Kaveshnikov N. The issue of energy security in relations between Russia and the European Union // *European Security*. 2010. Vol. 19. No. 4. P. 585–605. DOI: 10.1080/09662839.2010.531707.

30. Konoplyanik A. A common Russia-EU energy space: The new EU-Russia Partnership Agreement, *Acquis Communautaire* and the Energy Charter // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 2009. Vol. 27. No. 2. P. 258–291. DOI: 10.1080/02646811.2009.11435215.

31. Kustova I. EU-Russia energy relations, EU energy integration, and energy security: The state of the art and a roadmap for future research // *Journal of Contemporary European Research*. 2015. Vol. 11. No. 3. P. 287–295.

32. Likhachev V., Westphal K. Russia-EU energy relations // *Russian International Affairs Council*. Report No. 35/2017. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

33. Locatelli C. Security challenges in EU-Russian gas relations // *Revue d'économie industrielle*. 2013. Vol. 143. Iss. 3. P. 35–69. DOI: 10.4000/rei.5622.

34. Monaghan A., Montanaro-Jankovski L. EU-Russia energy relations: The need for active engagement // *European Policy Centre*. March 2006. Issue Papers. No. 45. Available at: https://www.epc.eu/content/PDF/2006/EPC_Issue_Paper_45_EU-Russia_energy_relations.pdf (accessed: 19.04.2022).

35. Moshes A. EU-Russia relations: Unfortunate continuity // *European issues*. 2009. No. 129. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

36. Neuman M. EU-Russian energy relations after the 2004/2007 EU enlargement: An EU perspective // *Journal of Contemporary European Studies*. 2010. Vol. 18. Iss. 3. P. 341–360. DOI: 10.1080/14782804.2010.507918.

37. Romanova T. Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects // *Energy Policy*. 2014. Vol. 74. P. 44–53. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.07.019.

38. Stern J., Dickel R., Hassanzadeh E. et al. Reducing European dependence on Russian gas: Distinguishing natural gas security from geopolitics // *Oxford Institute for Energy Studies*. October 2014. Available at: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (accessed: 19.04.2022).

REFERENCES

1. Belitskaya A.V., Lakhno P.G. 2010. Inostrannyye investory v sfere nedropol'zovaniya v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh: pravovoe regulirovanie [Foreign investors in the sphere of subsoil assets use in the Russian Fe-

deration and in foreign countries: Legal regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 14. Pravo*, no. 4, pp. 44–61. (In Russ.)

2. Bordachev T.V. 2006. Rossiya i Evropeiskii soyuz: problema evropeizatsii [Russia and the European Union: The problem of Europeanization]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 120–129. (In Russ.)

3. Gorodov A.A. 2009. Problema tranzitnogo protokola DEKh v kontekste Energodialoga Rossiya–ES [The Energy Charter Treaty, the Transit Protocol and the Russia-EU energy dialog]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 14, pp. 191–200. (In Russ.)

4. Gromyko A.A. 2015. Vzlety i padeniya otnoshenii Rossii i Evrosoyuza [The ups and downs of relations between Russia and the European Union]. In: Neimark M.A. (ed.). *Sovremennyi mir i geopolitika* [Contemporary world and geopolitics]. Moscow, Kanon+ Publ., pp. 267–292. (In Russ.)

5. Butorina O.V. (ed.). 2011. *Evropeiskaya integratsiya: Uchebnik* [European integration: A textbook]. Moscow, Delovaya literatura Publ. (In Russ.)

6. Inozemtsev V.L., Kuznetsova E.S. 2005. Rossiya: pochemu ‘dorozhnye karty’ ne vedut v Evropu? [Russia: Why ‘the roadmaps’ do not lead to Europe?]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 64–79. (In Russ.)

7. Kaveshnikov N.Yu. 2013. Razvitie vneshnei energeticheskoi politiki Evropeiskogo soyuza [Development of the external energy policy of the European Union]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4, pp. 82–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-82-91. (In Russ.)

8. Kinyakin A.A., Napara A.S., Kopyl M.V. et al. 2018. Energeticheskii dialog Rossii i ES: sotrudnichestvo ili konkurentsia? [Russia-EU energy dialog: Cooperation or competition?]. *Nauka Krasnoyar’ya*, vol. 7, no. 2, pp. 167–198. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198. (In Russ.)

9. Konoplyanik A.A. 2010. *Rossiya i Energeticheskaya khartiya: Uchebnoe posobie* [Russia and the Energy Charter. A work-book]. Moscow, RGU nefiti i gaza im. I.M. Gubkina Publ. (In Russ.)

10. Korinevich A.A. 2010. Dogovor k Energeticheskoi khartii — osnovnoi istochnik mezhdunarodnogo ehnergeticheskogo prava [The Energy Charter Treaty — the main source of international energy law]. *Nauka i sovremennost’*, no. 1-3, pp. 204–208. (In Russ.)

11. Lukashevich V.V. 2006. Pyatoe rasshirenie Evropeiskogo soyuza i perspektivy rossiiskogo biznesa [The fifth enlargement of the European Union and prospects for the Russian business]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 8. Menedzhment*, no. 1, pp. 151–169. (In Russ.)

12. Pakin A.K. 2012. Realizatsiya Tret’ego energeticheskogo paketa v Evropeiskom soyuze [Implementation of the Third Energy Package in the European Union]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, no. 6, pp. 107–110. (In Russ.)

13. Pashkovskaya I.G. 2009. Vneshnyaya energeticheskaya politika Evropeiskogo soyuza [External energy policy of the European Union]. *World Economy and International Relations*, no. 1, pp. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-1-61-69. (In Russ.)

14. Pashkovskaya I.G. 2011. *Energeticheskaya politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Rossii* [Energy policy of the European Union towards Russia]. *Analiticheskie doklady MGIMO (U) MID Rossii*, no. 5 (29). Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

15. Primakov E.M. 2009. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost'* [World without Russia? Where the political shortsightedness leads to]. Moscow, Rossiiskaya gazeta Publ. (In Russ.)

16. Romanova T.A. 2006. Rossiya i ES: dialog na raznykh yazykakh [Russia and the EU: A dialogue in different languages]. *Rossiya v global'noi politike*, no. 6, pp. 79–92. (In Russ.)

17. Romanova T.A. 2013. Energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Evrosoyuza: osnovnye napravleniya evolyutsii i sovremennoe sostoyanie [EU-Russia energy cooperation: Major development trends and the present state]. *Baltic Region*, no. 3 (17), pp. 4–13. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-3-1.

18. Yun S.M. (ed.). 2014. *Rossiya i Evropeiskii soyuz: Uchebnoe posobie* [Russia and the European Union: A textbook]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ. (In Russ.)

19. Chizhov V.A. 2009. Rossiya i Evropeiskii soyuz: formirovanie strategicheskogo partnerstva [Russia and the European Union: Building a strategic partnership]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 10, pp. 75–81. (In Russ.)

20. Chuvakhina L.G. 2010. Rossiya i VTO. Problemy vstupleniya i perspektivy uchastiya [Russia and the WTO. Membership seeking issues and the prospects for the newcomer]. *Akademiya byudzheta i kaznacheistva Minfina Rossii. Finansovyi zhurnal*, no. 3, pp. 19–30. (In Russ.)

21. Chumakov V.A. 2006. Rasshirenie ES i sfer vliyaniya evropeiskikh TNK v kontekste politiko-ekonomicheskikh interesov Rossii i SNG [Enlargement of the EU and spheres of influence of European transnational corporations in the context of the political and economic interests of Russia and the CIS]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 191–206. (In Russ.)

22. Kostyuk V.V, Makarov A.A. (eds.). 2011. *Energetika i geopolitika* [Energy and geopolitics]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

23. Entin M.L., Entina E.G. *Rossiya i Evropeiskii soyuz v 2011–2014 godakh: v poiskakh partnerskikh otnoshenii — V. Tom 1* [Russia and the European Union in 2011–2014: In search of partnerships — V. Vol. 1]. Moscow, 'E' Publ. (In Russ.)

24. Dimitrova I. 2010. EU-Russia energy diplomacy: 2010 and beyond? *Connections*, no. 4, vol. 9, pp. 1–16. DOI: 10.11610/Connections.9.4.01.

25. Espuny T. 2009. *EU-Russia energy dialog at the origin of the European foreign energy policy*. EU-Russia Centre Review. Iss. 9. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/105727/review_ix.pdf (accessed: 10.07.2022).

26. Goldthau A. 2008. Resurgent Russia? Rethinking Energy Inc. *Policy Review*, no. 147, pp. 53–63.

27. Hadfield A. 2008. EU-Russia energy relations: Aggregation and aggravation. *Journal of Contemporary European Studies*, no. 16 (2), pp. 231–248. DOI: 10.1080/14782800802309953.

28. Heinrich A., Kuszniir J. 2005. *Independent gas producers in Russia*. KICES Working Papers, no. 2. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2871401> (accessed: 19.04.2022). DOI: 10.2139/ssrn.2871401.

29. Kaveshnikov N. 2010. The issue of energy security in relations between Russia and the European Union. *European Security*, vol. 19, no. 4, pp. 585–605. DOI: 10.1080/09662839.2010.531707.

30. Konoplyanik A. 2009. A common Russia-EU energy space: The new EU-Russia Partnership Agreement, Acquis Communautaire and the Energy Charter. *Journal of Energy & Natural Resources Law*, vol. 27, no. 2, pp. 258–291. DOI: 10.1080/02646811.2009.11435215.

31. Kustova I. 2015. EU-Russia energy relations, EU energy integration, and energy security: The state of the art and a roadmap for future research. *Journal of Contemporary European Research*, vol. 11, no. 3, pp. 287–295.

32. Likhachev V., Westphal K. 2017. *Russia-EU energy relations*. Russian International Affairs Council. Report No. 35/2017. Available at: <https://russian-council.ru/papers/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

33. Locatelli C. 2013. Security challenges in EU-Russian gas relations. *Revue d'économie industrielle*, vol. 143, iss. 3, pp. 35–69. DOI: 10.4000/rei.5622.

34. Monaghan A., Montanaro-Jankovski L. 2006. *EU-Russia energy relations: The need for active engagement*. European Policy Centre, Issue Papers, no. 45. Available at: https://www.epc.eu/content/PDF/2006/EPC_Issue_Paper_45_EU-Russia_energy_relations.pdf (accessed: 19.04.2022).

35. Moshes A. 2009. *EU-Russia relations: Unfortunate continuity*. European issues, no. 129. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

36. Neuman M. 2010. EU-Russian energy relations after the 2004/2007 EU enlargement: An EU perspective. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 18, iss. 3, pp. 341–360. DOI: 10.1080/14782804.2010.507918.

37. Romanova T. 2014. Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects. *Energy Policy*, vol. 74, pp. 44–53. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.07.019.

38. Stern J., Dickel R., Hassanzadeh E. et al. 2014. *Reducing European dependence on Russian gas: Distinguishing natural gas security from geopolitics*. Oxford Institute for Energy Studies. Available at: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (accessed: 19.04.2022).

Статья поступила в редакцию 25.04.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2022;
принята к публикации 10.08.2022

The paper was submitted 25.04.2022;
approved after reviewing 10.07.2022;
accepted for publication 10.08.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-76-108

Научная статья / Research paper

Ф.А. Басов*

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЗИЦИИ ФРГ В ОТНОШЕНИИ ПРОЕКТА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК-2»

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

В последние годы энергетическая политика Германии была направлена на достижение нескольких долгосрочных целей: помимо обеспечения энергетической безопасности речь шла о реализации энергетического перехода и одновременно о превращении страны в важнейший газовый хаб внутри Европейского союза. Особое значение для достижения всех указанных целей имело сотрудничество с Российской Федерацией как ключевым экспортером природного газа в ФРГ. В то же время отношения между двумя странами отличались противоречивой динамикой, что особенно ярко проявилось в политической борьбе, которая развернулась вокруг проекта нового газопровода, получившего название «Северный поток-2». В рамках статьи предпринята попытка проследить эволюцию взглядов и аргументации ключевых участников дискуссий в ФРГ вокруг проекта «Северный поток-2». В первой части статьи подробно проанализированы позиции основных групп интересов, ведущих политических партий, а также региональных властей. Показано, что представители бизнес-структур и ориентирующихся на них политических сил (СДПГ, ХСС, часть ХДС и СвДП) в целом были склонны поддерживать реализацию проекта при соблюдении ряда условий, в частности при гарантировании Россией сохранения транзита газа через Украину. Гораздо более критическую позицию в отношении «Северного потока-2» заняли правозащитная (легалитская) группа и эоактивисты, на которых ориентировались «Зеленые» и частично ХДС и СвДП. При этом на политику федерального

* *Басов Фёдор Алексеевич* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН; старший преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: fabasov2@mail.ru).

правительства не могли не оказывать влияния и внешнеполитические факторы. ФРГ прилагала значительные дипломатические усилия, чтобы не только согласовывать свою позицию с другими странами — членами ЕС, но и преодолевать сопротивление проекту со стороны США и Украины. Тем не менее автор заключает, что, несмотря на все описанные трудности, путем различных компромиссов германское правительство достаточно уверенно продвигало реализацию «Северного потока-2». Всё изменилось после признания Россией независимости ДНР и ЛНР. Правительство ФРГ остановило процесс сертификации «Северного потока-2», это решение поддержали все основные германские политические партии.

Ключевые слова: ФРГ, российско-германские отношения, «Северный поток-2», энергетический переход, энергетическая безопасность, третий энергетический пакет, Г. Шрёдер, О. Шольц, Украина, лоббизм, санкции

Для цитирования: Басов Ф.А. Внутренние и внешние детерминанты позиции ФРГ в отношении проекта «Северный поток-2» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 76–108. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-76-108.

Fedor A. Basov

GERMANY'S STANCE ON THE NORD STREAM 2 PROJECT: INTERNAL AND EXTERNAL DETERMINANTS

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

In recent years, Germany's energy policy has been pursuing several long-term goals: not only to ensure energy security, but also to achieve energy transition and to become a major gas hub in the European Union. In that context, cooperation with Russia as a key exporter of natural gas to Germany was of particular importance. At the same time, relations between the two states showed contradictory dynamics. This became especially evident during the political struggle over the project of the new Nord Stream 2 gas pipeline. The author traces the evolution of the arguments of the key participants in the discussions sparked by the project in Germany before Russia began its special military operation in Ukraine and after it. The first section examines the positions of the main interest groups, leading

political parties and regional authorities. The author shows that representatives from the business community and political forces related to them (SPD, CSU, part of the CDU and FDP) were generally inclined to support the project, albeit under certain conditions. The latter particularly included Russia's guarantees for preserving gas transit through Ukraine. The human rights (legalist) group and eco-activists, affiliated with the Greens, partly the CDU and the FDP, took a much more critical stand regarding Nord Stream 2. Moreover, the federal government's policy was greatly affected by a number of external factors. Germany made significant diplomatic efforts not only to coordinate its position with other EU countries, but also to overcome the resistance to the project from the United States and Ukraine. Nevertheless, the German government eventually managed through various compromises to advance the Nord Stream 2 project. The situation has changed dramatically after Russia's recognition of the Donetsk People's Republic and Luhansk People's Republic. The German government halted the process of certification of Nord Stream 2. All major German political parties supported this decision.

Keywords: Germany, the Russian-German relations, Nord Stream 2, energy transition, energy security, Third Energy Package, G. Schroeder, O. Scholz, Ukraine, interest groups, sanctions

About the author: Fedor A. Basov — PhD (Political Science), Senior Research Fellow at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Senior Lecturer at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: fbasov2@mail.ru).

For citation: Basov F.A. 2022. Germany's stance on the Nord Stream 2 project: Internal and external determinants. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 76–108. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-76-108. (In Russ.)

Германия — развитая страна с мощной промышленностью, которая занимает второе место в мире по товарному экспорту и является самой большой экономикой Европы, а также крупнейшим потребителем энергии в ЕС¹. В мире по этому показателю ФРГ на-

¹ Primary energy consumption worldwide in 2020, by country // Statista. Available at: <https://www.statista.com/statistics/263455/primary-energy-consumption-of-selected-countries/> (accessed: 20.02.2022).

ходится на 7-м месте: по данным за 2020 г., потребление энергии в стране составило 12 EJ. Второе из государств Евросоюза по этому показателю, Франция, занимает 12-е место в мире (8,7 EJ в 2020 г.), значительно отставая от ФРГ.

Несмотря на то что у Германии есть собственные месторождения каменного и бурого угля, а также своя исключительная экономическая зона в Северном море, где пока еще ведется добыча углеводородов, запасы природных ископаемых в стране малы, поэтому она является крупным импортером энергоресурсов. В ряде европейских государств (Великобритании, Нидерландах, Норвегии и Румынии) в последние годы снижается добыча природного газа, и в целом в ЕС извлечение собственных запасов углеводородов уменьшается, что в свою очередь ведет к увеличению значения их импорта.

В этих условиях ФРГ реализует политику энергетического перехода, который предполагает отказ от атомной энергии, каменного и бурого угля в энергобалансе. О планах отказаться от атома впервые заговорили в 2000 г. — во время правления коалиции Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и «Зеленых». После аварии на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. эти планы стали еще более значимыми для немецкой общественности. Вывод из эксплуатации последних действующих в Германии атомных реакторов должен произойти в 2022 г. В 2018 г. в стране были закрыты последние угольные шахты, а отказ от угля в энергобалансе должен быть реализован до 2038 г.

Нефть и нефтепродукты планируется использовать только в сфере транспорта, при этом должна быть уменьшена доля «грязной» энергии, а процент электродвигателей увеличен. Кроме того, важным для зеленой экономики принципом является преимущественное инвестирование в железнодорожную инфраструктуру, а не в автомобильные дороги (к 2030 г. объем грузовых перевозок по железным дорогам планируется увеличить на 25%, а пассажирских — на 50%; 75% неэлектрифицированных железных дорог планируется электрифицировать)².

² Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP // Bundesregierung. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/1990812/04221173eef9a6720059cc353d759a2b/2021-12-10-koav2021-data.pdf?download=1> (accessed: 20.02.2022).

Политика энергетического перехода базируется на использовании возобновляемых источников энергии (ВИЭ), водорода и природного газа. Последний является наиболее чистым ископаемым с точки зрения выбросов углекислого газа и твердых частиц. В долгосрочной перспективе планируется также уменьшение доли природного газа в энергобалансе, но пока именно он служит одной из основ успешного энергетического перехода.

Доля природного газа в энергобалансе Германии стабильна уже более двух десятилетий и составляет около 25%, из них 40% ФРГ импортирует из России. При этом большинство экспертов и политиков называют природный газ незаменимым источником энергии в переходный период³. В коалиционном договоре 2021 г.⁴ обозначено, что правительство будет стремиться увеличить распространение ВИЭ — использовать все подходящие участки крыш для солнечных батарей и выделить 2% территории в каждой федеральной земле для новых ветрогенераторов. Предполагается работать над расширением видов ВИЭ, в частности, за счет использования биомассы и геотермальной энергии. Новым видом топлива должен стать водород. Федеральное правительство в 2020 г. впервые издало Национальную водородную стратегию⁵. В коалиционном договоре 2021 г.⁶ указывается стремление нового правительства увеличить количество газовых электростанций (в их конструкцию должна быть заложена возможность в будущем перейти на работу на водороде).

³ Strunz S., Gawel E. Importabhängigkeit und Energiewende — ein neues Risikofeld der Versorgungssicherheit? UFZ Discussion Papers, no. 5/2016 // Helmholtz-Zentrum für Umweltforschung (UFZ). Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/130617/1/857497669.pdf> (accessed: 20.02.2022).

⁴ Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP // Bundesregierung. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/1990812/04221173eef9a6720059cc353d759a2b/2021-12-10-koav2021-data.pdf?download=1> (accessed: 20.02.2022).

⁵ Nationale Wasserstoffstrategie, 2021 // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. Available at: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/die-nationale-wasserstoffstrategie.pdf?__blob=publicationFile&v=20 (accessed: 20.02.2022).

⁶ Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP // Bundesregierung. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/1990812/04221173eef9a6720059cc353d759a2b/2021-12-10-koav2021-data.pdf?download=1> (accessed: 20.02.2022).

Вопрос строительства газовых электростанций и ранее поднимался О. Шольцем⁷, что свидетельствует о внимании социал-демократов к данной теме. Такие электростанции считаются более удобными для снабжения. Новое федеральное правительство Германии в коалиционном договоре обозначило также стремление к развитию водородного сотрудничества с Россией и Украиной. Этот вопрос канцлер О. Шольц обсуждал с руководством обеих стран во время своих визитов в Киев и Москву в феврале 2022 г.

К настоящему моменту можно говорить о том, что у Германии существуют своеобразные константы энергетической политики. Одной из ключевых является установка: чем больше углеводородов импортируется в Евросоюз из разных нефтегазовых регионов, тем лучше, поскольку цена на них на рынке находится в обратной зависимости от их объема. В этой связи Берлин традиционно поддерживает строительство трубопроводов, а также иной нефтегазовой инфраструктуры, причем трубопроводы в Германии всегда считались более надежным, экологичным и рентабельным средством доставки углеводородов, чем танкеры [Pflüger, 2010: 77]. Сжиженный природный газ (СПГ) обходится дороже, чем газ, поставленный по трубопроводам, из-за процессов его переработки и транспортировки. Кроме того, важную роль играет географическое положение ФРГ, в силу которого она ориентирована в большей степени на российские, а не ближневосточные углеводороды.

В дополнение к перечисленным факторам Германия стремится стать важным газовым хабом внутри ЕС. Немецкие компании реэкспортируют российский газ в Евросоюзе. Например, трубопроводы OPAL и EUGAL соединяют «Северный поток» с Чехией, а трубопровод NEL — с Нидерландами. Во многом по этой причине правительство Германии поддерживало строительство газопровода «Северный поток», а также уже в условиях антироссийских санкций пролоббировало «Северный поток-2». Эти проекты должны были позволить ФРГ стать важнейшим газовым хабом Евросоюза и главным в ЕС реэкспортером российского газа.

⁷ Olaf Scholz: Werden zur Versorgungssicherheit neue Gaskraftwerke brauchen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27.10.2021. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/bundestagswahl/olaf-scholz-werden-zur-versorgungssicherheit-neue-gaskraftwerke-brauchen-17604949.html> (accessed: 20.02.2022).

Проанализировав основные константы энергетической политики Германии, можно отметить, что она нацелена на достижение трех важнейших задач: обеспечение собственной энергетической безопасности, реализацию энергетического перехода и создание условий для реэкспорта углеводородов.

Особую роль в реализации этой политики играют отношения с Российской Федерацией. Россия экспортировала в Германию энергоносители еще в XIX в. — тогда это был в основном уголь. Заключенный с Советским Союзом в 1970 г. договор «Газ — трубы» обеспечил развитие газопроводной сети от российских месторождений до Западной Европы. В 1998 г. между «Газпромом» и немецким концерном Ruhrgas было подписано соглашение о продлении большинства контрактов, в соответствии с которым с 2008 по 2020 г. в Германию должно было быть поставлено 13 млрд м³ российского газа⁸. В середине 2000-х годов Россия поставляла в Германию 2/3 импортируемой по трубопроводам нефти, а также, как уже было отмечено, 40% всего импортируемого ФРГ природного газа⁹. Ключевую роль в этих поставках играл газопровод «Северный поток».

Его строительство проходило в период президентства Д.А. Медведева и «Партнерства для модернизации» в отношениях между Германией и Россией. В то время в ФРГ еще не было серьезных голосов против реализации этого проекта. Соглашение между «Газпромом» и его европейскими партнерами было подписано в сентябре 2005 г.¹⁰ В проекте участвовали две немецкие компании — Wintershall и E.On. Важными факторами в пользу строительства этого трубопровода стали газовый кризис 2006 г., а также более поздние кризисы, связанные с транзитом российского газа через украинскую газотранспортную систему (ГТС). Первая нить газопровода «Северный поток» была запущена в 2011 г., вторая — в 2012 г. В настоящий момент он является самым длинным подводным газопроводом в мире.

⁸ About Gazprom. History. Chronicle. 1998 // Gazprom.com. Available at: <https://www.gazprom.com/about/history/chronicle/1998/> (accessed: 20.02.2022).

⁹ Länderprofil Russland. Dezember, 2013 // Deutsche Energieagentur. Available at: https://www.dena.de/fileadmin/dena/Dokumente/Pdf/3097_Laenderprofil_Russland_REG.pdf (accessed: 20.02.2022).

¹⁰ About Gazprom. History. Chronicle. 2005 // Gazprom.com. Available at: <https://www.gazprom.com/about/history/chronicle/2005/> (accessed: 20.02.2022).

После запуска второй нити «Северного потока» в 2012 г. началось строительство газопровода «Южный поток», который должен был пройти по дну Черного моря из России в Болгарию. В проект вошла немецкая компания Wintershall. Однако после присоединения Крыма к России в 2014 г. Еврокомиссия рекомендовала Болгарии прекратить реализацию проекта. София заявила о его приостановке, после чего в декабре 2014 г. Москва объявила об отказе от продолжения строительства «Южного потока». Вместо него был построен газопровод «Турецкий поток».

Правительство ФРГ было значительно меньше заинтересовано в реализации проекта «Южный поток», несмотря на участие в нем немецкой компании, но и не выступало против его строительства после присоединения Крыма к России в 2014 г. Главным хабом и импортером природного газа в рамках данного проекта должна была стать Австрия.

Отказ Москвы от «Южного потока» послужил одним из стимулов для строительства трубопровода «Северный поток-2», которое обсуждалось уже в условиях санкционной войны между Россией и ЕС. Впрочем, из этого проекта было исключено большинство аспектов нефтегазового сотрудничества. Договор о строительстве этого газопровода был подписан в 2015 г.¹¹ По трубопроводу EUGAL, который идет параллельно OPAL, газ из «Северного потока-2» должен был в итоге прийти в Чехию и далее — в австрийский Баумгартен.

«Северный поток-2» является магистральным газопроводом длиной более 1200 км и с заявленной мощностью 55 млрд м³ газа в год. По сути, он представляет собой расширение газопровода «Северный поток», его маршрут также пролегает по дну Балтийского моря через территориальные воды стран ЕС — Финляндии, Швеции и Дании. Учредителем проекта выступает «Газпром». В строительстве газопровода участвовали немецкие компании Uniper, Wintershall, а также французская Engie, австрийская OMV и британо-нидерландская Shell¹². В 2016 г. эти партнеры «Газпрома» отказались от долевого

¹¹ Gazprom, BASF, E.ON, ENGIE, OMV and Shell sign Shareholders Agreement on Nord Stream 2 project // Gazprom.com. Available at: <https://www.gazprom.com/press/news/2015/september/article245837/> (accessed: 20.02.2022).

¹² Nord Stream 2 // Gazprom.com. Available at: <https://www.gazprom.com/projects/nord-stream2/> (accessed: 20.02.2022).

участия в проекте из-за угроз санкций со стороны США, но остались в нем в качестве инвесторов.

Сроки завершения строительства и запуска «Северного потока-2» неоднократно переносились. Так, завершение строительства изначально было запланировано на конец 2019 г., а запуск — на середину 2020 г. В итоге же газопровод был полностью готов к эксплуатации лишь в конце 2021 г., но так и не начал работать. Реальность, наступившая 22–24 февраля 2022 г., не могла не отразиться самым радикальным образом на судьбе проекта — даже активные сторонники его реализации были вынуждены поддержать его остановку. Летом 2022 г., однако, официальные лица ФРГ и России стали вновь высказываться о возможности использования инфраструктуры «Северного потока-2». Так, в Москве зазвучали призывы направить его мощности на обеспечение газом северо-запада России, в том числе Калининградской области¹³, а правительство Германии рассматривает вариант использования немецкого участка трубопровода для развития своей инфраструктуры СПГ¹⁴.

Анализ эволюции позиций политической элиты и групп интересов в ФРГ касательно «Северного потока-2» имеет большое значение с точки зрения понимания перспектив реанимации проекта и, шире, развития российско-германских отношений в целом. Следует отметить, что, как правило, «Северный поток-2» рассматривается исследователями в контексте проблематики энергетической интеграции в Европейском союзе и отношений ЕС с Россией [Юдина, 2021]¹⁵ или с точки зрения его потенциального влияния на Украину

¹³ См., например: Малышева А. Поворот «Северного потока-2» на Калининград поможет создать в области газовый хаб и снизит цены — эксперт // Клопс. 29.06.2022. Доступ: <https://klops.ru/news/2022-06-29/254292-povorot-severnogo-potoka-2-na-kaliningrad-pomozhet-sozdat-v-oblasti-gazovyy-hab-i-snizit-tseny-ekspert> (дата обращения: 30.06.2022).

¹⁴ Germany looking at repurposing unused Nord Stream 2 pipeline for LNG use, report says // Reuters. 24.06.2022. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/germany-looking-repurposing-unused-nord-stream-2-pipeline-lng-use-report-2022-06-24/> (accessed: 30.06.2022).

¹⁵ Выгон Г., Ермаков В., Белова М. Россия — ЕС: смена курса в газовых отношениях // Forbes. 21.05.2015. Доступ: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/289071-rossiya-es-smena-kursa-v-gazovykh-otnosheniyaikh?page=0,0> (дата обращения: 30.06.2022).

(Ш. Майстер¹⁶, М. Заневич¹⁷, С. Дебски¹⁸, В. Якобик¹⁹). Что же касается внутренних и внешних детерминант формирования позиции собственно ФРГ в отношении данного проекта, роли в этом процессе групп интересов, регионального лобби, политических партий, внешнеполитических партнеров Германии, то эти сюжеты остаются сравнительно менее изученными. Именно рассмотрению указанных вопросов и будет посвящено данное исследование.

Внутренние факторы

Согласно результатам опроса авторитетного немецкого социологического агентства Forsa, проведенного в 2019 г., 73% немцев выступали за строительство «Северного потока-2», 67% не считали его угрозой установления зависимости страны от России, а 90% видели в усилиях Вашингтона по срыву этого проекта лишь коммерческий интерес компаний из США²⁰.

Исследование Forsa, проведенное по заказу Восточного комитета немецкой экономики в мае 2021 г., показало, что 75% немцев поддерживают строительство трубопровода и лишь 17% против. Доля последних среди опрошенных примерно соответствует федеральному рейтингу партии «Союз 90/Зеленые» — единственной политической силы страны, которая последовательно выступала против газопровода. Поддержка «Северного потока-2» наблюдалась

¹⁶ Meister S. Gasstreit zwischen Russland und der Ukraine: Eine dauerhafte Lösung ist das Ziel // DGAP. 2009. Available at: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/13000/ssoar-2009-meister-gasstreit_zwischen_russland_und_der.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2009-meister-gasstreit_zwischen_russland_und_der.pdf (accessed: 30.06.2022).

¹⁷ Zaniewicz M. Russia disrupts gas transit through Ukraine // PISM. Available at: <https://www.pism.pl/publications/russia-disrupts-gas-transit-through-ukraine> (accessed: 20.02.2022); Zaniewicz M. The EU's prospects for decoupling from Russian gas // PISM. Available at: <https://www.pism.pl/publications/the-eus-prospects-for-decoupling-from-russian-gas> (accessed: 05.04.2022).

¹⁸ Debcki S. Nord Stream 2: German and U.S. credibility suffers serious damage // PISM. Available at: https://pism.pl/publikacje/Nord_Stream_2_German_and_US_Credibility_Suffers_Serious_Damage (accessed: 05.04.2022).

¹⁹ Jakobik W. The Energy Union is still attractive for Poland // Obserwator Finansowy. Available at: <https://www.obserwatorfinansowy.pl/in-english/business/the-energy-union-is-still-attractive-for-poland/> (accessed: 05.04.2022).

²⁰ Forsa survey on the project Nord Stream 2 // Ost-Ausschuss der deutschen Wirtschaft. Available at: https://www.ost-ausschuss.de/sites/default/files/pm_pdf/OA-Forsa-Umfrage-Nord-Stream-handout%20ENG.pdf (accessed: 20.02.2022).

среди избирателей практически всех остальных крупных партий: среди сторонников «Левых» — 92%, «Альтернатива для Германии» (АдГ) — 84, Свободной демократической партии (СвДП) — 82, ХДС/ХСС — 81, СДПГ — 75%. В феврале 2022 г. (до начала масштабных боевых действий на Украине) доля противников проекта составила 29%, после 24 февраля этот показатель существенно возрос. Тем не менее анализ приведенных данных позволяет сделать вывод, что большинство немцев понимали важность и преимущества «Северного потока-2» для Германии.

Главным предметом дискуссий вокруг данного проекта была перспектива углубления зависимости Германии и всего ЕС от российского газа. Следует отметить, что запуск нового газопровода из России в ФРГ мог усилить не только долю российского газа в немецком газовом импорте, но и в свою очередь зависимость России от немецкого и в целом европейского рынка, т.е. взаимозависимость.

Само по себе введение в строй нового газопровода не означало бы автоматического увеличения доли российского газа на рынке ЕС, а только обеспечивало бы возможность нарастить поставки. Для этого, однако, пришлось бы заключать новые договоры, которые должны соответствовать требованиям европейского законодательства. Кроме того, для качественного увеличения объема поставок российского газа была бы необходима разработка новых месторождений, что требует времени и денег, а главное — достаточно высокого уровня цен для обеспечения их рентабельности. В этом контексте обращало на себя внимание развитие в ЕС инфраструктуры для импорта СПГ, в частности строительство терминала «Северные ворота» в польском Свиноуйсьце и проект терминала в Хорватии.

При этом запуск «Северного потока-2» однозначно обернулся бы снижением транзитных рисков, связанных с ситуацией в Белоруссии и на Украине, а также с состоянием украинской ГТС. К тому же «Северный поток-2» является куда более коротким, а значит, более экологичным и экономически выгодным маршрутом, чем маршруты через Белоруссию и тем более Украину.

В свою очередь включение в работу «Северного потока-2» сделало бы ФРГ крупнейшим газовым хабом в Европе. Это значительно укрепило бы позиции газотранспортных и энергетических компаний Германии, увеличило доходы немецкого бюджета. На этом фоне

вызывают сомнения оценки части германского экспертного сообщества относительно экономической целесообразности «Северного потока-2»²¹. Так, Немецкий институт экономических исследований называл газопровод излишним, поскольку спрос на газ падает и продолжит падение в будущем из-за мер по защите климата²². Это мнение представляется тем более тенденциозным, поскольку, как было показано ранее, на ближайшее десятилетие спрос на газ должен остаться на прежнем уровне в силу целого ряда факторов.

Отказ от проекта в долгосрочной перспективе повлечет за собой рост цен, потому что другие экспортеры не смогут в короткий срок обеспечить увеличение поставок из-за того, что мощности трубопроводов ограничены, а в самой Европе добыча газа снижается при повышении спроса на него. Альтернативой, на которую сейчас уповают в ЕС, может стать СПГ, но из-за особенностей процессов производства и транспортировки, а также из-за конкуренции со стороны азиатских потребителей его стоимость будет выше, чем у газа, транспортируемого по трубопроводам.

В дискуссиях вокруг «Северного потока-2» активную роль играли различные группы интересов, в первую очередь бизнес, с одной стороны, и экологические активисты, правозащитники, общественные организации — с другой.

Бизнес-структуры, которые делают ставку на развитие в целом экономических отношений с Россией, подчеркнуто дистанцируются от обсуждения проблем демократии и прав человека в РФ (к слову, аналогичную линию они проводят и с КНР) и международно-политических разногласий с ней. Это самая четко оформленная и самая старая из всех групп интересов в немецкой политике в отношении России (например, в свое время именно эта группа во многом способствовала проведению встречи в Рапалло в 1922 г. и выходу Советской Республики из международной изоляции).

²¹ См., например: Westphal K. Nord Stream 2 — Germany's dilemma. SWP Comment, no. 32, April 2021 // Die Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2021C32_NordStream2.pdf (accessed: 20.02.2022).

²² Neumann A., Göke L., Holz F. et al. Erdgasversorgung: Weitere Ostsee-Pipeline ist überflüssig // DIW Wochenbericht. Available at: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.593445.de/18-27-1.pdf (accessed: 20.02.2022).

Сторонники «Северного потока-2» пытались использовать для обоснования его важности популярную в Германии водородную проблематику. Так, председатель Восточного комитета немецкой экономики О. Хермес заявлял, что технологии и материалы, применяемые при строительстве «Северного потока-2», позволят в будущем транспортировать по нему не только газ, но и водород²³.

Сказанное, однако, не означает, что представители этой группы вообще игнорируют идейно-ценностные соображения. Их позицию в этой связи описывает формула «Wandel durch Handel» («изменения через торговлю»). Этот девиз был сформулирован идеологами Новой восточной политики социал-демократами Э. Баром и В. Брандтом в конце 1960-х годов и послужил политической основой сделки «Газ — трубы» и строительства нефте- и газопроводов из СССР в Германию. Укрепление экономических связей с Советским Союзом стало одной из целей Новой восточной политики, поскольку считалось, что экономическая значимость ФРГ для восточноевропейских партнеров будет способствовать сближению их политических позиций с Западом.

Экономическими структурами, которые в первую очередь были лоббистами «Северного потока-2», являются компании, работающие в газовом секторе (торговля и распределение): Uniper, BASF SE (материнская структура Wintershall) (обе — непосредственные инвесторы проекта), E.ON, EnBW, EWE AG, VNG AG. «Северный поток-2» поддерживают также и другие компании из отраслей, связанных с промышленным потреблением энергии: металлургии, химической промышленности, машиностроения, транспорта. Аналогичных позиций придерживался бизнес из прочих сфер экономики, работающих в России или желающий выйти на пространство Евразийского экономического союза. Это подтверждается опросом руководителей немецких компаний и их российских подразделений, проведенным Российско-германской внешнеторговой палатой²⁴.

Ключевой фигурой этого лоббистского движения стал экс-канцлер Германии Г. Шрёдер, занявший пост председателя наблю-

²³ Nord Stream 2 und der Widersinn von Wirtschaftssanktionen // Ost-Ausschuss der deutschen Wirtschaft. 16.02.2021. Available at: <https://www.ost-ausschuss.de/de/nord-stream-2-und-der-widersinn-von-wirtschaftssanktionen> (accessed: 20.02.2022).

²⁴ Немецкий бизнес поддерживает «Северный поток-2» // Прайм. 23.06.2021. Доступ: <https://1prime.ru/gas/20210623/834011069.html> (дата обращения: 20.02.2022).

дательного совета Nord Stream AG. В 2017 г. он был назначен председателем совета директоров российского ПАО «Роснефть».

При этом его деятельность в качестве лоббиста энергетических компаний, связанных с Россией, предсказуемо стала предметом серьезной критики в Германии. С осуждением номинирования экс-канцлера в наблюдательный совет ПАО «Газпром» в 2022 г. выступил член Комитета Бундестага по внешней политике от ХДС/ХСС Р. Кизеветтер²⁵. Депутат от «Союза 90/Зеленые» К. Мюллер прямо сказала: «... тот факт, что Шрёдер представляет интересы Путина и его олигархата, должен иметь последствия»²⁶. Критика бывшего канцлера звучит также от либералов и ХСС. Представитель Союза немецких налогоплательщиков М. Егер предложил лишить Г. Шрёдера офиса в Бундестаге, сотрудников и автомобиля, положенного ему по статусу, поскольку иначе получается, что лоббистскую деятельность он осуществляет с использованием инфраструктуры, оплачиваемой немецкими налогоплательщиками²⁷. Более того, Г. Шрёдера критикуют даже в рядах его собственной партии. Председатель «Молодых социал-демократов» Дж. Розенталь заявила, что высказывания экс-канцлера не имеют ничего общего с позицией партии, а отражают лишь интересы России²⁸. Похожее заявление сделал руководитель СДПГ в Северном Рейне — Вестфалии Т. Кучаты²⁹.

²⁵ Die Kritik an Schröders Engagement für russisches Gas reißt nicht ab — ein Überblick // RND. 05.02.2022. Available at: <https://www.rnd.de/politik/gerhard-schroeder-und-russland-geschaeft-mit-gas-kritik-reisst-nicht-ab-HPNMTOFUUM6ALGSP5C32IHP5SA.html> (accessed: 20.02.2022).

²⁶ Ibidem.

²⁷ Steuerzahlerbund fordert Ende der Amtsausstattung für Schröder // Die Zeit. 05.02.2022. Available at: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-02/gazprom-steuerzahlerbund-gerhard-schroeder-amtsausstattung?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (accessed: 20.02.2022).

²⁸ Das Bild, was Gerhard Schröder auf die SPD wirft, macht mich richtig traurig // Die Welt. 26.04.2022. Available at: <https://www.welt.de/politik/ausland/article238399927/WELT-Talk-Juso-Chefin-Rosenthal-zu-Schroeder-Das-macht-mich-wuetend.html> (accessed: 01.06.2022).

²⁹ Eberle L., Teevs C. 'Ich wünsche mir den Tag herbei, an dem Gerhard Schröder die Partei verlässt' // Spiegel. 28.04.2022. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/thomas-kutschaty-ich-wuensche-mir-den-tag-herbei-an-dem-gerhard-schroeder-die-partei-verlaesst-a-5a3c551a-2ffc-4024-a7ce-c3d8810f0adc> (accessed: 01.06.2022).

После 24 февраля 2022 г. все сотрудники офиса Г. Шрёдера в Бундестаге, который полагается ему как бывшему канцлеру, подали в отставку. СДПГ исключила имя Г. Шрёдера из списка выдающихся членов партии. Он также был лишен званий почетного гражданина Ганновера и почетного члена спортивного общества «Боруссия Дортмунд». Колоссальное давление на Г. Шрёдера привело к тому, что 21 мая 2022 г. он ушел с поста председателя совета директоров ПАО «Роснефть» и отказался от предложенной ему номинации в совет директоров ПАО «Газпром».

Экономической группе противостоит правозащитная (легалистская), которая также продвигает экологическую повестку. Эта группа постепенно формировалась в годы холодной войны и в значительной степени включала советологов и журналистов. Большую роль в ее становлении сыграли появление радиостанции «Радио Свобода» («Радио Свободная Европа»), а также антивоенное движение и зарождение зеленой идеологии. Представители этой группы утверждают, что проект «Северный поток-2» ведет к ухудшению экологии Балтийского моря.

К группам интересов, влияющим на формирование российской политики Германии, можно отнести также не столь четко оформленную «идейную» группу (инклюзивную, нацеленную на подключение России к работе евроатлантических структур, «возвращение» ее в Европу). В период канцлерства Г. Шрёдера и обсуждения необходимости «Северного потока» для части элит Германии важным аргументом в пользу строительства новых трубопроводов из России в ЕС был фактор конкуренции за влияние на нее с КНР [Rahr, 2011].

Представители «идейной» группы интересов менее чувствительны к правозащитной проблематике. Они намного ближе к экономической группе, поскольку и те, и другие заинтересованы в подключении России к западному сообществу. В эту группу входят политологи и бывшие высокопоставленные политики (например, бывший министр обороны Ф. Рюе, экс-председатель военного комитета НАТО генерал К. Науманн и др.), которые в 2000-е годы даже призывали к интеграции России в Североатлантический альянс, ее торгово-экономической «привязке» к Западу и всемерному улучшению отношений с Москвой. Так, высокопоставленные отставные военные в 2010 г. опубликовали в *Der Spiegel* статью «Открыть дверь

вступлению России в НАТО»³⁰. При этом они в целом не имеют личной материальной заинтересованности в укреплении отношений между Германией и Россией, а скорее руководствуются общими политическими соображениями.

Сейчас представители этой группы интересов не проявляют активности в публичном пространстве. Более того, существовавший с 1993 г. Германо-российский форум (немецкая общественная организация, спонсируемая государством) после начала операции ВС РФ на Украине заявил о прекращении своей работы, а его председатель М. Платцек ушел с этой должности, извинившись за то, что ранее называл масштабное нападение России на Украину невозможным³¹. Прекратил свою деятельность и Петербургский диалог как формат Германо-российского форума.

Группы интересов несколько амортизируют и опосредуют партийное влияние. Если распределить партии по близости к двум основным перечисленным группам, то к экономической тяготеют ХСС, СДПГ, часть ХДС и СвДП. При этом на правозащитную группу интересов ориентируются «Зеленые» и другая часть ХДС и СвДП. Правые и левые популисты (АдГ и «Левые»), несмотря на то что они много внимания уделяют отношениям с Россией, не имеют сильных связей ни с экономической, ни с правозащитной группами интересов. Бизнес традиционно выбирает для взаимодействия силы мейнстрима, а многие правозащитники считают как «Левых», так и АдГ маргиналами.

В наибольшей степени интересы экономической группы на восточном направлении совпадали с идейными установками *Социал-демократической партии Германии*. Эта близость взглядов партии и немецкого бизнеса во внешней политике проявилась еще в 1960-е годы и сохраняется до настоящего времени. По этой причине политические оппоненты социал-демократов часто обвиняют их в беспринципности. Однако мягкая линия СДПГ и даже некоторая

³⁰ Rühle V., Naumann K., Elbe K., Weisser U. Die Tür öffnen für Russlands Beitritt zur NATO // Spiegel. 08.03.2010. Available at: <https://www.spiegel.de/spiegel/a-682256.html> (accessed: 20.02.2022).

³¹ SPD-Politiker Platzeck korrigiert Haltung zu Russland: 'Ich habe mich getäuscht' // RND. 25.02.2022. Available at: <https://www.rnd.de/politik/krieg-in-der-ukraine-spd-politiker-platzeck-korrigiert-haltung-zu-russland-habe-mich-getaeuscht-Jf626KOCQSHBR6FL5QI4WCY6YA.html> (accessed: 28.02.2022).

экономизированность ее внешнеполитических программ в значительной мере объясняются ее приверженностью стратегии «малых дел», которая традиционно присуща этой партии.

СДПГ делала ставку на укрепление отношений с Россией, постоянно декларируя принадлежность последней к Европе, отмечала важность удержания России в Европе или ее возвращения в Европу³². Партию отличало сдержанно-нейтральное отношение к внутривнутриполитическим процессам в России при большой заинтересованности в развитии сотрудничества с ней. Особое значение сотрудничество с Москвой приобрело во время правления канцлера от СДПГ Г. Шрёдера.

В *Христианском демократическом союзе Германии* помимо экономического крыла широко представлено также правозащитное. Г. Коль, подобно своему однопартийцу К. Аденауэру, был тем политическим лидером, который ориентировался на обе группы интересов. Для «канцлера немецкого единства» первостепенное значение имели политические идеалы, а не экономическая целесообразность. Он стал первым федеральным канцлером, который последовательно продвигал проблематику прав человека во внешней политике. Правозащитное крыло в ХДС заметно усилилось после объединения Германии в 1990 г. и при председательстве А. Меркель.

Вместе с тем партия имеет крепкие связи и с крупными немецкими концернами. Большой политический вес ХДС требует от его деятельности на российском направлении баланса и внимания ко всему спектру отношений: экономике и инвестиционному климату, правам человека и политическому развитию, внешней и оборонной политике, культуре и образованию.

Так, несмотря на то что канцлер А. Меркель относилась к правозащитному крылу в партии, ее позиция по вопросу «Северного потока-2» оставалась последовательной и была ориентирована на экономические интересы страны. После 2017 г. значительную роль в этом играла и коалиция с СДПГ. Дело в том, что впервые в истории ФРГ коалиционные переговоры в 2017 г. между ХДС, ХСС, СвДП и «Зелеными» провалились. Для того чтобы страна избежала

³² Zeit für mehr Gerechtigkeit. Unser Regierungsprogramm für Deutschland // SPD. Available at: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (accessed: 20.02.2022).

политического кризиса, федеральный президент социал-демократ Ф.-В. Штайнмайер убедил руководство своей партии второй раз подряд стать младшими партнерами по коалиции с ХДС/ХСС, что ожидаемо ударило по рейтингу СДПГ. Социал-демократы пошли на этот шаг, потеряв часть электората, но помогли консерваторам и лично А. Меркель избежать политического кризиса и сохранить власть. По этой причине Союз ХДС/ХСС и канцлер А. Меркель еще более солидаризировались с социал-демократами по вопросу поддержки трубопровода.

31 января 2022 г. председателем ХДС стал Ф. Мерц, известный своей атлантической ориентацией. В отличие от А. Меркель, которая стремилась учитывать интересы России и отличалась взвешенным подходом к политике Запада на российском направлении, и от кандидата в канцлеры А. Лашета, считающегося софт-лайнером в отношении России, новый руководитель партии с трибуны Бундестага не раз критиковал министра иностранных дел А. Бербок за недостаточно жесткую позицию МИД по российскому вопросу и слабую поддержку Украины³³. Разумеется, здесь есть фактор политической конъюнктуры и необходимости для оппозиции критиковать правительство, но очевидно, что после А. Меркель ХДС, а вместе с ним и весь Союз ХДС/ХСС заняли более критическую позицию по отношению к России.

Христианско-социальный союз связан с крупными баварскими концернами, он более консервативен, в нем значительно слабее представлена правозащитная позиция, нежели в ХДС. По вопросу «Северного потока-2» разногласий со своей партией-сестрой ХСС не демонстрировал. Интересно, что один из самых авторитетных политиков партии П. Рамзауэр в совместном заявлении с председателем Комитета Бундестага по защите климата и энергетике К. Эрнстом («Левые») критиковал министра иностранных дел А. Бербок за то, что она обвинила Россию в стремлении в будущем манипулировать ценами на углеводороды и шантажировать ЕС³⁴. Это обстоятельство

³³ Baerbock trifft auf eiskalten Russen — und bekommt von Merz bedenkenswerten Schlag mit auf die Reise // Merkur. 19.01.2022. Available at: <https://www.merkur.de/politik/baerbock-ukraine-russland-putin-merz-lawrow-gruene-reise-sanktionen-cdu-kommentar-news-91240465.html> (accessed: 20.02.2022).

³⁴ Nord Stream 2: CSU- und Linke-Politiker werfen Baerbock fehlende Sachkunde vor // RND. 21.10.2021. Available at: <https://www.rnd.de/politik/nord-stream-2-linke-und->

демонстрирует, что проблематика «Северного потока-2» на какой-то момент сблизила политиков из антагонистических ХСС и «Левой» партии, позволив им выступить с совместным заявлением, что ранее казалось невозможным.

Партия «Союз 90/Зеленые», которая тесно переплетена с правозащитной группой влияния, сильно критикует Россию за нарушения прав человека и международного права. Реализация проекта «Северный поток-2» поставила ее перед дилеммой. С одной стороны, этот проект способствовал бы отказу от атома и угля, что является важнейшим требованием партии, с другой — увеличил бы влияние России в ЕС и стал бы дополнительным риском для Украины. На протяжении всего периода до формирования нового правительства с участием «Зеленых» в декабре 2021 г. партия уделяла внимание только второму аспекту проекта, игнорируя первый. После начала работы кабинета СДПГ, «Зеленых» и СвДП фактор участия в коалиции оказал значительное влияние на позицию ведущих членов партии: министр иностранных дел А. Бербок следуя линии федерального канцлера, старалась делать очень осторожные заявления по поводу проекта. Однако депутат Бундестага от «Зеленых» О. Нурипур продолжил традиционную линию, заявляя, что в ситуации, когда высока вероятность расширения конфликта на российско-украинской границе, проект не может быть реализован³⁵.

Свободная демократическая партия Германии считается партией предпринимателей, но вместе с тем довольно критически настроенной по отношению к России. Главным приоритетом, который определяет позицию партии по всем ключевым вопросам, является обеспечение единства и дееспособности Европейского союза. Либералы выступают за диверсификацию энергопоставок в ЕС и учет интересов Украины как транзитера. СвДП также стремится увязать торговлю энергоресурсами с вопросами внутреннего развития России и в своей предвыборной программе 2021 г. предлагала наложить мораторий на запуск «Северного потока-2» до завершения

csu-werfen-baerbock-fehlende-sachkunde-vor-4UOT55HOG3OD34L3WVP3FUOSZI.html (accessed: 20.02.2022).

³⁵ Union und Grüne wollen Aus für Nord Stream 2 bei Angriff Russlands auf Ukraine // Tagesspiegel. 17.01.2022. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/politik/umstrittene-gaspipeline-union-und-gruene-wollen-aus-fuer-nord-stream-2-bei-angriff-russlands-auf-ukraine/27980996.html> (accessed: 20.02.2022).

объективного и всестороннего расследования дела об отравлении А. Навального³⁶. Спикер партии по внешнеполитическим вопросам А. Ламбсдорф также подчеркивал, что запуск газопровода зависит от политики России в отношении Украины³⁷. При этом, будучи в оппозиции, либералы не выступали за полный отказ от проекта, а только за мораторий. Уже в составе правящей коалиции свободные демократы в лице председателя фракции в Бундестаге К. Дюрра отмечали, что «Северный поток-2» не является «неполитическим» проектом, как об этом ранее высказывались в Ведомстве канцлера О. Шольца³⁸. Политики СвДП требовали от канцлера, чтобы он во время переговоров с российским президентом в феврале 2022 г. обозначил возможность отказа от газопровода в качестве ответной меры на случай развязывания Россией масштабных военных действий против Украины³⁹.

«Альтернатива для Германии» в отношении России исповедует дружественный прагматизм, не отягощенный повышенной нормативностью. Партия выступает за учет интересов России и совместное с ней разрешение международных проблем. Позиция АдГ близка установкам экономической группы интересов и отражает ожидания определенной части избирателей новых федеральных земель. Националисты последовательно выступают за ввод «Северного потока-2» в эксплуатацию. В сентябре 2020 г. фракция АдГ в Бундестаге предложила проект обращения парламента к правительству с требованием скорейшего запуска трубопровода в эксплуатацию, поскольку

³⁶ Moratorium für den Weiterbau von Nord Stream 2 // FDP. Available at: <https://www.fdp.de/forderung/moratorium-fuer-den-weiterbau-von-nord-stream-2> (accessed: 20.02.2022).

³⁷ Bei Nord Stream 2 muss es jetzt ein Moratorium geben // FDP. 25.01.2021. Available at: <https://www.fdp.de/bei-nord-stream-2-muss-es-jetzt-ein-moratorium-geben> (accessed: 20.02.2022).

³⁸ FDP-Fraktionschef Dürr: Nord Stream 'kein unpolitisches Projekt' // WirtschaftWoche. 20.01.2022. Available at: <https://www.wiwo.de/politik/deutschland/umstrittene-gaspipeline-fdp-fraktionschef-duerr-nord-stream-kein-unpolitisches-projekt/27992276.html> (accessed: 20.02.2022).

³⁹ FDP verlangt von Scholz 'klare Botschaft' zu möglichem Aus für Nord Stream 2 // Spiegel. 14.02.2022. Available at: <https://www.spiegel.de/ausland/bijan-djir-sarai-fordert-von-olaf-scholz-klare-botschaft-zu-moeglichem-aus-fuer-nord-stream-2-a-83c499b5-d390-44e6-89fb-7ea15ef7e44d> (accessed: 20.02.2022).

это соответствует интересам Германии⁴⁰. Однако по сложившейся традиции любые инициативы АдГ в Бундестаге отклоняются всеми другими фракциями.

Позицию «*Левой партии*» отличает стремление к включению России в европейскую политику, а не к ее изоляции. «Левым» импонирует декларируемый Москвой курс на многополярный мир, а их представители почти никогда не критикуют Россию. Подобно АдГ, они последовательно поддерживают реализацию проекта «Северный поток-2»⁴¹. Важной составляющей позиции «Левой партии» в этом вопросе является ее антиамериканизм. Однако «Левые» остаются самой раздробленной и неоднородной партией. Для нее экономическая составляющая отношений с Россией не имеет большого значения, что может в долгосрочной перспективе сблизить ее с позициями «Зеленых» и правозащитной группой интересов.

События 24 февраля 2022 г. кардинально изменили позицию ведущих германских партий. Если раньше они все готовы были на тех или иных условиях поддержать запуск «Северного потока-2», то теперь реализация проекта стала практически невозможной. Отдельные голоса за его реанимацию звучали из рядов «Левых» и АдГ, однако даже эти призывы нельзя считать выражением общей позиции соответствующих партий. Схожую картину можно наблюдать, если обратиться к анализу заявлений правительств германских земель.

В последние годы в ФРГ наблюдалось достаточно четкое региональное разделение между теми землями, которые выступали за строительство «Северного потока-2» и углубление экономического сотрудничества с Россией в целом, и теми, которые стремились к сохранению и ужесточению санкционной линии и отказу от запуска трубопровода. За развитие сотрудничества высказывались те земли, где у власти находятся прагматично настроенные элиты, склонные уделять меньше внимания правозащитной проблематике и, что особенно важно, традиционно имеющие тесные экономические связи с Россией. К таким землям относились в первую очередь

⁴⁰ Antrag der Fraktion der AfD 'Energiesicherheit gewährleisten — Nord Stream 2 unterstützen' // Deutscher Bundestag, Drucksache 19/22552. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/225/1922552.pdf> (accessed: 20.02.2022).

⁴¹ Ernst K. 'Weg für Nord Stream 2 ist frei' // Die Linke im Bundestag. Available at: <https://www.linksfraktion.de/presse/pressemitteilungen/detail/weg-fuer-nord-stream-2-ist-frei/> (accessed: 20.02.2022).

новые федеральные земли (бывшая ГДР), Берлин, а также Бавария. Последняя является одной из самых экономически развитых земель и уделяет особое внимание развитию экономических связей с Россией. За смягчение санкций высказывались премьер-министры земель Северный Рейн — Вестфалия и Нижняя Саксония А. Лашет⁴² и Ш. Вайль. При этом премьер-министры других крупных и экономически развитых земель, Баден-Вюртемберга и Гессена, В. Кречманн и Ф. Буфье представляют правозащитное крыло в немецкой политике. Так, В. Кречманн говорил о том, что санкции эффективны и их необходимо продолжать [Басов, 2018: 60].

Особое значение «Северный поток-2» имел для Мекленбурга — Передней Померании — земли с самыми низкими плотностью населения и показателем ВВП. Любой экономический и инфраструктурный проект для нее очень важен. Руководство земли, несмотря на критику, раз в три года проводило большой экономический форум «День России в Мекленбурге — Передней Померании». Для региона с населением лишь 1 млн 600 тыс. человек это является свидетельством колоссальной важности экономических отношений с РФ. Дочерняя компания Nord Stream AG — Gas for Europe GmbH имела штаб-квартиру в столице этой земли — Шверине.

В начале января 2021 г. парламент земли Мекленбург — Передняя Померания принял решение о создании Фонда защиты климата и окружающей среды Мекленбург — Передняя Померания большинством голосов СДПГ, ХДС и «Левой партии»⁴³. Уставной капитал фонда составил 20,2 млн евро, из которых 20 млн были привлечены компанией Nord Stream 2 AG и 200 тыс. — землей Мекленбург — Передняя Померания. Кроме того, 60 млн евро должны были поступить из России, а также 2 млн — от «Газпрома» сроком на 20 лет. Основной целью фонда декларировалась защита окружающей среды. Кроме того, есть основания полагать, что средства использовались для покупки строительной техники в целях выведения подрядчиков из-под санкционного удара. Совет директоров фонда возглавил бывший премьер-министр земли Мекленбург — Передняя Померания социал-демократ Э. Зеллеринг. Он также является

⁴² Находился на этом посту до октября 2021 г.

⁴³ Über uns // Stiftung Klima- und Umweltschutz. Available at: <https://klimastiftung-mv.de/ueber-uns/> (accessed: 20.02.2022).

председателем и основателем ассоциации «Германско-российское партнерство», в правление которой входит пресс-секретарь Nord Stream AG Ш. Эберт. 22 февраля 2022 г., после известия о признании ДНР и ЛНР Россией, правительство региона остановило работу Фонда защиты климата и окружающей среды Мекленбург — Передняя Померания, позднее он был ликвидирован. Правительство земли после 24 февраля 2022 г. сразу же приняло решение о ликвидации структур, созданных для реализации проекта «Северный поток-2», и не выступало против решения федерального центра об остановке процесса сертификации.

Экологические организации Германии с самого начала были против создания упомянутого Фонда защиты окружающей среды и климата, называя его «фейковым» и призывая власти страны пересмотреть его признание как фонда. Всемирный фонд дикой природы и Немецкое общество охраны природы заявили в совместном обращении: «Деньги налогоплательщиков под видом защиты окружающей среды используются для подрыва обязательств по защите климата и еще больше разжигают климатический кризис»⁴⁴. Создание фонда критиковала также правозащитная организация Transparency Deutschland, ее руководитель указывала на то, что фонд дискредитирует сам институт негосударственных фондов⁴⁵.

Внешние факторы

На позицию руководства ФРГ относительно перспектив реализации проекта «Северный поток-2» существенное влияние оказывают и ряд внешнеполитических факторов и обстоятельств. Прежде всего, ему необходимо считаться с мнением других стран — членов Европейского союза. Среди них можно выделить как сторонников, так и ярых противников строительства и запуска «Северного потока-2».

К числу первых можно отнести (помимо самой ФРГ) Австрию, Нидерланды и Францию, поскольку компании из этих стран активно

⁴⁴ Stiftung zur Unterstützung von Nord Stream 2 darf gegründet werden // Die Zeit. 07.01.2021. Available at: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2021-01/nord-stream-2-gaspipeline-ostsee-umwelt-stiftung-mecklenburg-vorpommern?utm_referrer=https%3A%2F%2Fde.wikipedia.org%2F (accessed: 20.02.2022).

⁴⁵ Nord Stream 2: Weiter Kritik an landeseigener Stiftung // Die Welt. 03.02.2021. Available at: <https://www.welt.de/regionales/mecklenburg-vorpommern/article225614953/Nord-Stream-2-Weiter-Kritik-an-landeseigener-Stiftung.html> (accessed: 20.02.2022).

инвестировали в этот проект. Мальта, Финляндия и Швеция были заинтересованы в «Северном потоке-2» по причине того, что их компании участвовали непосредственно в строительстве газопровода. Отношение Чехии и Словакии, изначально негативное, изменилось в положительную сторону, после того как им была гарантирована возможность получать газ из «Северного потока-2» по трубопроводу OPAL [Басов, 2021: 92]. За пределами ЕС к числу сторонников проекта можно было отнести также Великобританию и Швейцарию, чей бизнес получил бы выгоду от его реализации.

Против газопровода активнее всего выступают страны Балтии, Польша и Румыния. Латвия, Литва и Польша в марте 2018 г. направили открытое письмо парламентам стран — членов ЕС, в котором выражали свою обеспокоенность в связи с реализацией проекта «Северный поток-2»⁴⁶. Помимо политико-экономических вопросов транзита энергоресурсов их позиция во многом диктовалась идеологическими соображениями: апеллируя к истории заключения пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г., эти страны традиционно не приветствуют включение России в европейские дела в какой бы то ни было форме, а также требуют, чтобы Берлин в отношениях с Москвой учитывал их позицию [Басов, 2021: 93]. Пытаясь повлиять на ФРГ, Польша стремилась опереться на авторитет наднациональных органов: в 2015 г. ею был предложен проект Энергетического союза ЕС, включавший положение об обязательном контроле Еврокомиссией межправительственных соглашений государств-членов с третьими странами о закупке энергоносителей. Однако Германия и некоторые другие члены ЕС (например, Австрия, Венгрия, Словакия) выступили против⁴⁷.

Весьма неоднозначную позицию заняла Дания. Некоторое время она фактически тормозила реализацию проекта, несмотря на то что изначально дала разрешение на строительство трубопровода в своих территориальных водах. Такую трансформацию можно объяснить влиянием других сторон, не заинтересованных в проекте, прежде

⁴⁶ Спикеры парламентов Литвы, Латвии и Польши заявили об угрозе со стороны «Северного потока-2» // Коммерсантъ. 11.03.2018. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3569414> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴⁷ USA wollen Nord Stream 2 von Sanktionen ausschließen // Spiegel. 29.06.2018. Available at: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/usa-wollen-nord-stream-2-von-sanktionen-ausschliessen-a-1215817.html> (accessed: 20.02.2022).

всего США. Именно Вашингтон является важнейшим неевропейским экономическим партнером Дании, на него же Копенгаген ориентируется в вопросах безопасности. Однако, по всей видимости, под влиянием ФРГ, которая остается основным экономическим партнером Королевства, Дания всё же дала свое разрешение на строительство газопровода.

Официальная позиция Берлина заключалась в том, что «Северный поток-2» — исключительно коммерческий проект. Как заявляла А. Меркель, «молекула российского газа остается молекулой российского газа независимо от того, проходит ли она через Украину или Балтийское море»⁴⁸.

За пределами Европейского союза двумя важнейшими противниками проекта были Украина и Соединенные Штаты Америки. Правительство А. Меркель пыталось заполучить поддержку этих стран в традиционном для себя стиле выработки компромиссов. После встречи с украинским президентом П. Порошенко в начале апреля 2018 г. канцлер признала, что проект «Северный поток-2» имеет политическое измерение [Басов, 2019: 62]. В ходе переговоров с российским лидером В.В. Путиным в мае 2018 г. в Сочи она озвучила ему требование сохранения транзита газа через украинскую ГТС и после запуска нового трубопровода. В ходе следующей встречи двух лидеров в августе 2018 г. в Мезеберге российский президент подтвердил готовность сохранить транзит газа через Украину. Вопрос о фактических его объемах, однако, оставался при этом открытым⁴⁹.

В 2019 г. в Берлине при посредничестве Еврокомиссии Россия и Украина подписали пятилетнее соглашение о поставках газа⁵⁰. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что, с одной стороны, Москва была готова идти на уступки, а с другой — что ФРГ ради

⁴⁸ The New York Times (США): российские газопроводы — переход «красных политических линий» // ИноСМИ. 08.10.2019. Доступ: <https://inosmi.ru/amp/20191008/245979329.html> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴⁹ Rodkiewicz W., Kwiatkowska A. Putin meets Merkel in Meseberg // OSW. 22.08.2018. Available at: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2018-08-22/putin-meets-merkel-meseberg-0> (accessed: 20.02.2022).

⁵⁰ Подписан пакет документов для продолжения транзита российского газа через территорию Украины после 2019 года // Gazprom. 30.12.2019. Доступ: <https://www.gazprom.ru/press/news/2019/december/article497139/> (дата обращения: 20.02.2022).

реализации проекта могла достаточно эффективно продвигать на международной арене компромиссные решения, в той или иной мере учитывавшие интересы всех заинтересованных сторон.

До конца 2024 г. по договору Россия обязана была ежегодно платить Украине за прокачку как минимум 40 млрд кубометров газа. Сохранение украинского транзита было в интересах самого экспортера: в случае пикового спроса могли потребоваться дополнительные мощности. Кроме того, этот маршрут наиболее удобен для поставок в страны Центральной Европы. Все политические силы ФРГ, кроме «Левых» и АдГ, поддерживали правительство в его стремлении учитывать интересы Киева.

США всегда были последовательными и активными противниками проекта, причем как республиканская администрация, так и демократическая, что не могло не влиять на политику ФРГ. Негативная реакция администрации Д. Трампа на «Северный поток-2» была воспринята немецким руководством прежде всего как проявление стремления обеспечить выгодные условия для экспорта американского СПГ в Европу.

Как пример угрозы американского санкционного давления на проект можно привести ситуацию вокруг немецкого порта Мукран, где хранились трубы для строительства газопровода. Сенаторы США пригрозили порту «экономическим разрушением». В свою очередь глава Комитета Бундестага по экономике и энергетике К. Эрнст («Левые») допустил повышение пошлин на американский СПГ в случае, если Вашингтон будет вводить санкции против участников реализации «Северного потока-2»⁵¹. В итоге в тот момент угрозы США не были реализованы. В то же время опасность введения американских санкций против проекта оставалась высокой. Военный бюджет США в течение трех последних лет включал средства на проведение санкционной политики против компаний, участвующих в прокладке газопровода⁵².

⁵¹ Побединская М. Новые санкции США и «Северный поток-2»: пролонгация конфликта Европы и США // РСМД. 10.08.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/blogs/newcoldwar/novye-sanktsii-ssha-i-severnuy-potok2-prolongatsiya-konflikta-evropy-i/> (дата обращения: 20.02.2022).

⁵² Мур Е. В оборонный бюджет США влился «Северный поток-2» // Коммерсантъ. 01.12.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5101014> (дата обращения: 20.02.2022).

По информации немецких СМИ, в 2018 г. в ходе встреч канцлера А. Меркель и министра экономики и энергетики П. Альтмайера с американским руководством было достигнуто соглашение о том, чтобы угрозы Д. Трампа о введении санкций США против немецких компаний, участвующих в проекте, не были реализованы⁵³. Не исключено, что одним из условий согласия американской администрации с проектом «Северный поток-2» тогда стало решение германского правительства о строительстве первого в стране терминала СПГ в городе Брюнсбюттеле. Он должен был создать условия для импорта ФРГ американского СПГ и потенциально улучшить положение американских компаний на европейском рынке. Кроме того, открытие терминала соответствует интересам Германии, так как будет способствовать диверсификации поставок газа и увеличению его количества на рынке.

В начале 2018 г. согласования по проекту «Северный поток-2» вошли в решающую фазу⁵⁴. В соответствии с положениями Третьего энергетического пакета ЕС, принятого в 2009 г., поставщики энергоресурсов не имеют права владеть сетями распределения и обязаны предоставить 50% емкости другим поставщикам⁵⁵. В феврале 2019 г. Берлину и Парижу удалось выработать компромиссное предложение, в соответствии с которым решение о распространении на газопровод поправок ЕС к Газовой директиве принимается не в Брюсселе, а на национальном уровне страной, где заканчивается его маршрут⁵⁶. Однако в мае 2019 г. Федеральное сетевое агентство Германии отказалось удовлетворить заявку Nord Stream 2 AG, мотивируя это тем, что газопровод еще не достроен, а все трубопроводы,

⁵³ USA wollen Nord Stream 2 von Sanktionen ausschließen // Spiegel. 29.06.2018. Available at: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/usa-wollen-nord-stream-2-von-sanktionen-ausschliessen-a-1215817.html> (accessed: 20.02.2022).

⁵⁴ Nord Stream 2 spaltet Europa — Jetzt wächst auch in Berlin der Widerstand // Handelsblatt. 16.12.2018. Available at: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/ostseepipeline-nord-stream-2-spaltet-europa-jetzt-waechst-auch-in-berlin-der-widerstand/23761566.html> (accessed: 20.02.2022).

⁵⁵ Third energy package // European Commission. Available at: https://energy.ec.europa.eu/topics/markets-and-consumers/market-legislation/third-energy-package_en (accessed: 20.02.2022).

⁵⁶ EU adopts French, German compromise on Nord Stream 2 // Deutsche Welle. Available at: <https://www.dw.com/en/eu-adopts-french-german-compromise-on-nord-stream-2-pipeline-to-russia/a-47429195> (accessed: 20.02.2022).

построенные после мая 2019 г., должны соответствовать требованиям Европейского союза⁵⁷.

Соответственно «Газпром» должен был предоставить 50% мощностей другим поставщикам, что в случае «Северного потока-2» было неактуально. Кроме того, согласно требованиям Газовой директивы компания — оператор трубопровода должна быть независима от поставщика. В решении Федерального сетевого агентства указывалось, что оно может быть оспорено в Европейском суде. Подобные шаги призваны были смягчить отношение к ФРГ со стороны противников проекта, а создание независимого газотранспортного оператора представлялось тогда вполне решаемой задачей. Немецкие суды разных инстанций оставили решение немецкого регулятора в силе, что в немалой степени было продиктовано именно внешнеполитическим давлением на правительство ФРГ со стороны ряда его ключевых стратегических партнеров, выступавших против «Северного потока-2».

* * *

Запуск нового газопровода соответствует долгосрочным экономическим и стратегическим интересам Германии. Однако из-за плохих отношений между Россией и Западом по целому ряду проблем, в первую очередь в связи с «украинским кризисом», судьба уже построенного «Северного потока-2» до последнего момента оставалась неясной. Это было обусловлено как напряженной полемикой, развернувшейся внутри ФРГ между ключевыми германскими партиями и группами интересов, так и внешнеполитическим давлением со стороны государств — противников проекта. Тем не менее до февраля 2022 г. федеральное правительство достаточно уверенно продвигало его реализацию, стараясь найти компромиссы и учесть интересы Украины и США. Поскольку фактор европейского единства является для Германии основополагающим, ФРГ в лице Федерального сетевого агентства оставила «Северный поток-2» в рамках требований норм Евросоюза. Это решение представляется взвешенным и продуманным, поскольку участники проекта вполне могли их выполнить, что снизило бы уровень разногласий внутри

⁵⁷ Регулятор Германии отказал «Северному потоку-2» в выводе из-под газовой директивы ЕС. Nord Stream 2 против // Neftegaz. 15.05.2020. Доступ: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/548951-regulyator-germanii-otkazal-severnomu-potoku-2-v-vyvode-iz-pod-gazovoy-direktiviy-es-nord-stream-2-pr/> (дата обращения: 20.02.2022).

ЕС. До 21 февраля 2022 г., когда Россия признала суверенитет ДНР и ЛНР, все основные политические партии допускали введение газопровода в эксплуатацию, в случае если конфликт Киева и Москвы не усугубится, а также если требования законодательства ЕС будут соблюдены. На следующий день после решения о признании республик, 22 февраля 2022 г., канцлер О. Шольц объявил о том, что дал указание Федеральному министерству экономики и защиты климата, а также Федеральному сетевому агентству остановить процесс сертификации газопровода. Все ведущие политические силы страны поддержали это решение⁵⁸.

Как показал опыт санкционного противостояния России и ЕС последних восьми лет, немецкий бизнес готов следовать санкционной линии. Нынешние меры значительно тяжелее для немецких компаний и экономики в целом, однако и новые политические реалии не позволяют думать об их смягчении или несоблюдении. Если до 22–24 февраля 2022 г. народные партии — СДПГ, ХДС и ХСС — были готовы реализовать проект при соблюдении законодательства ЕС, то теперь они, как и другие силы мейнстрима — либералы и «Зеленые», являются его противниками. АдГ и «Левые», ранее выступавшие за скорейший запуск газопровода, отвергли эту идею. Голоса отдельных представителей националистов и левых в поддержку проекта не являются общей политической линией этих партий. Представители нефтегазового лобби России отказались от своей позиции или же ушли из публичного поля. Более того, правительство ФРГ начало активно действовать в направлении отказа от российских энергоносителей. Таким образом, мы можем ожидать, что расширение возможностей для поставок углеводородов из России не потребует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басов Ф.А. Антироссийские санкции как тест для общей внешней политики Евросоюза // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 10. С. 55–63. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-55-63.

⁵⁸ Bundesregierung stoppt Zertifizierung von Nord Stream 2 // BR. 22.02.2022. Available at: <https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/bundesregierung-stoppt-zertifizierung-von-nord-stream-2,SyAgkIJ> (accessed: 20.02.2022).

2. Басов Ф.А. Вишеградская четверка и развитие европейской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 12. С. 68–76. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-87-95.

3. Басов Ф.А. Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвертого кабинета А. Меркель // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2019. № 1. С. 59–69. DOI: 10.20542/afj-2019-1-59-69.

4. Басов Ф.А. Политика Германии на российском направлении: перспективы // *Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах / Под ред. В.И. Васильева, А.М. Кокеева*. М.: ИМЭМО РАН, 2021. С. 92–106.

5. Белов В.Б. Реакция Германии на специальную военную операцию РФ на территории Украины // *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2022. № 8 (275). Доступ: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2022/an275.pdf> (дата обращения: 05.04.2022). DOI: 10.15211/analytics1820225662.

6. *Германия 2020 / Отв. ред. В.Б. Белов*. М.: Институт Европы РАН, 2021. DOI: 10.15211/report12021_379.

7. Иванова А.К. Европейские и глобальные вызовы для Германии сегодня // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2019. № 6 (12). С. 162–169. DOI: 10.15211/vestnikieran62019162168.

8. Котов А.В. Актуальные стратегии ведущих немецких компаний на российском рынке после начала спецоперации на Украине // *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2022. № 11 (278). Доступ: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2022/an278.pdf> (дата обращения: 05.04.2022). DOI: 10.15211/analytics11120227781.

9. Тимошенкова Е.П. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.). М.: Институт Европы РАН, 2020. DOI: 10.15211/report22020_369.

10. Юдина О.Н. Формирование единой внешней энергетической политики ЕС: ключевые события и результаты // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 5. С. 39–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-39-48.

11. Böttger K. *Deutschland, die Östliche Partnerschaft und Russland // Handbuch zur deutschen Europapolitik / K. Böttger, M. Jopp*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2016. P. 406–419.

12. Fischer A., Küper M., Schaefer T. *Gaslieferungen aus Russland können kurzfristig nicht kompensiert werden // Wirtschaftsdienst*. 2022. Vol. 102. P. 259–261. DOI: 10.1007/s10273-022-3162-z.

13. Lang K.-O. *Polen, Deutschland und die EU-Ostpolitik: Spannungsfelder und Kooperationspotentiale // Deutschland und Polen / T. Jäger, D.W. Dylla*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. P. 123–136. DOI: h10.1007/978-3-531-90947-9_6.

14. Milaqi B. Der Einfluss von Gazprom auf die deutsche und europäische Energie. Hamburg: Diplomatica Verlag GmbH, 2012.

15. Pflüger F. Eine neue Ära des Energieimperialismus // Internationale Politik. 2010. No. 3. P. 76–83.

16. Rahr A. Der kalte Freund. München: Hanser Verlag, 2011.

17. Rubner I., Große T., Oetken M. 'Power to Gas' — ein Baustein zur schulpraktischen Umsetzung der Energiewende // Chemkon. 2017. Vol. 24. Iss. 1. P. 7–12. DOI: 10.1002/ckon.201610281.

18. Schlögel K. Die Mitte liegt ostwärts: Europa im Übergang. München: Hanser, 2008.

19. Sziznin S.Z., Timokhov V.M. Economic and geopolitical aspects of the Nord Stream 2 gas pipeline // Baltic Region. 2019. Vol. 11. No. 3. P. 25–42. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3-2.

20. Umbach F. Deutsche Außenpolitik und Energiesicherheit // Deutsche Außenpolitik / T. Jäger, A. Höse, K. Oppermann. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. P. 370–393. DOI: 10.1007/978-3-531-93023-7_15.

21. Umbach F. Europas nächster Kalter Krieg // Internationale Politik. 2006. No. 2 (61). P. 6–14.

REFERENCES

1. Basov F.A. 2018. Antirossiiskie sanktsii kak test dlya obshchei vneshnei politiki Evrosoyuza [Anti-Russian sanctions as a test for the common foreign policy of the European Union]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 10, pp. 55–63. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-55-63. (In Russ.)

2. Basov F.A. 2020. Visegradskaya chetverka i razvitie evropeiskoi integratsii [Visegrad Four and development of European integration]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no. 12, pp. 68–76. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-87-95. (In Russ.)

3. Basov F.A. 2019. Kontseptual'nyi vakuum: rossiiskoe napravlenie vneshnei politiki chetvertogo kabineta A. Merkel' [Conceptual vacuum: Russian direction in the foreign policy of the A. Merkel's fourth cabinet]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, no. 1, pp. 68–76. DOI: 10.20542/afij-2019-1-59-69. (In Russ.)

4. Basov F.A. 2021. Politika Germanii na rossiiskom napravlenii: perspektivy [Prospects of Germany's policy towards Russia]. In: Vasil'ev V.I., Kokeev A.M. (eds.). *Germaniya v evrointegratsionnykh i transatlanticheskikh protsessakh* [Germany in European integration and Transatlantic processes]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 92–106. (In Russ.)

5. Belov V.B. 2022. Reaktsiya Germanii na spetsial'nyuyu voennuyu operatsiyu RF na territorii Ukrainy [Germany's reaction to the special military operation of the Russian Federation on the territory of Ukraine]. *Analiticheskie*

zapiski Instituta Evropy RAN, no. 8. Available at: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2022/an275.pdf> (accessed: 05.04.2022). DOI: 10.15211/analytics1820225662. (In Russ.)

6. Belov V.B. (ed.). 2021. *Germaniya 2020* [Germany 2020]. Moscow, Institut Evropy RAN Publ. DOI: 10.15211/report12021_379. (In Russ.)

7. Ivanova A.K. 2019. Evropeiskie i global'nye vyzovy dlya Germanii segodnya [European and global challenges for Germany today]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 6 (12), pp. 162–169. DOI: 10.15211/vestnikieran62019162168. (In Russ.)

8. Kotov A.V. 2022. Aktual'nye strategii vedushchikh nemetskikh kompanii na rossiiskom rynke posle nachala spetsoperatsii na Ukraine [Current strategies of leading German companies in the Russian market after the start of the special operation in Ukraine]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, no. 11 (278). Available at: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2022/an278.pdf> (accessed: 05.04.2022). DOI: 10.15211/analytics11120227781. (In Russ.)

9. Timoshenkova E.P. 2020. *Partiino-politicheskaya sistema Germanii v period kantslerstva A. Merkel' (2005–2017 gg.)* [The German party political system during Angela Merkel's chancellorship (2005–2017)]. Moscow, Institut Evropy RAN. DOI: 10.15211/report22020_369. (In Russ.)

10. Yudina O.N. 2021. Formirovanie edinoi vneshnei energeticheskoi politiki ES: klyucheveye sobytiya i rezul'taty [Forming the European Union common external energy policy: Key elements and results]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 5, pp. 39–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-39-48. (In Russ.)

11. Böttger K. 2016. Deutschland, die Östliche Partnerschaft und Russland. In: Böttger K., Jopp M. (eds.). *Handbuch zur deutschen Europapolitik*. Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, pp. 406–419.

12. Fischer A., Küper M., Schaefer T. 2022. Gaslieferungen aus Russland können kurzfristig nicht kompensiert werden. *Wirtschaftsdienst*, vol. 102, pp. 259–261. DOI: 10.1007/s10273-022-3162-z.

13. Lang K.-O. 2008. Polen, Deutschland und die EU-Ostpolitik: Spannungsfelder und Kooperationspotentiale. In: Jäger T., Dylla D.W. (eds.). *Deutschland und Polen*. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 123–136. DOI: 10.1007/978-3-531-90947-9_6.

14. Milaqi B. 2012. *Der Einfluss von Gazprom auf die deutsche und europäische Energie*. Hamburg, Diplomica Verlag GmbH.

15. Pflüger F. 2010. Eine neue Ära des Energieimperialismus. *Internationale Politik*, no. 3, pp. 76–83.

16. Rahr A. 2011. *Der kalte Freund*. München, Hanser Verlag.

17. Rubner I., Grofe T., Oetken M. 2017. 'Power to Gas' — ein Baustein zur schulpraktischen Umsetzung der Energiewende. *Chemkon*, vol. 24, iss. 1, pp. 7–12. DOI: 10.1002/ckon.201610281.

18. Schlögel K. 2008. *Die Mitte liegt ostwärts: Europa im Übergang*. München, Hanser.

19. Sziznin S.Z., Timokhov V.M. 2019. Economic and geopolitical aspects of the Nord Stream 2 gas pipeline. *Baltic Region*, vol. 11, no. 3, pp. 25–42. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3-2.

20. Umbach F. 2011. Deutsche Außenpolitik und Energiesicherheit. In: Jäger T., Höse A., Oppermann K. *Deutsche Außenpolitik*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 370–393. DOI: 10.1007/978-3-531-93023-7_15.

21. Umbach F. 2006. Europas nächster Kalter Krieg. *Internationale Politik*, no. 2 (61), pp. 6–14.

Статья поступила в редакцию 27.02.2022;
одобрена после рецензирования 09.07.2022;
принята к публикации 21.07.2022

The paper was submitted 27.02.2022;
approved after reviewing 09.07.2022;
accepted for publication 21.07.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-109-147

Научная статья / Research paper

Н.А. Бирюкова*

США И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД XXI ВЕКА: МЕРЫ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЗАВИСИМОСТИ ОТ КНР В СФЕРЕ КРИТИЧЕСКИХ МИНЕРАЛОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

С середины 2010-х годов международное сообщество в лице прежде всего наиболее развитых стран стало уделять повышенное внимание проблеме снижения углеродного следа в окружающей среде посредством более широкого внедрения возобновляемых источников энергии, электрификации транспорта и обеспечения экологически приемлемого промышленного производства. Соединенные Штаты Америки стремятся стать лидерами намечающегося энергетического перехода, для чего уже приняли комплекс мер, направленных на стимулирование инновационного технологического развития. Достижение этой амбициозной цели невозможно без обеспечения стабильного доступа к так называемым критическим минералам. Однако здесь США сталкиваются с растущей конкуренцией со стороны КНР. С начала 2000-х годов Китай смог сконцентрировать на своей территории глобальные производственные мощности, получить доступ к ключевым добывающим центрам за рубежом и стать практически монополистом на рынках критических минералов. Это в свою очередь ставит правительство Соединенных Штатов перед настоящей необходимостью выработки мер по преодолению зависимости от КНР в данной сфере. Автором обозначены факторы, которые актуализировали и политизировали проблематику критических минералов в международных отношениях в последние годы и в итоге привели к ее секьюритизации в американском официальном дискурсе при Д. Трампе, что выразилось, в частности, в появлении концепции «минеральной безопасности». Проведен

* *Бирюкова Надежда Андреевна* — преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nadzhda.a.biryukova@gmail.com).

сравнительный анализ подходов администраций Д. Трампа и Дж. Байдена к преодолению зависимости от КНР в сфере критических минералов и выявлены ключевые направления актуальной стратегии США в этой области. Показано, что если администрация Д. Трампа отдавала приоритет стимулированию внутренней добычи критических минералов, то команда Байдена-Харрис во многом под давлением местных сообществ и экологических групп решила сделать акцент на развитии обрабатывающего и производственного секторов. Как отмечает автор, США, не имея возможности в текущих условиях оспорить практически монопольное положение КНР как производителя и поставщика критических минералов рыночными методами, стремятся использовать в качестве инструмента конкуренции правозащитную риторику. Воплощением этого курса стала Инициатива по управлению энергетическими ресурсами, направленная на продвижение высоких экологических и социальных стандартов в мировом добывающем секторе. С ее помощью Соединенные Штаты рассчитывают при поддержке своих союзников потеснить КНР на сырьевых рынках. Тем не менее автор заключает, что в краткосрочной перспективе Вашингтону не удастся полностью устранить зависимость от импорта критических минералов из КНР. Что касается более амбициозных долгосрочных целей США, то и их достижение представляется сейчас проблематичным как в силу накопленного Китаем производственного потенциала, так и по причине недостаточных объемов финансирования программ развития возобновляемой энергетики.

Ключевые слова: США, Китай, энергетический переход, критические минералы, редкоземельные минералы, секьюритизация, безуглеродная энергетика, минеральная безопасность, Энергетический акт, Дж. Байден, Д. Трамп

Для цитирования: Бирюкова Н.А. США и энергетический переход XXI века: меры по преодолению зависимости от КНР в сфере критических минералов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 109–147. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-109-147.

Nadezhda A. Biryukova

**THE USA AND THE ENERGY TRANSITION
OF THE 21ST CENTURY:
MEASURES TO OVERCOME DEPENDENCE
ON THE CHINA IN CRITICAL MINERALS**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Since the middle of 2010s, international community (developed economies primarily) has been paying increasing attention to the reduction of carbon footprint in the environment by means of large-scale deployment of renewable energy, electrification of transport system and sustainable production of goods. Aspiring to become a global leader of energy transition, the United States of America has already taken a set of measures to stimulate technological growth. Such a challenging task cannot be accomplished without a guaranteed access to the so-called critical minerals. However, the US has encountered growing competition from China in this field. From the beginning of 2000s, China has amassed within its territory a dominant share of global production of critical minerals, acquired access to key foreign extraction centers and thus become virtually a monopolist in the markets. Hence the United States government urgently needs to devise measures to overcome the dependence from China in this regard. The author of the article dwells on the factors which have made the issue of critical minerals (as a recent development of international relations) relevant and politically charged. In its turn, it has led to the securitization of the subject in American official discourse during Trump administration which manifested itself in the ‘mineral security’ concept. The article contains comparative analysis of Trump and Biden administration approaches to navigating the country out of the dependence from China for critical minerals; it also identifies key focus areas of the current US mineral strategy. Respective analysis indicates that Trump administration prioritized bolstering domestic extraction capacity, whereas Biden-Harris administration underscores processing and production segments, mostly due to the pressure from local communities and environmental groups. The author stresses that the United States, being unable to contest China’s monopoly as producer and supplier of critical minerals with market instruments, tends to employ human rights discourse to compete with its rival. The ultimate expression of such an approach is Energy Resource Governance Initiative which has been designed to foster high ecological and social standards in global extraction sector. Relying on its partners, the United States intends to use the program to challenge China in commodity markets. The author concludes that despite the effort Washington won’t be able to rid itself of the dependence for Chinese imports in the near

future. As for the long-term goals, their achievement is complicated due to both China's production capacity and experience and insufficient government funding of renewable energy projects in the United States.

Keywords: USA, China, energy transition, critical minerals, rare earth minerals, securitization, carbon-free energy, mineral security, Energy Act, J. Biden, D. Trump

About the author: *Nadezhda A. Biryukova* — Lecturer at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nadezhda.a.biryukova@gmail.com).

For citation: Biryukova N.A. 2022. The USA and the energy transition of the 21st century: Measures to overcome dependence on China in critical minerals. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 109–147. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-109-147. (In Russ.)

Последние два десятилетия стали для Соединенных Штатов Америки своеобразной эпохой технологических революций в энергетической сфере. «Сланцевая революция» в добыче природного газа и нефти превратила страну в нетто-экспортера углеводородов, трансформировала архитектуру топливных рынков за счет перенаправления экспортных потоков, способствовала перераспределению баланса сил среди крупнейших поставщиков ископаемого топлива. Технологические новации изменили логику, которая доминировала среди высшего руководства США с середины 1970-х годов и была основана на ожидании неизбежного дефицита сырья. Прорыв в сфере добычи углеводородов из сланцевых пород дал основания заявить о лидерстве страны в обеспечении безопасности энергоснабжения в глобальном масштабе.

С середины 2010-х годов в результате обострения климатических проблем набирает популярность идея снижения углеродного следа стран посредством развития возобновляемых источников энергии, электрификации транспорта и обеспечения экологически приемлемого промышленного производства. Еще будучи кандидатом в президенты США, Дж. Байден упрекал Д. Трампа в попустительском отношении к вопросам изменения климата и научном невежестве, которое привело не только к усугублению инфраструктурных про-

блем топливно-энергетического комплекса (ТЭК), но и к утрате американского лидерства в области развития чистой энергетики.

Главным конкурентом США в этой сфере администрация Дж. Байдена считает Китай¹. КНР является одним из мировых лидеров по развитию технологий ветряной и солнечной энергетики, крупнейшим производителем электромобилей. В рамках 14-го Пятилетнего плана (2021–2025) Пекином поставлена цель перевести половину автомобильного транспорта на электричество и топливные батареи, вторая половина должна быть оснащена гибридными двигателями², а к 2035 г. Китай намерен стать глобальным технологическим лидером [Nakano, 2021: 6].

Соединенные Штаты, ускоряя переход к низкоуглеродной экономике посредством стимулирования инновационного технологического развития в стране, намерены восстановить свой авторитет в области решения климатических проблем³. Для достижения этой цели потребуются колоссальные объемы природных ресурсов — так называемых критических минералов, к которым относят редкоземельные элементы (РЗЭ), кобальт, литий и др. Они необходимы для производства материалов и комплектующих инфраструктуры возобновляемой энергетики и электрификации транспорта. Китай с начала 2000-х годов благодаря низкой стоимости труда, менее жесткому (по сравнению с развитыми экономиками) экологическому регулированию добычи природных ресурсов, а также государственному контролю над горнодобывающим и обрабатывающим секторами промышленности смог сконцентрировать на своей территории глобальные производственные мощности, получить доступ к ключевым добывающим центрам за рубежом и таким образом стать практически монополистом на рынках критических минералов [Mancheri, 2015: 270]. Контроль КНР над данными ресурсами и производством продуктов их переработки создал асимметричную зависимость между американской и китайской экономиками [Старчукова,

¹ The Biden plan to build modern, sustainable infrastructure and an equitable clean energy future // Biden-Harris. Available at: <https://joebiden.com/clean-energy/> (accessed: 04.02.2022).

² China's 14th Five-Year Plan: A first look // Congressional Research Service. 05.01.2021. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11684> (accessed: 04.02.2022).

³ 'She's tougher than you'. Meet a top contender to lead DOE // E&E News. 14.12.2020. Available at: <https://www.eenews.net/stories/1063720567/print> (accessed: 04.02.2022).

Черских, 2020], которая в условиях напряженных двусторонних политических и экономических отношений превратилась в острую проблему национальной и энергетической безопасности. Во время торговой войны 2019 г. показательным стал визит председателя КНР Си Цзиньпина на завод по производству редкоземельных металлов в Цзянси⁴, который выступает символом доминирования страны на рынке данного сырья в разгар тарифного конфликта. В целях снижения влияния Пекина на национальную безопасность США в вопросах материальной обеспеченности высокотехнологичных секторов ТЭК и промышленности страны⁵ правительство Соединенных Штатов поставило задачу преодолеть зависимость от производственных циклов, контролируемых КНР.

Проблема доминирования Китая на рынках РЗЭ хорошо изучена в российской и зарубежной науке, что обусловлено как их значением для оборонно-промышленного комплекса, так и актуализацией вопроса в результате применения Пекином протекционистских экспортных практик в конце 2000-х — первой половине 2010-х годов [Klare, 2012; Gholz, 2014; Ткаченко и др., 2015; Mancheri, 2015; Mancheri et al., 2019; Серёгина, 2021]. В 2021 г. ведущий научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований Дж. Накано подготовила обзор актуальных стратегий развитых экономик по обеспечению безопасности производственных циклов, в которых задействованы критические минералы [Nakano, 2021]. Она аргументированно спорит с мнением об отсутствии экономической необходимости междержавного соперничества за ресурсы и его маловероятности, которое разделяется рядом экспертов [Gholz, 2014; Overland, 2019]. Исследователь доказывает, что безопасность производственных цепочек, в которых используются критические минералы и материалы, необходимые для развития чистых энергетических технологий, важна не только с точки зрения влияния на темпы их внедрения в производство, но и в связи с тем, что в эпоху

⁴ Time for a responsible clean energy supply chain // Foreign Policy. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/01/14/responsible-clean-energy-supply-chain-minerals-renewables/#:~:text=The%20private%20sector%E2%80%94including%20buyers,responsible%20supply%20chains%20by%202030> (accessed: 04.02.2022).

⁵ US needs to lead the way in building a new energy supply chain // Financial Times. Available at: <https://www.ft.com/content/e1fd7f3b-5ee9-4fb1-a88e-5891acc0486c> (accessed: 04.02.2022).

нового энергетического перехода доступ к ресурсам становится вопросом геоэкономического соперничества [Nakano, 2021: 24]. Параметры конкуренции США и Китая за технологическое лидерство в энергетическом переходе XXI в. и в рамках борьбы с изменением климата анализирует ведущий научный сотрудник Центра исследований стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН В.А. Матвеев [Матвеев, 2021].

В контексте данной статьи важны выводы группы ученых из Геологической службы США, которые на основе оценки нетто-импортзависимости (*net import reliance*) и степени концентрации производства того или иного критического элемента (*market concentration*) определили 11 минералов — потенциальных объектов ресурсной конкуренции США и КНР [Gulley et al., 2018: 4114]. Из представленного учеными списка в сфере возобновляемой энергетики особенно значимы литий, марганец, а также металлы платиновой группы, производство которых сконцентрировано в Южной Америке и ЮАР. Именно там, по утверждению авторов, может обостриться соперничество двух держав в случае роста спроса на данное сырье. Использование индекса Херфиндаля-Хиршмана (показатель степени монополизации производства) позволило коллективу экспертов также выявить 9 минералов, уникальным поставщиком которых для США является Китай [Gulley et al., 2018: 4112]. Высокая степень концентрации в КНР производства переработанного кобальта (который страна закупает в Конго), галлия, индия, теллура и РЗЭ, востребованных в создании инфраструктуры безуглеродной энергетики, превращает торговлю этими элементами также в вопрос национальной безопасности. Африке как театру конфронтации США и КНР в рамках небиполярного порядка посвящена статья члена-корреспондента РАН Л.Л. Фитуни, который в том числе рассматривает континент с точки зрения его ресурсного значения для двух держав [Фитуни, 2019].

Опираясь на существующий корпус исследований, автор данной статьи предпринимает попытку охарактеризовать подход правительства США к решению проблемы зависимости от КНР в вопросах ресурсного и материального обеспечения перехода страны к использованию климатически приемлемой энергии. В первом разделе выделены факторы, которые актуализировали и политизи-

ровали проблематику критических минералов. Во втором разделе прослежена эволюция понятия «критичность», которая произошла при администрации Д. Трампа и привела к секьюритизации в американском официальном дискурсе вопросов доступности критического минерального сырья и наличия диверсифицированных производственных циклов для развития высокотехнологичных отраслей экономики страны. Наконец, третья часть статьи посвящена ключевым направлениям актуальной стратегии США по снижению зависимости от подконтрольных Китаю центров добычи и переработки критических ресурсов и оценке принимаемых администрацией Дж. Байдена мер.

Доступность критических минералов как проблема энергетической безопасности

Развитие безуглеродной энергетики зависит от наличия в достаточных объемах критических минералов, необходимых для производства комплектующих элементов систем генерации, передачи и накопления энергии. К таким минералам относятся 17 РЗЭ, литий, кобальт, кремний, теллур, индий и др. «Критичность» подобных элементов не является стабильной характеристикой: для анализа рисков, связанных с доступностью сырья, организации и страны разрабатывают собственные методологии ее оценивания. Чаще всего учитываются индикаторы, которые демонстрируют рыночную концентрацию, возможность замещения тех или иных критических минералов, волатильность цен, перерабатывающие мощности, зависимость стран от импорта [Gulley et al, 2018: 4111]. Согласно докладу Международного критического агентства (МЭА) 2021 г. в течение 20 лет мировой спрос на РЗЭ увеличится на 40%, на кобальт — на 60–70, на литий — на 90%⁶.

90% критических минералов, используемых в Соединенных Штатах, импортного происхождения⁷. США полностью зависимы от закупок 14 критических элементов (в том числе галлия, графита,

⁶ The role of critical minerals in clean energy transitions. Executive summary // IEA. 2021. Available at: <https://www.iea.org/reports/the-role-of-critical-minerals-in-clean-energy-transitions/executive-summary> (accessed: 15.01.2022).

⁷ Energy critical element: Securing materials for emerging technologies // American Physical Society. 01.01.2011. Available at: <https://www.aps.org/policy/reports/popa-reports/upload/elementsreport.pdf> (accessed: 10.01.2022).

индия, марганца, ниобия, иттрия) и на 50% и более — от импорта 31⁸. По данным доклада Геологической службы США 2021 г.⁹, в 2020 г. 100% РЗЭ, использованных в стране, было импортировано, при этом 80% — из Китая. В 2020 г. Пекин контролировал практически 60% производства редкоземельных металлов в мире. КНР также стала для Соединенных Штатов крупнейшим поставщиком галлия, природного графита, индия и иттрия.

По статистике 2018 г., Китай производил 70% графита, используемого для электродов, батарей и солнечных панелей. Вторым по значимости производителем (20%) является Япония, но и она на 90% зависима от китайского сырья¹⁰. Эксперты прогнозируют возможные ограничения поставок графита в скором будущем из-за роста потребления этого критического минерала в КНР в связи с расширением производства накопителей энергии и электромобилей.

Зависимость США от импорта кобальта в 2020 г. составила 76%, крупнейшими поставщиками этого минерала стали Норвегия, Канада, Япония, Финляндия. При этом КНР контролирует 52% глобального производства кобальта с помощью акционерного капитала и контрактов на поставку сырья¹¹.

Импорт лития в США обеспечивает 50% внутренних потребностей. Наибольшие объемы поставок этого металла приходится на Аргентину, Чили, Китай и Россию. При этом следует учитывать, что спрос на литий в ближайшие десятилетия будет расти, а крупнейшие добывающие центры расположены в так называемом Литиевом треугольнике (Аргентина, Чили, Боливия) — регионе, который уже давно стал объектом внимания китайских компаний¹².

⁸ Critical Minerals and Materials: U.S. Department of Energy's Strategy to Support Domestic Critical Mineral and Materials Supply Chains (FY2021–FY2031) // U.S. Department of Energy. Available at: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2021/01/f82/DOE%20Critical%20Minerals%20and%20Materials%20Strategy_0.pdf (accessed: 31.01.2022).

⁹ Mineral commodity summaries 2021 // US Geological Survey. P. 7. Available at: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2021/mcs2021.pdf> (accessed: 10.01.2022).

¹⁰ Mining the future. How China is set to dominate the next industrial revolution. Foreign policy analytics special report. May 2019 // Document Repository of the U.S. House of Representatives. P. 8. Available at: <https://docs.house.gov/meetings/II/II06/20190509/109423/HMTG-116-II06-20190509-SD002.pdf> (accessed: 28.01.2022).

¹¹ Ibid. P. 6.

¹² Berg R. South America's lithium triangle: Opportunities for the Biden administration // Center for Strategic and International studies. 17.08.2021. Available

Политизация торговли критическими минералами началась во время конфликта, связанного с РЗЭ, в сентябре 2010 г. Тогда КНР предположительно¹³ ограничила экспорт сырья в Японию в ответ на задержание капитана рыболовецкого траулера в спорных водах Восточно-Китайского моря.

Среди исследований, посвященных оценке критической зависимости стран-импортеров от восточного монополиста, в том числе в контексте этого инцидента, особенно выделяется доклад Е. Гольца, опубликованный в Совете по международным отношениям США. Вопреки распространенному мнению ученый доказывает, что рыночная сила КНР как монопольного поставщика преувеличена. Во-первых, вследствие упомянутого кризиса возрос объем неких китайских инвестиций в проекты по производству РЗЭ за пределами КНР, что стало возможным во многом благодаря спекулятивному повышению цен в результате китайского эмбарго. Во-вторых, ряд потребителей начали изыскивать способы заменить критические минералы в соответствующих производствах даже с частичной потерей эффективности или находили альтернативных поставщиков, в том числе занимающихся перепродажей китайских РЗЭ. В-третьих, Япония по итогам кризиса не изменила политический курс в отношении оспариваемых территорий. Всё это в результате привело скорее к ограничению возможностей КНР оказывать экономическое и политическое давление на контрагентов [Gholz, 2014: 3–6].

Тем не менее следует помнить, что еще до активного развития возобновляемой энергетики и электрифицированного транспорта, в начале 2010-х годов, РЗЭ были критически важным сырьем для оборонно-промышленного комплекса США. Сфера их применения охватывает производство высокоточных управляемых вооружений, систем связи, радаров, авиационного электронного оборудования, спутников и др. [Klare, 2012: 156]. Иными словами, безопасность поставок как топливного, так и нетопливного минерального сырья традиционно является проблемой политического характера, будучи тесно связанной с обеспечением национальной

at: <https://www.csis.org/analysis/south-americas-lithium-triangle-opportunities-biden-administration> (accessed 18.01.2022).

¹³ Trade dispute with China and rare earth elements // Congressional Research Service. 28.06.2019. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11259.pdf> (accessed: 15.01.2022).

безопасности [Cherp, Jewell, 2011: 202–204], поэтому независимо от нанесенного экономического ущерба и предполагаемой политической мотивации правительства КНР краткосрочное эмбарго было воспринято в политических кругах США как готовность китайского руководства применить экономическое давление для решения политических задач. Конфликт также стал своеобразной точкой бифуркации в оценке угрозы монопольного положения КНР на рынках РЗЭ для национальной безопасности США. С 2010 г. доступность критических минералов в целом и РЗЭ в частности является объектом внимания органов законодательной и исполнительной власти страны, задачей которых стала разработка мер по снижению уязвимости американской экономики от доминирования на рынке неблагонадежного поставщика. Так, в конце 2010 г. Министерство энергетики США представило первую стратегию эксплуатации критических минералов, в которой акцентирована необходимость диверсификации глобальных производственных цепочек [Nakano, 2021: 11].

Таким образом, ценность импорта РЗЭ для США была неоспорима и до китайско-японского кризиса 2010 г. Однако в начале второго десятилетия XXI в. три фактора обострили этот вопрос. Во-первых, в связи с усугублением проблемы изменения климата идея развития чистых энергетических технологий приобретает всё большую популярность и в развитых, и в развивающихся странах мира. Во-вторых, вследствие ужесточения экологического регулирования в добывающей отрасли США и низких операционных издержек в аналогичной отрасли КНР [Mancheri et al., 2019: 103; Bertinelli et al., 2022: 3] Китаю удалось сконцентрировать на своей территории подавляющий объем глобального производства ряда критических минералов (например, РЗЭ, неочищенного галлия, иттрия) [Gulley et al., 2018: 4112]. В-третьих, увеличился спрос на критические минералы в самой КНР. В 2011 г. Пекин принял стратегию высокотехнологичного экономического роста, основой которого были провозглашены создание производственных цепочек с высокой добавленной стоимостью и развитие инновационных технологий, в том числе в сфере чистой энергетики [Murray et al., 2011: 5].

Рост потребления РЗЭ в Китае обусловлен расширением производства электроники, ветрогенераторов и солнечных панелей. Материалы и товары, созданные на основе РЗЭ, стали существенной

составляющей индустриализации КНР [Mancheri, 2015: 265]. В целях обеспечения данного процесса необходимыми ресурсами Пекин начал применять экспортные квоты и вводить экспортные пошлины. Кризис 2010 г. активизировал коллективное противодействие подобным торговым практикам Китая на площадке Всемирной торговой организации. В 2012 г. Соединенные Штаты, Европейский союз и Япония подали жалобу на экспортные ограничения, введенные КНР и противоречащие правилам ВТО. В 2014 г. иск был удовлетворен на основании того, что, проводя ограничительную торговую политику под предлогом сохранения природных ресурсов и защиты окружающей среды, Китай продолжал разработку соответствующих месторождений для удовлетворения внутреннего спроса [Mancheri, 2015: 267].

Тем не менее, минимизировав риски нехватки предложения на рынках РЗЭ, развитые экономики усугубили проблему их монополизации. Снижение цен, вызванное ликвидацией Китаем системы экспортных квот, привело к росту издержек ряда добывающих компаний [Machacek, Fold, 2014: 61] и еще большей концентрации всего производства в Поднебесной ввиду дешевизны процесса обработки сырья [Mancheri, 2015: 268, 270]. Следовательно, проблема обеспеченности критическими минералами в рамках развития безуглеродного энергетического комплекса и транспортного сектора заключается не только в доступности сырья на рынке, но и в концентрации обрабатывающих и производственных мощностей в Китае. Более того, вопреки мнению о способности рынка к саморегуляции национальные производственные циклы, где задействованы критические минералы, требуют государственного вмешательства именно в силу того, что горнодобывающая и обрабатывающая промышленность КНР контролируется правительством страны [Machacek, Fold, 2014: 62], а значит, и динамика мировых сырьевых рынков частично зависима от поведения китайских компаний и инвесторов. Таким образом, для государств-импортеров, в том числе Соединенных Штатов Америки, в целях снижения зависимости ТЭК от КНР приоритетной становится задача диверсификации *всего* производственного цикла, включая разработку и обработку сырья, а также создание конечной продукции, необходимой для производства высокотехнологичных товаров.

Секьюритизация проблемы критического минерального сырья в официальном дискурсе США

Практически абсолютная зависимость безуглеродного сегмента ТЭК США от импорта сырья стала в последние годы предметом озабоченности высшего руководства страны. В 2017 г. президент Д. Трамп поручил министру внутренних дел уточнить список критических минералов и на основании полученных данных поставил перед правительством задачу снизить уязвимость экономики перед угрозой нестабильности поставок¹⁴. Вследствие исполнительного указа 13817 в 2018 г. были определены 35 критических элементов. К ним были отнесены: 1) элементы, жизненно важные для экономической и национальной безопасности США; 2) элементы, производственные цепочки которых могут быть нарушены; 3) элементы, необходимые для производства товара, отсутствие которого может вызвать серьезные последствия для экономики США или национальной безопасности¹⁵.

В исполнительном указе 13953 от 30 сентября 2020 г. основной причиной для беспокойства была названа растущая зависимость США именно от Китайской Народной Республики, которая поставляет критические элементы в Соединенные Штаты не только напрямую, но и косвенно через механизмы перепродажи¹⁶. Агрессивная экономическая политика КНР по вытеснению конкурентов с глобальных рынков критических минералов посредством ограничительных практик признана чрезвычайной угрозой (*extraordinary threat*) для экономической и национальной безопасности США. В документе президент Д. Трамп объявил в стране чрезвычайное положение для устранения обозначенной угрозы посредством сти-

¹⁴ A Federal Strategy to Ensure Secure and Reliable Supplies of Critical Minerals (Executive Order 13817) // Federal Register. The Daily Journal of the United States Government. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/12/26/2017-27899/a-federal-strategy-to-ensure-secure-and-reliable-supplies-of-critical-minerals> (accessed: 10.01.2022).

¹⁵ Executive Order on Addressing the Threat to the Domestic Supply Chain from Reliance on Critical Minerals from Foreign Adversaries // Trump White House. 30.09.2020. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-addressing-threat-domestic-supply-chain-reliance-critical-minerals-foreign-adversaries/> (accessed: 10.01.2022).

¹⁶ Ibidem.

мулирования добывающей отрасли страны и создания производственных цепочек, независимых от иностранных недоброжелателей (*foreign adversaries*). Энергетический акт 2020 г. (далее — Энергетический акт), инкорпорированный в Закон об ассигнованиях 2021 г. благодаря межпартийной поддержке инициатив по развитию всех отраслей ТЭК¹⁷, содержит в том числе статьи, нацеленные на повышение объемов производства критических элементов и материалов на территории США¹⁸.

В 2021 г. в соответствии с секцией 7002 данного закона («Безопасность минерального сырья» / «Mineral Security») Геологическая служба США совместно с Министерством внутренних дел уточнила список минеральных сырьевых ресурсов, стратегическое значение которых продиктовано наличием рисков стабильности поставок, связанных с враждебными действиями других государств, пандемиями и природными катастрофами. Число таких минералов было увеличено с 35 до 50 в связи с выделением РЗЭ и металлов платиновой группы в качестве независимых элементов¹⁹. Среди критических ресурсов также фигурируют литий и кобальт, хотя еще 10 лет назад Министерство энергетики США, оценивая критичность нетопливного сырья с точки зрения актуальных рисков, связанных с предложением на рынке, и его значения для ТЭК страны, относило литий к категории «почти критических», а кобальт — к «некритическим»²⁰. Это связано в том числе с повышением спроса на минералы, которые используются при создании энергоемких аккумуляторов, необходимых для оснащения электрических и гибридных автомобилей, а также накопителей энергии для развития возобновляемой энергетики.

¹⁷ ICYMI: What they're saying about the Energy Act of 2020 // Senate Committee on Energy and Natural Resources. Available at: <https://www.energy.senate.gov/2020/12/icymi-what-they-re-saying-about-the-energy-act-of-2020> (accessed: 10.01.2022).

¹⁸ Consolidated Appropriations Act, 2021. Sec. 7001-7003 // Govinfo.gov. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ260/html/PLAW-116publ260.htm> (21.01.2022).

¹⁹ 2021 draft list of critical minerals // Federal Register. The Daily Journal of the United States Government. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/11/09/2021-24488/2021-draft-list-of-critical-minerals> (accessed: 21.01.2022).

²⁰ 2011 Critical Materials Strategy // Department of Energy. Available at: https://www.energy.gov/sites/prod/files/DOE_CMS2011_FINAL_Full.pdf (accessed: 10.01.2022).

Основой для составления скорректированного списка стало уточнение определения критических минералов в Энергетическом акте. Так, по-прежнему к ним относят минералы, жизненно важные для экономической и национальной безопасности США, но конкретизирован список рисков, которые могут угрожать стабильности импорта. Они включают как экономические (нарушение непрерывности производственных цепочек, резкий рост спроса), так и политические риски — ограничения, являющиеся следствием внешней политики государств, вооруженные конфликты, беспорядки насильственного характера. Показательно включение риска, имеющего политико-экономическое происхождение, — недобросовестной конкуренции и протекционистских практик, в применении которых не раз был уличен Китай.

Убедительным доказательством восприятия Вашингтоном политики КНР как угрозы энергетической безопасности²¹ стало вынесение в отдельную статью Энергетического акта (секция 7003) необходимости мониторинга китайских инвестиций в проекты по разработке минералов в рамках инициативы «Пояс и путь». В этих целях глава Национальной разведывательной службы США ежегодно должен представлять к обсуждению в таких профильных комитетах Конгресса, как, например, Комитет по энергии и природным ресурсам, Комитет по международным отношениям, доклад с исчерпывающей оценкой последних инвестиций КНР в развитие добычи и производства минерального сырья. Документ должен содержать выводы о влиянии инвестиционной активности Пекина в рамках инициативы «Пояс и путь» на расширение его контроля над критическими для США минеральными ресурсами, анализ актуальной стратегии китайского руководства в отношении такой деятельности, а также оценку влияния действий КНР с точки зрения достижения целей Инициативы Государственного департамента США по управлению энергетическими ресурсами²² (подробнее об Инициативе — в третьем разделе статьи).

Подход к оценке значения критических минералов и зависимости американской экономики от их импорта, зафиксированный в

²¹ Consolidated Appropriations Act 2021. Sec. 7002(c)(4)(A)(iii) // Govinfo.gov. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ260/html/PLAW-116publ260.htm> (21.01.2022).

²² Ibidem. Sec. 7003(a),(f).

Энергетическом акте, позволяет оспорить тезис о маловероятности стратегического соперничества за данный вид товаров. Как правило, в защиту этого утверждения приводят аргументы о появлении технологических новаций, позволяющих снизить спрос на ряд критических минералов при производстве комплектующих для объектов инфраструктуры чистой энергетики, о постепенном снижении стоимости переработки таких материалов [Overland, 2019: 37], о возникновении центров добычи за пределами КНР [Gholz, 2014: 7]. Некоторые исследователи предлагают не выходить за рамки экономической логики в понимании значимости критических минералов и относиться к ним как к еще одному виду минерального сырья, ценность которого определяется законами рыночной торговли и развитием технологий [Lovins, 2017].

Однако положения Энергетического акта недвусмысленно свидетельствуют о том, что в настоящее время представители политического истеблишмента Соединенных Штатов воспринимают проблему доступности критических минералов именно в политических терминах: не как следствие действия рыночных сил, но как результат целенаправленной политики государства-соперника по расширению экономического и политического влияния посредством крупных геополитических проектов. Именно такая логика оправдывает пристальное внимание к деятельности КНР по увеличению рыночной концентрации производства того или иного материала в самом Китае, приобретению страной производственных активов за рубежом, изменению ее экспортной политики или обеспечению существенного контроля над сбытовой цепочкой критических минералов.

В среднесрочной перспективе проблема рыночной доступности, таким образом, превращается для Соединенных Штатов в проблему контроля над ресурсами и их производственными циклами. Справедливо говорить именно о среднесрочной перспективе потому, что с течением времени тема доступа к критическим минералам и контроля над ними действительно, вероятно, потеряет свою остроту в силу инновационного развития технологий чистой энергетики, о котором писали И. Оверленд и Е. Гольц. Похожий сценарий мировое сообщество уже наблюдало после «сланцевой революции» в США, которая позволила нарастить добычу природного газа и нефти и значительно сократить импорт углеводородов в страну,

а также снизить напряженность на международных топливных рынках, связанную с ростом спроса на энергоресурсы.

Тем не менее потребовалось не одно десятилетие для осуществления технологического прорыва в добывающей отрасли, чтобы логика дефицита перестала быть доминирующей при принятии политических решений в США, касающихся обеспечения стабильного энергоснабжения. Таким образом, исходя из текущего уровня технологического развития и наличия в мировой торговле критическими минералами государства-монополиста, находящегося в состоянии острого политического и экономического соперничества с Соединенными Штатами, руководство страны будет рассматривать проблему доступности данного сырья в политических терминах и принимать меры во избежание усиления такой монополии, угрожающей национальной безопасности США и оспаривающей их претензии на лидерство в развитии углеродно нейтральной энергетики.

Меры по преодолению зависимости от Китая

Действующая на текущий момент Стратегия по поддержке национального производства критических минералов и материалов (далее — Стратегия) разработана в 2021 г. Министерством энергетики США в целях выполнения задач, сформулированных в исполнительном указе президента Д. Трампа 13953, и рассчитана на десятилетний срок²³. В ней конкретизированы императивы, обозначенные в рамочной Федеральной стратегии по обеспечению безопасных и надежных поставок критических минералов (2019)²⁴, и отражается преемственность принципов²⁵ предыдущих документов стратегического планирования в данной сфере. Ключевые

²³ Executive Order on Addressing the Threat to the Domestic Supply Chain from Reliance on Critical Minerals from Foreign Adversaries // Trump White House. 30.09.2020. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-addressing-threat-domestic-supply-chain-reliance-critical-minerals-foreign-adversaries/> (accessed: 10.01.2022).

²⁴ A Federal Strategy to Ensure Secure and Reliable Supplies of Critical Minerals // U.S. Department of Commerce. Available at: https://www.commerce.gov/sites/default/files/2020-01/Critical_Minerals_Strategy_Final.pdf (accessed: 02.02.2022).

²⁵ Critical Mineral and Materials. U.S. Department of Energy's Strategy to Support Domestic Critical Mineral and Material Supply Chains (FY2021–FY2031) // Energy.gov. Available at: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2021/01/f82/DOE%20Critical%20Minerals%20and%20Materials%20Strategy_0.pdf (accessed: 31.01.2022).

принципы включают диверсификацию источников поставок критических минералов за счет развития их производства в США, поиск альтернатив конкретным элементам, а также развитие технологий повторного использования и переработки минерального сырья.

Анализ задач, сформулированных в Стратегии, и мер по их решению позволяет заключить, что для ликвидации проблемы зависимости от производственных циклов, подконтрольных Китаю, ведомственные структуры США намерены прежде всего капитализировать инновационный и технологический потенциал страны. Например, Министерство энергетики финансирует фундаментальные исследования²⁶ в таких областях, как производство РЗЭ из нетрадиционных источников (например, из угля или побочных продуктов угольной разработки), создание новых магнитных сплавов для снижения потребностей в РЗЭ, продвинутое изучение процесса катализа для уменьшения потребления металлов платиновой группы. Примечательно, что значительный рост объемов финансирования научных исследований и инноваций в сфере безуглеродной энергетики произошел именно при администрации Д. Трампа [Судакова, 2020]. Большое внимание Министерство энергетики США уделяет созданию инновационной экосистемы для повышения устойчивости американского ТЭК к рискам, связанным с нарушением производственных циклов.

Под эгидой Офиса по энергоэффективности и возобновляемым источникам энергии инициировано проведение НИОКР, которые охватывают все этапы производственного цикла — от оценки резервов критических минералов до производства материалов с высокой добавленной стоимостью (включая сепарацию сырья и создание металлов и сплавов), а также разработку технологий более эффективного использования. Один из таких исследовательских центров, Институт критических материалов²⁷, с 2013 г. осуществляет поиск инновационных решений по устранению рисков, сопряженных с ограниченным предложением этих элементов на рынке. С 2019 г. исследования Института посвящены редкоземельным металлам,

²⁶ Ibidem.

²⁷ About the Critical Materials Institute // Ames Laboratory. U.S. Department of Energy. Available at: <https://www.ameslab.gov/cmi/about-critical-materials-institute> (accessed: 10.01.2022).

элементам, используемым для производства батарей (литий, кобальт, марганец, графит), а также индию и галлию.

В апреле 2021 г. Министерство энергетики направило 19 млн долл.²⁸ на финансирование исследовательских проектов, проводимых на базе вузов страны (в частности, Университета Пенсильвании, Университета Техаса в г. Остине, Университета Вайоминга, Университета Юты) и нацеленных на изучение проблем добычи РЗЭ и критически важных минералов для производства батарей, постоянных магнитов и других комплектующих инфраструктуры зеленой экономики. Научные центры этих вузов работают в том числе над проектами по извлечению критических минералов из угля, угольного осадка, золы, отходов угольной промышленности. Кроме того, финансирование проектов добычи критических минералов призвано стимулировать постепенный переход штатов — традиционных производителей ископаемой энергии (Западная Вирджиния, Пенсильвания, Северная Дакота, Нью-Мехико) к безуглеродной экономике.

Тем не менее данные проекты находятся лишь на начальной стадии реализации. В докладе М. Хампфриз, подготовленном для Исследовательской службы Конгресса в 2019 г. и посвященном критическим минералам и государственной политике в соответствующих отраслях, дана критическая оценка возможностей США. В частности, эксперт отметила крайне незначительный потенциал мощностей страны по извлечению минералов из отходов материалов в результате производства и обработки металлов, а также переработки списанной продукции²⁹. Более того, с 1996 по 2017 г. эти мощности практически не развивались. Так, в настоящий момент только 9 критических минералов можно получать с помощью вторичных методов добычи, например кобальт, галлий, индий, металлы платиновой группы. Для производства иных РЗЭ, таких как марганец, мощности практически отсутствуют. Стимулируя НИОКР

²⁸ DOE awards \$19 million for initiatives to produce rare earth elements and critical minerals // Department of Energy. 29.04.2021. Available at: <https://www.energy.gov/articles/doe-awards-19-million-initiatives-produce-rare-earth-elements-and-critical-minerals> (accessed: 10.01.2022).

²⁹ Humphries M. Critical minerals and U.S. public policy // Congressional Research Service. 28.06.2019. P. 18. Available at: https://www.everycrsreport.com/files/20190628_R45810_b3112ce909b130b5d525d2265a62ce8236464664.pdf (accessed: 03.04.2022).

в данной сфере, Соединенные Штаты следуют примеру других развитых экономик, в частности стран ЕС, Японии, Республики Корея, которые уже осознали, что в конкуренции за первичные источники сырья им будет сложно обойти Китай, однако, пусть даже потребуются немало времени, эти усилия принесут желаемые дивиденды.

Доля США в глобальном финансировании проектов разработки и добычи минерального сырья составляет 7–8%, а бюджетирование соответствующих отраслей превышает выделение средств для аналогичных секторов в Китае и России. Тем не менее, несмотря на рост интереса американских добывающих компаний к РЗЭ, графиту и другим элементам, в последние 15 лет приоритет в добыче отдавался золоту (47%) и меди (12%). Только 7% мест активной добычи в США приходится на литий.

В настоящее время разработка месторождений РЗЭ затруднена и не позволяет выйти на приемлемый уровень обеспеченности ресурсами. Единственный проект по добыче РЗЭ — Mountain Pass в Калифорнии — находился в замороженном состоянии с 1998 по 2012 и с 2015 по 2017 г., после чего был куплен американской компанией MP Materials [Nakano, 2021: 10]. Однако обработка сырья возможна только благодаря участию в проекте китайской государственной компании Shenghe Resources, которая владеет 8% акций.

Большие надежды по развитию производственного цикла от сырья до создания постоянных магнитов на основе РЗЭ связаны с проектом Round Top в Западном Техасе, за реализацию которого ответственна USA Rare Earths (USARE)³⁰. Кроме РЗЭ в данной локации были также обнаружены залежи лития и галлия. Компания заявила о себе как о ведущем поставщике критических минералов для осуществления технологической революции в зеленой энергетике, которая призвана создать интегрированный производственный цикл, независимый от Китая³¹. Планируется, что производство будет запущено в 2023 г.³²

³⁰ The U.S. needs China for rare earth minerals? Not for long, thanks to this mountain // Forbes. 07.04.2020. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jimvinoski/2020/04/07/the-us-needs-china-for-rare-earth-minerals-not-for-long-thanks-to-this-mountain/?sh=87ea2ca28b9f> (accessed: 02.02.2022).

³¹ USA Rare Earths. Available at: <https://www.usare.com/> (accessed: 02.02.2022).

³² Texas could play central role in shift away from China's rare earth dominance // The Texan. 27.12.2021. Available at: <https://thetexan.news/texas-could-play-central-role-in-shift-away-from-chinas-rare-earth-dominance/> (accessed: 06.02.2022).

Проекты, нацеленные на расширение производства критических материалов в США, пользуются поддержкой как демократов, так и республиканцев, которые на законодательном уровне предлагают стимулировать американские компании с помощью налоговых льгот³³. Государственные ведомства оказывают организационную поддержку также и иностранным компаниям, заинтересованным в реализации производственных проектов на территории Соединенных Штатов. Страна обладает 7,9 млн тонн запасов лития, однако только 750 тыс. являются технически и коммерчески извлекаемыми. Развитие собственного ресурсного потенциала — одна из приоритетных задач правительства США, но ее решение сопряжено с преодолением ряда экологических препятствий.

Так, в 2020 г. Бюро земельного управления выдало австралийской компании Ioneer разрешение на создание в Неваде необходимой инфраструктуры для производства лития с 2024 г. [Graham et al., 2021: 8]. Тем не менее в настоящее время компания вовлечена в урегулирование спора с Центром биологического разнообразия о сохранении уникального вида гречиши, который находится под угрозой в связи с расширением производственных мощностей. С аналогичными трудностями столкнулась канадская компания Lithium Americas: оппозицию проекту после получения соответствующего разрешения от Бюро земельного управления составили владельцы ранчо, экологи и индейское племя. Ключевыми аргументами против разработки ресурсов лития³⁴ стали опасения нехватки грунтовых вод для удовлетворения нужд всех заинтересованных сторон, а также халатности в утилизации производственных отходов.

Согласно отчету Белого дома, подготовленному администрацией Дж. Байдена в июне 2021 г., создание новых центров добычи критических минералов возможно только при отсутствии рисков

³³ U.S. House bill would give tax credit for rare earth magnets // Reuters. 10.08.2021. Available at: <https://www.reuters.com/business/us-house-bill-would-give-tax-credit-rare-earth-magnets-2021-08-10/> (accessed: 02.02.2022).

³⁴ 'We're just somebody little?' Amid plans to mine lithium, indigenous, rural communities find themselves at the center of the energy transition // Thenevadaindependent.com. 20.06.2021. Available at: <https://thenevadaindependent.com/article/were-just-somebody-little-rural-indigenous-communities-on-the-frontlines-of-energy-transition-amid-plans-to-mine-major-lithium-deposit> (accessed: 25.01.2022).

для устойчивого развития³⁵. Тактика балансирования между необходимостью усиления национальных горнодобывающих мощностей и учета позиции важных для демократической администрации экологических групп привела к смещению приоритета в развитии инфраструктуры критических минералов в пользу обрабатывающего и производственного секторов³⁶, на которые возложена задача форсированного увеличения объема выпуска комплектующих, в том числе для оснащения электромобилей. Такой подход отличается от принятого администрацией Д. Трампа, который был нацелен на оживление горнодобывающей промышленности Соединенных Штатов в соответствии с интересами республиканского электората. Более узкопрофильные усилия команды Байдена-Харрис направлены на достижение цели по оснащению к 2030 г. половины всех новых автомобилей США электрическими двигателями³⁷, а также на повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности в целях «американизации» глобального энергетического перехода посредством экспорта американских безуглеродных товаров и технологий.

Детализация такого видения представлена в 100-дневном отчете Белого дома о состоянии производственных циклов и возрождении американской промышленности. В частности, в этом документе отмечено, что наиболее дефицитным сегментом в эксплуатации критических минералов является именно обрабатывающий, так как даже добываемые минералы часто экспортируются для последующей обработки. Кроме того, конкурентоспособность производственных циклов Китая связывают со значительным государственным финансированием именно этого сектора, а также мощностей по созданию материалов и батарейных элементов для аккумуляторов.

³⁵ Fact sheet: Biden-Harris administration announces Supply Chain Disruptions Task Force to address short-term supply chain discontinuities // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/08/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-supply-chain-disruptions-task-force-to-address-short-term-supply-chain-discontinuities/> (accessed: 03.02.2022).

³⁶ Exclusive-Biden looks abroad for electric vehicle metals, in blow to U.S. miners // Nasdaq. 25.05.2021. Available at: <https://www.nasdaq.com/articles/exclusive-biden-looks-abroad-for-electric-vehicle-metals-in-blow-to-u.s.-miners-2021-05-25> (accessed: 03.02.2022).

³⁷ Biden seeks to make half of new U.S. auto fleet electric by 2030 // Reuters. 05.08.2021. Available at: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/biden-set-target-50-eps-by-2030-industry-backs-goal-2021-08-05/> (accessed: 03.02.2022).

По состоянию на 2021 г. доля КНР в производственном сегменте в глобальном масштабе составила 75%, в то время как доля США — меньше 10%³⁸. Именно это отставание и намерена преодолеть администрация Дж. Байдена.

Повысить конкурентоспособность американской экономики призван, в частности, межпартийный Закон о поддержке инфраструктуры США (Bipartisan Infrastructure Law / Infrastructure Investment and Jobs Act), подписанный президентом Дж. Байденом 15 ноября 2021 г. Объем финансирования программ развития возобновляемой энергетики составляет 62 млрд долл.³⁹ Из них 7 млрд направлено на создание инфраструктуры для производства батарей и аккумуляторов⁴⁰, 5 млрд — на строительство сети зарядных станций для электромобилей в течение следующих 5 лет⁴¹. Внушительные суммы, тем не менее, оказываются весьма скромными в сравнении, например, с крупным комплексом стимулирующих экономику мер, разработанных в КНР еще во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Из общей суммы в 586 млрд долл. 221 млрд был направлен на развитие возобновляемой энергетики. Разница в объемах финансирования лишь нагляднее подчеркивает отставание США от Китая в планировании осуществления глобального технологического лидерства в сфере чистой энергетики. Возникает впечатление, что, не испытывая иллюзий относительно текущего баланса производственных сил КНР и США, Вашингтон, тем не менее, исходит из понимания накопленного Китаем производственного потенциала как статичной величины, которая будет оставаться неизменной при совершении американским конкурентом технологического скачка.

³⁸ Building resilient supply chains, revitalizing American manufacturing, and fostering broad-based growth. 100-Day Reviews under Executive Order 14017. P. 87 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 03.04.2022).

³⁹ DOE fact sheet: The Bipartisan Infrastructure Deal will deliver for American workers, families and usher in the clean energy future // Energy.gov. Available at: <https://www.energy.gov/articles/doe-fact-sheet-bipartisan-infrastructure-deal-will-deliver-american-workers-families-and-0> (accessed: 31.01.2022).

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ President Biden, USDOT and USDOE announce \$5 Billion over five years for National EV Charging Network, made possible by Bipartisan Infrastructure Law // U.S. Department of Transportation Federal Highway Administration. Available at: <https://highways.dot.gov/newsroom/president-biden-usdot-and-usdoe-announce-5-billion-over-five-years-national-ev-charging> (accessed: 03.04.2022).

По убеждению Белого дома, отрыв Китая в сфере создания накопителей энергии стал возможен благодаря значительному внутреннему спросу на электромобили (40% мирового), в то время как в США он не превышает 12%. Соответственно правительство должно не только финансировать сектор производства батарейных элементов и проекты аккумуляторной сборки для стимулирования частных инвестиций в растущий рынок, но и повышать привлекательность электрифицированного транспорта среди граждан США. Меры, стимулирующие потребительский спрос, в Закон об инфраструктуре 2021 г. заложены не были. В настоящее время также продолжается межпартийная борьба⁴² по вопросу включения налоговых кредитов на покупку электромобилей в проект Закона о стимулировании экономического развития США «Восстановим лучше, чем было» (Build Back Better Act), так как часть финансовых льгот планируется предоставлять только для автомобилей, произведенных концернами, состоящими в профсоюзе. В контексте существующего противостояния республиканцев и демократов по вопросам субсидирования развития электрифицированного транспорта финансирование проектов по производству элементов батарей и аккумуляторов, а также зарядной инфраструктуры может оказаться недостаточной мерой для преодоления технологического разрыва с КНР.

Сместив акцент с добычи критических минералов на обрабатывающий и производственный сегменты, администрация президента-демократа расширила возможности сотрудничества США с союзниками в вопросах сырьевого обеспечения американской промышленности. Как в Стратегии по поддержке производства критических минералов и материалов 2021 г., утвержденной при администрации Д. Трампа, так и в соответствующем отчете администрации Дж. Байдена⁴³ приоритет отдается взаимодействию с Европейским союзом, Канадой, Австралией и Японией.

⁴² Finance Committee Republicans: EV provisions unfairly favor certain companies, hurt American workers, and undermine America's trade interests // Mike Crapo. U.S. Senator for Idaho. Available at: <https://www.crapo.senate.gov/media/newsreleases/finance-committee-republicans-ev-provisions-unfairly-favor-certain-companies-hurt-american-workers-and-undermine-americas-trade-interests> (accessed: 03.04.2022).

⁴³ Building resilient supply chains, revitalizing American manufacturing, and fostering broad-based growth. 100-day reviews under Executive Order 14017 // The White House. P. 162–165. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 03.02.2022).

Одним из инструментов межправительственного сотрудничества остается Инициатива по управлению энергетическими ресурсами (Energy Resource Governance Initiative, ERGI)⁴⁴, запущенная Государственным департаментом в июне 2019 г. Это проект, объединяющий усилия партнеров США по распространению таких практик в мировом добывающем секторе, которые базируются на ответственном подходе к эффективному функционированию всего производственного цикла, и нацеленный на предотвращение использования поставок критических минералов как инструмента политического давления. По мнению разработчиков⁴⁵, эффективность функционирования производственного цикла выражается как в обеспечении экономического благополучия стран — центров производства критических минералов⁴⁶, так и в стабильных поставках ресурсов. Учредителями ERGI стали Соединенные Штаты, Австралия, Ботсвана, Канада и Перу⁴⁷. К Инициативе также присоединились Аргентина, Бразилия, Замбия, Конго, Намибия, Филиппины⁴⁸. В 2020 г. в рамках ERGI был опубликован перечень инструментов для обеспечения качественного управления добывающим сектором в богатых критическими минералами странах. Этот перечень включает механизмы оценки и мониторинга ресурсного потенциала, политико-правовые и налоговые меры, регулирующие разработку месторождений на разных административных уровнях, а также подходы к организации экологически приемлемого произ-

⁴⁴ Energy Resource Governance Initiative (ERGI) fact-sheet // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/06/Energy-Resource-Governance-Initiative-ERGI-Fact-Sheet.pdf> (accessed: 24.01.2022).

⁴⁵ Secretary Michael R. Pompeo at the Department of State's Energy Resources Governance Initiative event // U.S. Embassy in Paraguay. Available at: <https://py.usembassy.gov/remarks-of-secretary-michael-r-pompeo-at-the-department-of-states-energy-resources-governance-initiative-event/> (accessed: 24.01.2022).

⁴⁶ Energy Resource Governance Initiative: Mineral sector governance for a responsible energy transformation // Energy Resource Governance Initiative toolkit. Available at: https://ergi.tools/assets/pdfs/2-28-20%20ERGI%20PDF%20Report_DGB_AN.pdf (accessed: 24.01.2022).

⁴⁷ About us // Energy Resource Governance Initiative toolkit. Available at: <https://ergi.tools/about> (accessed: 24.01.2022).

⁴⁸ Nine countries join U.S. strategic minerals initiative // Reuters. 26.09.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/usa-minerals-china-idUSL2N26G229> (accessed: 24.01.2022).

водства и социально ответственного распределения доходов среди местных сообществ.

Согласно результатам исследования группы японских и австралийских ученых рост добычи критических минералов придется на страны со слабой, малоэффективной или несостоятельной системой управления ресурсами [Watari et al., 2021: 5]. Удовлетворение спроса на критические материалы для развития чистых энергетических технологий и достижения углеродной нейтральности, таким образом, сопряжено с увеличением числа социально-экологических рисков на местном уровне. К аналогичным выводам приходят эксперты Международного агентства по возобновляемым источникам энергии⁴⁹ и Мирового экономического форума⁵⁰. Прогнозируется, что к 2050 г. 32% совокупного извлечения металлов для нужд электрогенерации и 40% — для нужд транспортного сектора придутся именно на государства с малоэффективным режимом регулирования добывающей отрасли [Watari et al., 2021: 5], в частности Конго, Мадагаскар и Кубу. Последние две страны имеют богатые залежи никеля, в то время как Конго (провинция Киншаса) остается ведущим мировым центром добычи кобальта (70% кобальтового сырья)⁵¹. Кобальт, добываемый в других странах (помимо Марокко), является побочным продуктом добычи меди и никеля.

Важно отметить, что крупнейшие мощности по обработке кобальта сосредоточены в КНР, сырье для которых страна закупает именно в Конго. При этом Китай является также и главным потребителем этого минерала (примерно 80% мирового потребления). Начиная с 2007 г. страна целенаправленно расширяла присутствие в Конго посредством финансирования инфраструктурных проектов (строительства больниц и дорог), участия китайских государственных компаний в добыче природных ресурсов, а также возрожде-

⁴⁹ The green revolution's inconvenient truth about mining // The Financial Times. 17.03.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/12d5164e-6788-11ea-800d-da70cff6e4d3> (accessed: 24.01.2022).

⁵⁰ The dirty secret of electric vehicles // World Economic Forum. 27.03.2019. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/03/the-dirty-secret-of-electric-vehicles/> (accessed: 24.01.2022).

⁵¹ Mineral commodity summaries 2021 // US Geological Survey. P. 50–51. Available at: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2021/mcs2021.pdf> (accessed: 10.01.2022).

ния конголезских добывающих компаний, находящихся на грани банкротства⁵².

В ноябре 2021 г. в газете *The New York Times* был опубликован репортаж⁵³ о последствиях пассивной политики США в Конго, которая чревата снижением конкурентоспособности американской экономики в глобальном технологическом соперничестве с КНР. В качестве примера была приведена продажа *China Molybdenum* кобальтовых копеек, ранее принадлежавших американской компании *Freerport-McMoRan*. Сделка состоялась в 2016 г., несмотря на призывы американских дипломатов к руководству Государственного департамента США помешать ей. Закрепление КНР в центральноафриканской стране путем покупки кобальтовых активов повышает зависимость мирового спроса (и американского в частности) от китайских производителей кобальта, а также обостряет конкуренцию за этот критический элемент с Пекином. Китайские компании заинтересованы в получении доступа к иностранным производственным активам, при этом они, по распространенному среди представителей политико-экспертного сообщества США мнению, закрывают глаза на соблюдение прав человека и коррумпированность местных производителей и правительств в соответствии с политикой невмешательства Китая во внутренние дела стран-партнеров [O'Sullivan, 2013: 35]. Именно такая практика приводит к практически беспрепятственному закреплению китайских компаний на рынках добывающих стран.

Так, по утверждению правозащитной организации *Amnesty International*⁵⁴, использование детского труда при добыче кобальта систематически игнорировалось дочерней компанией китайской *Huayou Cobalt Company Ltd. — Congo Dongfang Mining International*. Примечательно, однако, что в связи с множественными жалобами потребителей и групп по защите прав детей *Huayou Cobalt*, крупней-

⁵² Mining the future. How China is set to dominate the next industrial revolution. Foreign policy analytics special report. May 2019 // Document Repository of the U.S. House of Representatives. P. 4. Available at: <https://docs.house.gov/meetings/II/II06/20190509/109423/HMTG-116-II06-20190509-SD002.pdf> (accessed: 28.01.2022).

⁵³ How the U.S. lost ground to China in the contest for clean energy // *The New York Times*. 21.11.2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/11/21/world/us-china-energy.html> (accessed: 24.01.2022).

⁵⁴ 'This is what we die for': Human rights abuses in the Democratic Republic of Congo // *Amnesty International*. 19.01.2016. Available at: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/AFR6231832016ENGLISH.pdf> (accessed: 24.01.2022).

ший в мире поставщик кобальта для производства аккумуляторов электромобилей, прекратила закупку сырья у индивидуальных конголезских дилеров и начала работу по обеспечению транспарентности поставок⁵⁵.

Инициатива по управлению энергетическими ресурсами, возглавляемая Соединенными Штатами, представляется нацеленной в первую очередь на то, чтобы обойти китайские компании в этой сфере. По словам бывшего государственного секретаря США М. Помпео⁵⁶, ERGI активизирует межправительственный обмен экологически приемлемыми технологическими практиками и позволяет минимизировать риски, связанные с рыночной концентрацией и репутационными издержками. В углеродно нейтральном мире энергетические компании должны быть заинтересованы в соблюдении экологической чистоты и в социально-правовой приемлемости всех звеньев сбытовой цепочки. По словам чиновника, ответственность перед американским и глобальным потребителем стимулирует частный сектор, включая банковский сегмент, компании — разработчиков технологий и производителей энергии, к использованию сырья, полученного с соблюдением прав человека и строгих норм экологического регулирования. Таким образом, в условиях, когда монопольное положение производителя, подрывающее материальную основу глобального технологического лидерства США в сфере чистой энергетики, невозможно оспорить рыночными методами, руководство страны готово прибегнуть к правозащитной риторике в качестве инструмента конкуренции для подрыва экономических позиций КНР.

Будучи «догоняющим» государством по объему производства электромобилей и масштабу установленной зарядной инфраструктуры [Hao et al., 2020] и намереваясь в короткие сроки преодолеть этот

⁵⁵ China's biggest cobalt producer agrees to stop buying from individuals in DRC due to concerns over child labour // Business and Human Rights Resource Centre. 29.05.2020. Available at: <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/chinas-biggest-cobalt-producer-agrees-to-stop-buying-from-individuals-in-drc-due-to-concerns-over-child-labour/> (accessed: 24.01.2022).

⁵⁶ Pompeo M., Fannon Fr. Time for a responsible clean energy supply chain // Foreign Policy. 14.01.2021. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/01/14/responsible-clean-energy-supply-chain-minerals-renewables/> (accessed: 24.01.2022).

разрыв⁵⁷, Соединенные Штаты демонстрируют повышенный интерес также и к литиевым ресурсам. Необходимый для масштабной электрификации транспорта и развития систем хранения сетевой электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников, литий может стать объектом острой конкуренции двух держав, претендующих на глобальное лидерство в сфере чистых энергетических технологий. Так, во время визита на завод компании Ford в мае 2021 г. президент Дж. Байден заявил, что не позволит Китаю выиграть гонку по электрификации транспорта⁵⁸.

Крупнейшие резервы лития сосредоточены в пустыне Атакама — в Литиевом треугольнике: на границах Чили (9,6 млн тонн), Аргентины (19,3) и Боливии (21 млн тонн). В настоящее время из трех государств наиболее активная добыча ведется в Чили — технически извлекаемыми признаны 9,2 млн тонн, а страна является вторым крупнейшим в мире производителем данного критического минерала (после Австралии). В разработке ресурсов Чили участвуют чилийская государственная компания SQM и американская Albermarle. До 2014 г. из-за крайней непрозрачности процесса выдачи лицензий на разработку богатых литием участков ни одна иностранная компания не могла получить доступ к ресурсам Чили, однако в 2018 г. китайская Tianqi Lithium Corporation приобрела 24% акций SQM вопреки противодействию крупнейшего акционера. Финансовая поддержка (3,5 млрд долл.) данной сделке была оказана банком CITIC⁵⁹ — одним из крупнейших промышленных и банковских государственных конгломератов КНР.

В Южной Америке Китай активно осваивает литиевые резервы с опорой на внешнеэкономические механизмы. Несмотря на собственные значительные запасы лития (5,1 млн тонн), 80% используемого

⁵⁷ Fact sheet: The Biden-Harris Electric Vehicle Charging Action Plan // The White House. 13.12.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/12/13/fact-sheet-the-biden-harris-electric-vehicle-charging-action-plan/> (accessed: 01.02.2022).

⁵⁸ Biden says U.S. can't let China win EV race as he visits Ford plant // MarketWatch. 18.05.2021. Available at: <https://www.marketwatch.com/story/biden-to-plug-his-plan-for-electric-vehicles-in-visit-to-ford-plant-11621342372> (accessed: 06.02.2022).

⁵⁹ Mining the future. How China is set to dominate the next industrial revolution. Foreign policy analytics special report. May 2019 // Document Repository of the U.S. House of Representatives. Available at: <https://docs.house.gov/meetings/II/II06/20190509/109423/HMTG-116-II06-20190509-SD002.pdf> (accessed: 28.01.2022).

сырья страна закупает за рубежом, в основном в Австралии [Graham et al., 2021: 9]. Так, Tianqi Lithium Corporation владеет контрольным пакетом акций (51%) в австралийском предприятии Talison Lithium Limited, в котором американская компания Albermarle выступает младшим партнером (49% акций) [Graham et al., 2021: 14]. В 2022 г. Albermarle намерена возобновить строительство завода по производству лития в западной Австралии, которое было начато в 2019 г. и приостановлено из-за пандемии коронавирусной инфекции⁶⁰. Тем не менее в настоящее время практически весь австралийский литий перерабатывается на заводах в КНР, в том числе руда, добытая Albermarle, что превращает Китай в монополиста в глобальном производственном секторе лития. Залогом эффективного развития австралийских производственных мощностей специалисты, помимо благоприятного инвестиционного климата и сильной горнодобывающей отрасли, называют именно китайские инвестиции, а также непревзойденный опыт специалистов из КНР и интеллектуальные наработки страны в сфере химической инженерии. Благодаря стратегии диверсификации, которая выражается в приобретении китайскими компаниями доли в зарубежных активах при поддержке государственного капитала, Пекину удалось сосредоточить в своей зоне влияния около 60% мировых резервов лития.

Соединенные Штаты, признавая отставание от КНР по масштабам вовлеченности в разработку литиевых резервов за рубежом, готовы обеспечить поддержку американских компаний и предприятий стран-партнеров с помощью финансовых и торговых механизмов⁶¹. Финансовая корпорация международного развития США поддерживает проекты по добыче и обработке критического минерального сырья за рубежом. Так, в октябре 2020 г. началась комплексная экспертиза агентством проекта Karibib по разработке литиевого месторождения в Намибии, реализуемого австралийской

⁶⁰ Albermarle hit by labour shortage at Kemerton // Australian mining. 09.08.2021. Available at: <https://www.australianmining.com.au/news/albemarle-hit-by-labour-shortage-at-kemerton/> (accessed: 28.01.2022).

⁶¹ Building resilient supply chains, revitalizing American manufacturing, and fostering broad-based growth. 100-day reviews under Executive Order 14017 // The White House. P. 141. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 07.04.2022).

компанией Lepidico⁶². Для противодействия недобросовестным торговым практикам администрация Дж. Байдена сформировала Ударную группу по производственным циклам (Supply Chain Trade Strike Force) в рамках Торгового представительства США. Одним из направлений ее работы станет конкретизация торговой политики страны в отношении КНР⁶³. Важным инструментом повышения конкурентоспособности американских компаний в странах Латинской Америки призван стать Экспортно-импортный банк США, который с помощью экспортных кредитов может облегчить продажу необходимого оборудования для инфраструктурного обеспечения литиевых проектов⁶⁴. Руководители компаний, которые участвуют в разработке литиевых резервов в Аргентине (например, американская Lithium Americas и австралийская Lake Resources), отмечают, что коммерческая эффективность проектов в огромной степени зависит от доступа к технологиям и энергетическому оборудованию, а также к инструментам кредитного страхования⁶⁵.

Особое внимание администрация Дж. Байдена уделяет репутационной стороне конкуренции с Китаем в сфере разработки критического минерального сырья, в том числе лития. Помимо Инициативы по управлению энергетическими ресурсами Соединенные Штаты используют членство страны в Международной организации по стандартизации, в частности в техническом комитете по литью, в целях разработки и поддержания стандартов добычи, соответствующих целям правительства США и принципам устой-

⁶² NEWS: Lepidico and DFC sign mandate for Namibia project // Lion's Head Group. 02.11.2020. Available at: <https://www.lhgp.com/news/lepidico-and-dfc-sign-mandate-for-namibia-project> (accessed: 07.04.2022).

⁶³ Building resilient supply chains, revitalizing American manufacturing, and fostering broad-based growth. 100-day reviews under Executive Order 14017 // The White House. P. 16. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 07.04.2022).

⁶⁴ The Biden-Harris Plan to Revitalize American Manufacturing and Secure Critical Supply Chains in 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/24/the-biden-harris-plan-to-revitalize-american-manufacturing-and-secure-critical-supply-chains-in-2022/> (accessed: 07.04.2022).

⁶⁵ Latin America's lithium and the future of renewable energy in the United States (zoom roundtable discussion) // Wilson Center. 10.01.2022. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/event/latin-americas-lithium-and-future-renewable-energy-united-states> (accessed: 04.04.2022).

чивого развития. За подтверждением факта использования наиболее ответственных практик американские компании обращаются к аудиторскому агентству «Инициатива по обеспечению ответственной деятельности в горнодобывающей промышленности», которое проводит независимую оценку и сертификацию проектов добычи сырья⁶⁶. В 2022 г. агентство запланировало проверку литиевых проектов американских компаний: завода Albemarle Salar Plant в Чили и проекта Fenix компании Livent в Аргентине⁶⁷.

Несмотря на всеобъемлющий характер мер, которые предлагает администрация президента Дж. Байдена, динамика конкуренции США и КНР (и ее исход) в сфере возобновляемой энергетики и электрификации транспорта будет зависеть от готовности американских компаний инвестировать в регион, не отличающийся экономической и политической стабильностью. Из стран Южной Америки, обладающих запасами лития, так необходимого для ускорения перехода от двигателей внутреннего сгорания к гибридным и электрическим, компании испытывают определенную уверенность только в отношении Аргентины. Новое левое правительство Чили, которое с марта 2022 г. возглавляет Габриэль Борич, уже анонсировало готовность создать национальную компанию по производству лития⁶⁸, что приведет к обострению конкуренции среди частных производителей в секторе. Ожидание повышения налогов на добычу сырья и ужесточения экологического регулирования настораживает потенциальных инвесторов и фирмы с уже активными проектами.

Американские компании вида OEM (оригинальные производители оборудования) также уступают европейским и азиатским по степени присутствия на латиноамериканском литиевом рынке, так как инвестирование в добывающий сектор для них является высокорисковым и в огромной степени незнакомым сегментом

⁶⁶ Building resilient supply chains, revitalizing American manufacturing, and fostering broad-based growth. 100-day reviews under Executive Order 14017 // The White House. P. 141. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 07.04.2022).

⁶⁷ Mines under assessment // IRMA. Available at: <https://responsiblemining.net/what-we-do/certification/mines-under-assessment/> (accessed: 07.04.2022).

⁶⁸ Chile environmental regulator could fine lithium miner Albemarle // Reuters. 11.03.2022. Available at: <https://www.reuters.com/business/environment/chile-environmental-regulator-could-fine-lithium-miner-albemarle-2022-03-11/> (accessed: 07.04.2022).

деятельности. В настоящее время прорабатываются возможности заключения трехсторонних соглашений между ними, компаниями — производителями сырья и производителями комплектующих батарейных элементов для устранения рисков нехватки материалов на одном из этапов производственного цикла⁶⁹. В контексте расширения деятельности в перспективном Литиевом треугольнике для американских OEM критически важно, во-первых, понимать экономические условия работы на зарубежных рынках, во-вторых, быть уверенными в доступности государственной финансовой поддержки. Последнее представляется далеко не гарантированным, поскольку Государственный департамент США с учетом политических изменений в Чили занял выжидающую позицию.

* * *

Монополия Китая на рынках критических минералов и металлов, вызывавшая обеспокоенность политического истеблишмента Соединенных Штатов с начала 2010-х годов, впервые была названа чрезвычайной угрозой национальной безопасности, в том числе в вопросе обеспечения энергоснабжения и электрификации транспорта, при республиканской администрации Д. Трампа. Секьюритизация проблем доступности критического минерального сырья и диверсификации производственных циклов в целях развития ТЭК США закреплена в статьях Энергетического акта 2020 г., инкорпорированного в Закон об ассигнованиях 2021 г. В частности, символично появление в рамках Акта терминологической новации — «минеральная безопасность». В данном документе были уточнены риски недостаточной материально-ресурсной обеспеченности сектора, в числе которых названа недобросовестная конкуренция, используемая КНР для развития высокотехнологичных отраслей своей экономики. Кроме того, Энергетический акт предписывает регулярный мониторинг инвестиционной активности КНР в рамках инициативы «Пояс и путь» для принятия своевременных мер по недопущению дальнейшей монополизации производства критических материалов,

⁶⁹ Latin America's lithium and the future of renewable energy in the United States (zoom roundtable discussion) // Wilson Center. 10.01.2022. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/event/latin-americas-lithium-and-future-renewable-energy-united-states> (accessed: 04.04.2022).

необходимых для развития энергетического и транспортного секторов американской экономики на безуглеродной основе.

Для снижения зависимости от Китая республиканская администрация Д. Трампа поставила задачу укрепления всех сегментов производственного цикла в Соединенных Штатах посредством стимулирования внутренней добычи, разработки инновационных методов получения критических минералов из нетрадиционных источников и создания мощностей по сепарации и производству комплектующих конечной продукции. Команда Байдена-Харрис иначе расставила акценты с учетом приоритетов администрации в обеспечении технологического лидерства США в эпоху энергетического перехода и внутренних политических ограничений.

Так, в краткосрочной перспективе Соединенным Штатам не удастся полностью устранить зависимость от импорта критических минералов из Китая. Производство РЗЭ на шахте Mountain Pass в Калифорнии не способно удовлетворить спрос всех отраслей, нуждающихся в данном сырье. Более того, эффективность обработки ресурсов зависит от китайского акционерного капитала, который может быть выведен по политическим причинам. Реализация масштабного проекта Round Top в Техасе начнется не раньше 2023 г., а финансирование технологических новаций по добыче критических элементов из альтернативного сырья принесет плоды лишь в среднесрочной перспективе (5–10 лет). Кроме того, президент Дж. Байден не может форсировать внутреннюю добычу в связи с противодействием местных сообществ и экологических групп, чья политическая поддержка для него важна, особенно в условиях низкого рейтинга администрации.

В то время как Китай уже контролирует глобальные производственные циклы ряда значимых для безуглеродной энергетики критических материалов с помощью государственных компаний и частных компаний с государственным финансированием, руководство США делает ставку на «экспорт» отличной от китайской ценностной модели разработки ресурсов, воплощением которой стала ERGI. Отталкиваясь от примеров, когда китайские компании были вынуждены изменить свою торговую политику под воздействием групп интересов, Соединенные Штаты рассчитывают при поддержке своих союзников потеснить КНР на сырьевых рынках. Продвижение использования экологически приемлемых и социаль-

но ответственных практик добычи можно считать формой репутационного давления на конкурентов в условиях изменения ценностной парадигмы энергетического перехода, в которой ответственность перед глобальным потребителем толкает компании к использованию продукции, созданной в соответствии с высокими экологическими и социальными стандартами.

В условиях, когда альтернативные центры добычи ресурсов могут создаваться за пределами США, главный приоритет администрации Дж. Байдена отдает развитию производства необходимых материалов из критического минерального сырья и аккумуляторов для оснащения транспорта, т.е. этапам создания добавленной стоимости продукции. Автомобильная промышленность — одна из ведущих отраслей экономики Соединенных Штатов, а электрификация транспорта становится основой ее реиндустриализации в период глобальной энергетической трансформации. Следствием повышения конкурентоспособности США в этой сфере должны стать расширение экспорта высокотехнологичной безуглеродной продукции и технологий и соответственно «американизация» энергетического перехода. Тем не менее достижение цели электрификации половины выпускаемых легковых автомобилей к 2030 г. представляется затруднительным с учетом накопленного производственного потенциала Китая в этой сфере, зачаточного состояния стимулирующих финансовых программ США, доступных для американских производителей, инвестиционных ограничений, связанных с политикой стран — производителей критического минерального сырья, и в немалой степени — несопоставимых объемов финансирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев В.А. Борьба с изменением климата — новая арена противостояния Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 337–351. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-337-351.
2. Серёгина А.А. Обеспечение энергоперехода редкими и редкоземельными металлами // Инновации и инвестиции. 2021. № 9. С. 188–195.
3. Старчукова К.Д., Черских Н.А. Анализ структуры торговых отношений КНР и США и выявление отраслей экономики, наиболее зависящих от импорта // Modern Science. 2020. № 7-1. С. 81–85.

4. Судакова Н.А. Позиции США в сфере инноваций: вызовы и возможности для укрепления // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 1. Доступ: <https://rusus.jes.su/s207054760009042-3-1/> (дата обращения: 31.01.2022). DOI: 10.18254/S207054760009042-3.

5. Тагаров Б.Ж. Причины реиндустриализации экономики развитых стран // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 4. С. 999–1010. DOI: 10.18334/eo.10.4.111012.

6. Ткаченко Т.Х., Мироненко К.В., Янгаев П.А. КНР в редкоземельной индустрии мира // Азия: глобализация: влияние на страны Азии / Под ред. Л.В. Шкваря. М.: РУДН, 2015. С. 252–277.

7. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.

8. Bertinelli L., Zou B., Poncin S. The U.S.-China supply competition for rare earth elements: A dynamic game view // Center for Research in Economics and Management, University of Luxembourg. 2022.

9. Cherp A., Jewell J. The three perspectives on energy security: Intellectual history, disciplinary roots and the potential for integration // Current Opinion on Environmental Sustainability. 2011. Vol. 3. Iss. 4. P. 202–212. DOI: 10.1016/j.cosust.2011.07.001.

10. Gholz E. Rare earth elements and national security // Council on Foreign Relations. Energy report. October 2014. Available at: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2014/10/Energy%20Report_Gholz.pdf (accessed: 20.01.2022).

11. Graham J.D., Rupp J.A., Brungard E. Lithium in the green energy transition: The quest for both stability and security // Sustainability. 2021. No. 13. 11274. DOI: 10.3390/su132011274.

12. Gulley A., Nassar N., Xun S. China, the United States, and competition for resources that enable emerging technologies // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2018. Vol. 115. No. 15. P. 4111–4115. DOI: 10.1073/pnas.1717152115.

13. Hao X., Zhou Y., Wang H. et al. Plug-in electric vehicles in China and the USA: A technology and market comparison // Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change. 2020. No. 25. P. 329–353. DOI: 10.1007/s11027-019-09907-z.

14. Klare M. The race for what's left: The global scramble for the world's last resources. New York: Metropolitan Books, 2012.

15. Lovins A. Clean energy and rare earths: Why not worry // Bulletin of Atomic Scientists. 23.05.2017. Available at: <https://thebulletin.org/2017/05/clean-energy-and-rare-earth-why-not-to-worry/> (accessed: 03.02.2022).

16. Machacek E., Fold N. Alternative value chains for rare earths: The Anglo-deposit developers // *Resources Policy*. 2014. No. 42. P. 53–64. DOI: 10.1016/j.resourpol.2014.09.003.

17. Mancheri N. World trade in rare earths, Chinese export restrictions, and implications // *Resources Policy*. 2015. No. 46 (2). P. 262–271. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.10.009.

18. Mancheri N., Sprecher B., Bailey G. et al. Effect of Chinese policies on rare earth supply chain resilience // *Resources, Conservation and Recycling*. 2019. No. 142. P. 101–112. DOI: 10.1016/j.resconrec.2018.11.017.

19. Murray B., Monast J., Yang Ch.-J. et al. The United States, China, and the competition for clean energy // Nicholas Institute for Environmental Policy Solutions, Duke University. Policy brief. July 2011. Available at: <https://nicholasinstitute.duke.edu/sites/default/files/publications/us-china-competition-for-clean-energy-paper.pdf> (accessed: 30.01.2022).

20. Nakano J. The geopolitics of critical minerals supply chains // Center for Strategic and International Studies. March 2021. Available at: <https://www.csis.org/analysis/geopolitics-critical-minerals-supply-chains> (accessed: 28.01.2022).

21. O’Sullivan M. The entanglement of energy, grand strategy, and international security // *The Handbook of global energy policy* / Ed. by A. Goldthau. Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell, a John Wiley & Sons, Ltd., 2013. P. 30–48.

22. Overland I. The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths // *Energy Research and Social Science*. 2019. Vol. 49. P. 36–40. DOI: 10.1016/j.erss.2018.10.018.

23. Watari T., Nansai K., Nakajima K. et al. Sustainable energy transitions require enhanced resource governance // *Journal of Cleaner Production*. 2021. No. 312. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0959652621019168> (accessed: 24.01.2022). DOI: 10.1016/j.jclepro.2021.127698.

REFERENCES

1. Matveev V.A. 2021. Bor’ba s izmeneniem klimata — novaya arena protivoborstva Kitaya i SShA [Struggle against climate change as a new arena of China-US confrontation]. *Kitai v mirovoi i regional’noi politike. Istoriya i sovremennost’*, no. 26, pp. 337–351. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-337-351. (In Russ.)

2. SerEGINA A.A. 2021. Obespechenie energoperekhoda redkimi i redkozemel’nymi metallami [Providing energy transition with rare and rare earth metal]. *Innovatsii i investitsii*, no. 9, pp. 188–195. (In Russ.)

3. Starchukova K.D., Cherskikh N.A. 2020. Analiz struktury torgovykh otoshenii KNR i SShA i vyyavlenie otraslei ekonomiki naibolee zavisyashchikh ot importa [Analysis of the China-US trade structure and identification of the

most import dependent economic sectors]. *Modern Science*, no. 7-1, pp. 81–85. (In Russ.)

4. Sudakova N.A. 2020. Pozitsii SShA v sfere innovatsii: vyzovy i vozmozhnosti dlya ukrepleniya [U.S. innovation performance: Challenges and opportunities for strengthening]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no. 1. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760009042-3-1/> (accessed: 31.01.2022). DOI: 10.18254/S207054760009042-3. (In Russ.)

5. Tagarov B.Zh. 2020. Prichiny reindustrializatsii ekonomiki razvitykh stran [Reasons for reindustrialization of the developed countries economy]. *Ekonomicheskie otnosheniya*, vol. 10, no. 4, pp. 999–1010. DOI: 10.18334/eo.10.4.111012. (In Russ.)

6. Tkachenko T.Kh., Mironenko K.V., Yangaev P.A. 2015. KNR v redkozemel'noi industrii mira [China's role in the world rare earth elements industry]. In: Shkvarya L.V. (ed.). *Aziya: globalizatsiya: vliyanie na strany Azii* [Asia: Globalization: The impact on Asian countries]. Moscow, RUDN University Publ., pp. 252–277. (In Russ.)

7. Fituni L.L. 2019. Na puti k novoi bipolyarnosti: geoekonomika i geopolitika protivostoyaniya v Afrike [Towards a neo-bipolar model of the world order: Scouting game in Africa]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, parvo*, vol. 12, no. 3, pp. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29. (In Russ.)

8. Bertinelli L., Zou B., Poncin S. 2022. *The U.S.-China supply competition for rare earth elements: A dynamic game view*. Center for Research in Economics and Management, University of Luxembourg.

9. Cherp A., Jewell J. 2011. The three perspectives on energy security: Intellectual history, disciplinary roots and the potential for integration. *Current Opinion on Environmental Sustainability*, vol. 3, no. 4, pp. 202–212. DOI: 10.1016/j.cosust.2011.07.001.

10. Gholz E. 2014. *Rare earth elements and national security. Energy report*. Council on Foreign Relations. Available at: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2014/10/Energy%20Report_Gholz.pdf (accessed: 20.01.2022).

11. Graham J.D., Rupp J.A., Brungard E. 2021. Lithium in the green energy transition: The quest for both stability and security. *Sustainability*, no. 13. 11274. DOI: 10.3390/su132011274.

12. Gullely A., Nassar N., Xun S. 2018. China, the United States, and competition for resources that enable emerging technologies. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 115, no. 15, pp. 4111–4115. DOI: 10.1073/pnas.1717152115.

13. Hao X., Zhou Y., Wang H. et al. 2020. Plug-in electric vehicles in China and the USA: A technology and market comparison. *Mitigation and Adaptation*

Strategies for Global Change, no. 25, pp. 329–353. DOI: 10.1007/s11027-019-09907-z.

14. Klare M. 2012. *The race for what's left: The global scramble for the world's last resources*. New York, Metropolitan Books.

15. Lovins A. 2017. Clean energy and rare earths: Why not worry. *Bulletin of Atomic Scientists*. Available at: <https://thebulletin.org/2017/05/clean-energy-and-rare-earth-why-not-to-worry/> (accessed: 03.02.2022).

16. Machacek E., Fold N. 2014. Alternative value chains for rare earths: The Anglo-deposit developers. *Resources Policy*, no. 42, pp. 53–64. DOI: 10.1016/j.resourpol.2014.09.003.

17. Mancheri N. 2015. World trade in rare earths, Chinese export restrictions, and implications. *Resources Policy*, no. 46 (2), pp. 262–271. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.10.009.

18. Mancheri N., Sprecher B., Bailey G. et al. 2019. Effect of Chinese policies on rare earth supply chain resilience. *Resources, Conservation and Recycling*, no. 142, pp. 101–112. DOI: 10.1016/j.resconrec.2018.11.017.

19. Murray B., Monast J., Yang Ch.-J. et al. 2011. *The United States, China, and the competition for clean energy*. Policy brief. Nicholas Institute for Environmental Policy Solutions, Duke University. Available at: <https://nicholasinstitute.duke.edu/sites/default/files/publications/us-china-competition-for-clean-energy-paper.pdf> (accessed: 30.01.2022).

20. Nakano J. 2021. *The geopolitics of critical minerals supply chains*. Center for Strategic and International Studies. Available at: <https://www.csis.org/analysis/geopolitics-critical-minerals-supply-chains> (accessed: 28.01.2022).

21. O'Sullivan M. 2013. The entanglement of energy, grand strategy, and international security. In: Goldthau A. (ed.). *The handbook of global energy policy*. Chichester, West Sussex, Wiley-Blackwell, a John Wiley & Sons, Ltd., Publication, pp. 30–48.

22. Overland I. 2019. The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths. *Energy Research and Social Science*, no. 49, pp. 36–40. DOI: 10.1016/j.erss.2018.10.018.

23. Watari T., Nansai K., Nakajima K. et al. 2021. Sustainable energy transitions require enhanced resource governance. *Journal of Cleaner Production*, no. 312. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0959652621019168> (accessed: 24.01.2022). DOI: 10.1016/j.jclepro.2021.127698.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2022;
принята к публикации 22.07.2022

The paper was submitted 07.02.2022;
approved after reviewing 25.05.2022;
accepted for publication 22.07.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-148-172

Научная статья / Research paper

А.О. Филоник, В.Н. Батурина*

АРАБСКИЙ МИР НА ПОРОГЕ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА: ВЫЗОВЫ, АМБИЦИИ, ПРЕДЕЛЫ РОСТА

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В настоящее время идеи устойчивого развития и зеленой энергетики в той или иной мере проникли в социально-экономическую и политическую повестку практически всех государств Арабского Востока. Природные условия региона и его уязвимость перед природными катастрофами стимулируют внимание к вопросам экологической безопасности и перехода к возобновляемым источникам энергии. Авторы ставят перед собой цель, с одной стороны, обрисовать открывшиеся в последние годы в арабских странах перспективы наращивания потенциала чистой генерации и вытеснения традиционных энергоносителей, а с другой — оценить проблемы и пределы диверсификации зеленых практик и их возможностей с точки зрения поддержания экологической безопасности государств региона. Показано, что в настоящий момент альтернативный подход к электрогенерации в регионе постепенно укореняется и, судя по масштабам реализуемых крупных проектов, имеет хорошие перспективы, особенно в сфере использования солнечной энергии. В то же время при всей привлекательности подобных проектов у них есть серьезные экономические и технологические ограничители, связанные, в частности, с вопросами ценообразования, проблемами хранения энергии и утилизации отходов. Однако, как подчеркивают авторы, главным препятствием на пути к фор-

* *Филоник Александр Оскарович* — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: fao44@mail.ru); *Батурина Вера Николаевна* — преподаватель кафедры глобальных коммуникаций факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vera-baturina@yandex.ru).

мированию согласованной и эффективной климатической политики в масштабах всего Арабского Востока остаются сильные диспропорции в показателях экономического развития государств региона. В статье подробно проанализирован опыт самых передовых арабских стран в области внедрения возобновляемых источников энергии — Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии. Авторы отмечают, что эти государства активно экспериментируют со всеми известными ныне способами получения зеленой энергии, в том числе с водородом, но в то же время стремятся развивать и атомную энергетику. Вместе с тем их амбициозные проекты не отражают реальное положение дел в регионе в целом, большинство стран которого крайне осторожны в принятии рискованных дорогостоящих решений в области энергетики и климатической политики и не готовы к тому, чтобы безоговорочно перенимать западные подходы и установки в области «озеленения» экономики, предпочитая выжидательную стратегию. Этим обусловлена известная инертность в сфере возобновляемых источников энергии, демонстрируемая большинством стран Арабского Востока.

Ключевые слова: Арабский Восток, энергетический переход, энергетическая безопасность, возобновляемые источники энергии, декарбонизация, зеленая энергетика, изменение климата, ОАЭ, Саудовская Аравия

Для цитирования: Филоник А.О., Батурина В.Н. Арабский мир на пороге энергоперехода: вызовы, амбиции, пределы роста // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 148–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-148-172.

Aleksandr O. Filonik, Vera N. Baturina

**THE ARAB WORLD ON THE VERGE
OF THE ENERGY TRANSITION:
CHALLENGES, AMBITIONS, AND LIMITS TO GROWTH**

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Nowadays the socio-economic and political agenda of almost all countries of the Arab East includes the issues of sustainable development and green energy. The natural conditions of the region and its vulnerability to natural disasters

prioritize the issues of environmental security and transition to renewable energy sources. The research has two objectives. Firstly, the authors attempt to outline prospects for enhancing capacities in clean energy production and replacing traditional energy sources that emerged in recent years in the Arab countries. Secondly, the paper assesses challenges and limits for green practices dissemination, as well as their capabilities of providing environmental security for the countries in the region. The authors note that an alternative approach to power generation is gradually taking root in the region and, judging by the scale of major projects being implemented, it has good prospects, especially in the field of solar energy. At the same time, despite the advantages of such projects, they have serious economic and technological constraints including pricing issues, problems of energy storage and waste disposal. However, the authors emphasize that the main obstacle to a coherent and effective climate policy for the entire Arab East stems from strong disproportions in economic development of the regional actors. The article thoroughly examines the experience of the most advanced Arab countries in the areas of renewable energy — the United Arab Emirates and Saudi Arabia. The authors note that these countries actively experiment with all known renewable energy sources, including hydrogen-based, but at the same time, they are seeking to develop nuclear power. However, their ambitious projects do not reflect the real situation in the region as a whole, where most countries are extremely cautious in making risky, expensive decisions on energy and climate policy. They are not ready to unconditionally adopt Western approaches to ‘greening’ economy and take a wait-and-see attitude. This may explain certain inertia towards renewable energy sources that is shown by most countries of the Arab East.

Keywords: Arab East, energy transition, energy security, renewable energy sources, decarbonization, green energy, climate change, UAE, Saudi Arabia

About the authors: *Aleksandr O. Filonik* — PhD (Economics), Leading Research Fellow, Center of Arab and Islamic Studies, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: fao44@mail.ru); *Vera N. Baturina* — Lecturer at the Chair of Global Communications, School of Global Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vera-baturina@yandex.ru).

For citation: Filonik A.O., Baturina V.N. 2022. The Arab world on the verge of the energy transition: Challenges, ambitions, and limits to growth. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 148–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-148-172. (In Russ.)

Арабский Восток находится в крайне засушливой климатической зоне и подвержен сильному тепловому воздействию, угрожающему природными бедствиями и, возможно, катастрофами, которые обусловлены даже не столько географическим положением составляющих его стран, сколько индустриальными масштабами производственной деятельности, вызывающими конфликты между живой природой и человеком.

Ощущение такой опасности на Арабском Востоке впервые возникло в последней трети XX в. и заставило власти внимательнее присмотреться к проблеме, что привело к оживлению административной активности вокруг экологической тематики и появлению ведомств и институтов, изучающих общую ситуацию и отдельные аспекты отношений между человеком и природой.

На протяжении многих лет позиция арабских государств по проблемам окружающей среды носила преимущественно формальный характер, пока те не проступили более отчетливо, заявив о себе острыми проявлениями земельного голода и признаками истощения водных источников на фоне роста демографических показателей. Однако возникшая озабоченность далеко не сразу вылилась в серьезную тревогу, которая обнаружилась позднее, после того как мир в целом обеспокоился проблемой глобального изменения климата. Чем дальше, тем больше арабское сообщество стало связывать надежды по предотвращению дальнейшей деградации окружающей среды с так называемым зеленым поворотом.

Подъем в арабских нациях гражданского чувства ответственности за судьбы своих государств возник вслед за решительными действиями нефтедобывающих княжеств Персидского залива, которые ближе к середине 1970-х годов отвергли власть иностранных нефтяных монополий и распространили свой суверенитет на богатейшие углеводородные ресурсы субконтинента.

Последовавший за этим ответ Запада в виде вынужденного перехода к энергосберегающим технологиям привлек внимание политиков и общественности континента к проблемам окружающей среды. В относительно короткое время они стали важным вектором международной политики и предметом постоянных обсуждений в глобальной повестке дня, в том числе при активном участии вовлеченных в процесс стран Арабского Востока. Тем более что последний

относится к зоне повышенного риска: песчаные бури и палящее солнце постоянно засыпают и выжигают зеленую массу на тысячах квадратных километров, что влечет за собой целый комплекс негативных экологических, экономических и социальных последствий.

Ныне развитие региона, связанное с происходившими в последние десятилетия колоссальной индустриализацией и ростом тепловых выбросов в атмосферу, вполне обоснованно вызывает тревогу национальных и международных организаций, уже рассматривающих ситуацию как преддверие катастрофических изменений в природе и время осознания последствий, к которым этот процесс может привести.

Идеи устойчивого развития и зеленой экономики, продвижение которых в мировую практику с начала века набрало существенное ускорение, к настоящему моменту в той или иной мере проникли в контекст социально-экономических и эколого-политических проблем практически всех арабских государств. Они, в общем, ориентируются на 17 Целей развития тысячелетия ООН и в одних случаях — буквально взрывным образом, а в других — в неспешном темпе смещаются в зону практического поиска средств декарбонизации экосферы и защиты климата от потепления, обозначив этот курс в качестве стратегического на десятилетия вперед. Тем более что территории региона — это своего рода природный полигон, где могут на больших масштабах исследоваться и реализовываться механизмы превращения окружающей среды в природную систему, более дружественную по отношению к человеку. Именно этот посыл стимулирует государства к поиску мер, наиболее соответствующих задаче создания заслона перед природной катастрофой, сопряженной с засухами, наводнениями, нависающей угрозой голода, неизбежными массовыми миграциями с обширных пространств, которые могут оказаться непригодными не только для продуктивного использования, но и для элементарного выживания в изменившейся среде.

Накопленный на Арабском Востоке за несколько десятилетий опыт общения с окружающей средой в ее новой предметной и, может быть, в «сакрализованной» ипостаси имеет свою специфику и лишней раз подтверждает, что его силы в этой нише разобщены, а субъекты не могут действовать консолидированно. Арабский мир далек от своего рода экологического «фундаментализма», стремя-

щегося вывести зеленый переход на ведущие позиции любой ценой, и игнорирует при этом потребности обществ, которые в арабских пределах зримо не равны по уровню благосостояния и масштабам природоохранных усилий.

Нефтяной авангард в виде аравийских монархий Персидского залива мощно демонстрирует на своем примере успех климатической политики. Но их достижения на зеленом фронте по сравнению с гигантоманией на параллельных направлениях не выглядят чрезвычайными. Монархии возглавляют климатическое движение в арабском мире и служат его лицом на международной арене, но тем лишь оттеняют отставание другой, менее успешной во многих отношениях части арабской уммы.

Универсальная актуальность проблематики климатического дисбаланса обусловлена тем обстоятельством, что она оперирует по-настоящему глобальными вызовами, чреватými разрушительными последствиями для экономик мира и представляющими экзистенциальную угрозу огромным массам людей, особенно в странах глобального Юга. Вполне естественно поэтому, что проблематика такого рода не была обойдена вниманием и российских исследователей. Их работы сосредоточены в значительной мере на российских климатических и экологических проблемах, но многие из них имеют и прямой выход на глобальный контекст, важный в том числе и для понимания проблем стран Арабского Востока [Сланцевая революция и глобальный энергетический переход, 2019; Кокорин и др., 2013; Опустынивание засушливых земель в России, 2009; Кузык, Яковец, 2007]. В частности, они высвечивают существенную разницу в подходах к преодолению климатического кризиса, продвигаемых западными и незападными странами, обусловленную различиями в их объективных экономических возможностях и политических установках [Битва за климат, 2021]. Эта же проблема раскрывается в недавно переведенной на русский язык книге лауреата Пулитцеровской премии Дэниела Ергина «Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики» [Ергин, 2019].

С точки зрения темы предлагаемого исследования особый интерес представляет коллективный труд «Арабский Восток: зеленый рост и вызовы современности» (М., 2019), который полностью посвящен анализу особенностей движения стран региона к чистой энергетике.

Зарубежная историография проблемы еще более разнообразна и охватывает самый широкий спектр тем и сюжетов — от морально-философских [Klein, 2019] до сугубо практических и узкопрофессиональных [Yergin, 2020; Luchinskiy, 2019; Lynas, 2014; Coyle, Simmons, 2014].

В целом большинство экспертов сходятся во мнении, что на обозримую перспективу выбор в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в мире сделан, хотя многие субъекты мировой экономики готовы принять его лишь с определенными оговорками. Так, далеко не все страны поддерживают идею решительного отказа от газовой и ядерной энергетики, подчеркивая, что их потенциал еще далеко не исчерпан. Высказываются сомнения и по поводу интерпретации результатов математического моделирования климатических колебаний: одни рассматривают их как свидетельство грядущего потепления, другие — как признак похолодания. Особенно острые и политизированные споры развернулись вокруг теории антропогенного воздействия на климат, в которой усматривается стремление развитых стран укрепить собственные экономические и политические позиции за счет сдерживания развития своих конкурентов¹.

Превращение климатической повестки в поле политической борьбы, манипуляций с квотами, субсидиями, инвестициями, жонглирования резолюциями только отдаляет мировое сообщество от поиска ответа на главный ее вопрос: сможет ли планета приспособиться к грядущим изменениям и в какой степени? Для наиболее уязвимых с точки зрения экологии стран, в том числе арабского мира, он уже сейчас становится вопросом выживания.

В центре внимания данного исследования находится энергетическая политика ведущих арабских государств, направленная на осуществление зеленого поворота. Автор ставит перед собой цель, с одной стороны, обрисовать открывшиеся в последние годы в арабских странах перспективы наращивания потенциала чистой генерации и вытеснения традиционных энергоносителей, а с другой — оценить проблемы и пределы диверсификации зеленых практик и их возможностей с точки зрения поддержания экологической безопасности государств региона.

¹ Российские ученые о мировой проблеме климата // Научная Россия. 14.10.2021. Доступ: <https://scientificrussia.ru/articles/akademiki-ran-o-mirovoj-probleme-klimata> (дата обращения: 30.03.2022).

Декарбонизация и энергетика стран Арабского Востока: вызовы и перспективы

Наращение международной активности в поиске средств борьбы с экологическими вызовами наблюдается уже в течение довольно длительного времени. Знаковым событием в этой связи стало проведение в 1994 г. по инициативе ООН и при участии 180 стран мира Конференции сторон (COP)² по проблемам изменения климата. С тех пор эти конференции проводятся ежегодно и выполняют функцию своего рода Климатического саммита. Интенсивность международного взаимодействия на этом треке постепенно нарастала и в 2015 г. вылилась в принятие на COP21 Парижского соглашения, ставшего основой формирования нынешних подходов к регулированию мер сдерживания выбросов углекислого газа. Последним по времени событием в этой области был Климатический саммит в Глазго (COP26) в 2021 г., проведенный с опозданием на год из-за пандемии COVID-19 и установивший порядок оценки результатов деятельности COP в конце каждого пятилетнего срока.

В ключевых вопросах повестки помимо достижения углеродной нейтральности и предотвращения всемирного потепления свое место заняла и важнейшая для экономически уязвимых стран проблема регулярной финансовой подпитки их усилий в борьбе с климатическими изменениями — им были обещаны выплаты в размере 100 млрд долл. в год. Эта сумма неизмеримо меньше того, что нужно для результативной борьбы с парниковыми газами. По некоторым подсчетам, нуждающимся нациям требуется к 2030 г. до 300 млрд долл. в год только на адаптацию к изменению климата. Это составляет ничтожную долю от 14,6 трлн долл., которые крупные экономики мобилизовали в 2021 г. в ответ на пандемию³. Однако даже эти средства не были выделены.

Между тем менее развитые страны, в том числе и многие арабские, имеющие наименьшие возможности в области перестройки своих экономик, сохраняют у себя значительный по удельному весу

² Конференция сторон (Conference of the Parties) Рамочной конвенции ООН об изменении климата. — *Прим. ред.*

³ COP26: Climate finance could make or break the Glasgow summit. Here's why // Reuters. 01.11.2021. Available at: <https://www.reuters.com/business/environment/climate-finance-could-make-or-break-cop26-summit-heres-why-2021-11-01/> (accessed: 15.03.2022).

набор вредных производств и подвергаются наибольшему риску и далее отставать от климатических лидеров по показателям выбросов и экологической безопасности вообще. Похоже, что этот шлейф будет тянуться за ними еще долгое время. Особенно при дефиците внутренних ресурсов и неопределенности ситуации в условиях разного рода кризисных явлений, нестабильности сырьевых рынков и высокой террористической угрозы. Арабские страны выступают в этом отношении ярким примером.

Сильные региональные диспропорции в показателях благосостояния и качества производственных активов подрывают внутренние возможности арабских стран противостоять экологическим угрозам. Борьба с ними успешнее там, где обеспечено накопление «избыточного» капитала, и значительно хуже в странах-антиподах, которые из-за нехватки ресурсов демонстрируют инертность в вопросах достижения баланса между интересами социума и защитой природы. Эти факторы указывают на невозможность восприятия арабского мира как единого экономического и политического целого. В то же время применительно именно к вопросам окружающей среды, формируемой в том числе свободным движением воздушных масс, «абсорбирующих» и парниковые газы, можно всё-таки говорить о том, что арабские страны составляют один природный организм, который соответственно можно поддерживать согласованными действиями. В итоге на практике сейчас наблюдается ситуация, когда действия одних акторов растворяются в бездействии других, отчего возникают только ограниченные очаги успеха.

Ныне усилия большинства стран мира обращены на декарбонизацию в попытках предотвратить превышение намеченного температурного предела в 1,5 °С. И можно представить, какие трудности встанут перед арабским регионом на этом пути. Тем более что именно здесь в последнее время регистрировалось особенно ярко выраженное повышение температур. В июле 2020 г. в Багдаде была зафиксирована температура 51,6 °С, что превысило прежний рекорд 2015 г. В Марокко и Кувейте рекорд составил 53,8 °С⁴.

⁴ Yara M. Asi. Climate change in the Arab World: An existential threat in an unstable region // Arab Center Washington DC. 02.03.2021. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/climate-change-in-the-arab-world-an-existential-threat-in-an-unstable-region/> (accessed: 15.02.2022).

В свете сказанного глобальное потепление следует рассматривать не просто как потенциально грозное природное явление, которое преимущественно ассоциируется с экологией и формированием температурного режима на планете. Встает вопрос о его социальных и политических последствиях: многомиллионная армия беженцев угрожает пополниться к 2050 г. за счет 216 млн лиц, которые могут пострадать от катастрофического воздействия аномальной температуры, провоцирующей дефицит чистой воды и продовольствия⁵. В целом за период 1999–2018 гг. в мире по причинам, вызванным климатическими колебаниями, только число погибших оценивается в 0,5 млн человек, экономические же потери достигли 3,5 трлн долл.⁶

Именно во избежание маячащих на горизонте экономических неурядиц и социальных потрясений экологического происхождения арабские страны, особенно из числа способных мобилизоваться, нацеливаются на новые приоритеты в энергетической политике. В одних случаях речь идет о попытках расширить базу генерации энергии за счет возобновляемых источников (в расчете на удешевление их компонентов), в других ставка делается на сохранение минеральных горючих ресурсов в целях их экономии на будущее. Оба подхода объясняются стремлением уменьшить выбросы двуоксида углерода, метана и других химических продуктов в атмосферу и тем самым внести вклад в глобальную кампанию по защите окружающей среды и климата.

Можно заключить, что для арабских стран декарбонизация предстает как многоаспектное явление, которое имеет ярко выраженную региональную специфику, определяемую демографическим взрывом (Египет, Алжир, Судан), продолжительными вооруженными конфликтами (Сирия, Ирак, Ливия, Йемен), острыми социальными кризисами (Ливан). Для этих государств климатический фактор не просто сам по себе становится большим серьезным вызовом,

⁵ Вечерова Е., Титова И. Бедные будут штурмовать границы. Чем климатическая миграция грозит России и миру // *Forbes*. 18.09.2021. Доступ: <https://www.forbes.ru/society/440331-bednye-budut-sturmovat-granicy-cem-klimaticeskaa-migracia-grozit-rossii-i-miru> (дата обращения: 04.04.2022).

⁶ Выбросы CO₂ стран G20 почти вернулись к доковидному уровню // *Коммерсантъ*. 14.10.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5030868> (дата обращения: 26.02.2022).

но, будучи наложенным на их текущее положение, превращается в мощную угрозу национальной безопасности.

Проникновение в арабские страны новой, зеленой энергетической идеологии привело к 2008 г. к накоплению не более 0,5 ГВт установленной мощности при общих затратах в 1,2 млрд долл. — и это только в Египте, Марокко, Тунисе и Иордании. За последовавшие два года уже 12 государств создали 1,1 ГВт мощности, затратив на эти цели 3,5 млрд долл., а в 2018 г. все 22 страны региона, инвестировав в отрасль около 15 млрд долл., получили в свое распоряжение 7,2 ГВт, которые обеспечивали 6% совокупной выработки электроэнергии по сравнению с 94%, приходившимися на долю традиционных ее поставщиков. При этом статистикой не учитываются мощности гидроэлектростанций в размере 11,1 ГВт на том основании, что гидроэнергетика имеет относительно небольшой прирост и потенциал ее уже исчерпан. По видам применяемых технологий выработка на указанный год распределялась следующим образом: ветровая электрогенерация — 41%, фотоэлектрическая — 45, концентрированная — 10, биологическая — 4%⁷.

За второе десятилетие XXI в. популярность ВИЭ заметно выросла. Большую роль в этом сыграло создание в 2013 г. в рамках Панарабской стратегии развития альтернативной энергетики на 2010–2030 гг. Фонда регионального сотрудничества в поддержку ВИЭ на Арабском Востоке, цель которого — довести их установленную мощность с 12 до 80 ГВт к 2030 г.⁸ К концу 2010-х годов этот показатель подвергся коррекции, и страны региона стали ориентироваться на другие контрольные цифры. Сообразно с их амбициями мощности ВИЭ должны возрасти с 6,2 ГВт в настоящее время до 190 ГВт к 2030 г.⁹

⁷ Arab future energy index (AFEX). Renewable energy. 2019. P. 10, 11 // Regional Center for Renewable Energy and Energy Efficiency (RCREEE). Available at: <https://rcreee.org/publications/arab-future-energy-index-afex-renewable-energy-2019-report/> (accessed: 20.02.2022).

⁸ Pan-Arab clean energy initiative // International Renewable Energy Agency (IRENA). Available at: <https://www.irena.org/mena/Pan-Arab-Clean-Energy-Initiative> (accessed: 17.03.2022).

⁹ RCREEE and UNDP join forces revealing Arab countries leap progress in renewables through the 2019 edition of Arab future energy index (AFEX). Report. 14.04.2020 // RCREEE. Available at: <https://www.rcreee.org/content/rcreee-and-undp-join-forces-revealing-arab-countries-leap-progress-renewables-through-2019> (accessed: 05.03.2022).

Такие амбициозные планы отражают подъем интереса региональных игроков к программам развития чистой энергетики, цель которых — добиться кумулятивного эффекта и институционализировать ее в виде целостной отрасли экономики. Ставка делается на быстрое встраивание нового способа генерации в современную модель индустриального и аграрного роста в связке с общими усилиями в интересах достижения климатической стабильности и создания соответствующей экосистемы.

Однако, учитывая невысокий в целом стартовый потенциал, довольно трудно говорить о том, насколько достижимыми являются заявленные цели в обозримой перспективе. Наиболее реалистичным представляется прогноз о возможности дальнейшего накопления активов ВИЭ в 17 арабских государствах в рассматриваемый период в районе 125 ГВт с учетом доли гидроэлектростанций. Как отмечено ранее, получаемый ими прирост выработанной электроэнергии практически ничтожен, но накопленный за многие десятилетия потенциал велик, и его целесообразно сохранять в перечне инструментов чистой энергетики, тем более что и водная поверхность водохранилищ способна оказывать влияние на климат, хотя бы в пределах их локации.

Так или иначе, альтернативный подход к электрогенерации в регионе постепенно укореняется и, судя по масштабам реализуемых крупных проектов, имеет хорошие перспективы. На текущий момент арабские страны отдают предпочтение фотоэлектрическому способу выработки энергии¹⁰, но только несколько из них внесены в список 50 государств мира, наиболее преуспевших в данной сфере¹¹. При этом арабские страны демонстрируют очень высокие темпы наращивания соответствующих мощностей, а резкое удешевление панелей с повышенной защитой от внешних воздействий может подогреть спрос и на рынке микрогенерации.

В целом же в мире более быстрыми темпами развивается ветровая генерация, рост установленной мощности которой в начале текущего десятилетия увеличился на 24% и достиг 78 ГВт как следствие при-

¹⁰ Arab future energy index (AFEX). Renewable energy. 2019. P. 11 // RCREEE. Available at: <https://rcreee.org/publications/arab-future-energy-index-afex-renewable-energy-2019-report/> (accessed: 01.03.2022).

¹¹ Solar power capacity by country // World Population Review. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/solar-power-by-country> (accessed: 14.02.2022).

тока инвестиций, повышения полезной отдачи от оборудования и снижения стоимости производства компонентов вдвое. В принципе, такая динамика понятна, если учесть, что мировое использование ветро-солнечных систем может обеспечить экономию до 23 млрд долл. ежегодно в случае отказа от угольной генерации¹². В арабском варианте эта цифра должна быть гораздо скромнее, поскольку уголь используется для генерации в крайне ограниченных количествах.

Пока трудно предполагать, чему в итоге будет отдано предпочтение на Арабском Востоке. Но создается впечатление, что здесь внимательно наблюдают за развитием мировой динамики и, главное, за действиями соседей, на примере которых проверяется целесообразность или непригодность тех или иных перспективных решений, поскольку речь может идти о серьезных дорогостоящих проектах. Например, чтобы частично заместить углеводороды на уровне целей 2030 г., арабская возобновляемая энергетика должна увеличиться в 12–18 раз, полная же замена углеводородов в мире к 2040 г. потребует роста альтернативной генерации в 90 раз [Mills, 2019: 6].

Пока на Арабском Востоке можно насчитать не более 10–11 стран, способных именно средствами генерирования чистой электроэнергии добиться ощутимого прогресса в решении экологических проблем. Наиболее четкие очертания борьба с повышением температуры окружающей среды приобретает в арабских странах Персидского залива. Они фактически существуют в наиболее жестком режиме полной засухи при отсутствии поверхностного водостока и дефиците подземных источников воды и вынуждены принимать все доступные меры для поддержания своей жизнеспособности.

В настоящий момент на Арабском Востоке наибольший прогресс наблюдается в реализации комбинированных проектов получения солнечной энергии. Один проект такого рода, Noor Energy 1 (4,3 млрд долл.), расположен в Дубае и имеет в своем составе помимо фотоэлектрических модулей самый высокий в мире концентратор солнечной энергии, способный выдавать после ввода в строй в 2022 г. 3 тыс. МВт¹³. Весьма примечателен также пример марокканского проекта

¹² Севостьянов П.И., Шунков В.Е. Мнимые и реальные проблемы ветровой энергетики // НГ-Энергия. 07.02.2021. Доступ: https://nvo.ng.ru/energy/2022-02-07/12_8365_problems.html (дата обращения: 04.02.2022).

¹³ Noor Energy 1 // NS Energy. Available at: <https://www.nsenegybusiness.com/projects/noor-energy-1-power-plant-dubai/> (accessed: 04.02.2022).

Орзаат. Марокко уже является нетто-экспортером электроэнергии в Испанию и, по некоторым данным, рассматривает возможность реализации в 2024 г. поставок электричества в Великобританию по кабелю длиной более 15 тыс. км [Scott, 2021].

Показательно, что в ожидании успеха этого проекта заранее исследуются возможности трансмиссии электричества по сетям высокого напряжения из центров его выработки в КСА, ОАЭ, Кувейте, Омане, Египте, Ираке, Ливии, Тунисе, Алжире и Марокко (которые рассчитывают нарастить свои мощности ВИЭ на 20–30% к 2030 г.) в направлении Европы и Южной Азии [Saab, 2017].

Вместе с тем при всей привлекательности подобных проектов у них есть серьезные ограничители, которые могут сказываться на будущем как отдельных объектов, так и вообще отрасли как таковой, особенно если технологии передачи энергии не будут усовершенствованы.

Много технических трудностей возникает при прокладке и эксплуатации линий постоянного тока. Например, они предъявляют повышенные требования к оборудованию электроподстанций в связи с особенностями передачи тока через приборы и устройства с неравномерным распределением напряжения, что снижает надежность работы цепей. Эти трудности минимизируются при трансмиссии на дальние расстояния, но это означает, что на малых дистанциях такой способ в основном удовлетворяет запросы лишь мелких потребителей, например домашних хозяйств. Постоянный ток имеет и свои преимущества, но преобразование его в переменный связано с дополнительными затратами на соответствующее оборудование, что может ограничивать спрос.

Кроме того, ВИЭ остро ставят проблему хранения энергии. Для ее решения приходится выстраивать объемные последовательно соединенные секции аккумуляторных батарей, позволяющих накапливать энергию в условиях «двухтактного» чередования времени суток и изменчивости скорости воздушных потоков, если речь идет о ветровых турбинах, что нарушает ритмичность энергогенерации.

Недостаточная емкость доступных накопителей дает Международному энергетическому агентству основания утверждать, что доля геотермальной энергии в мировой генерации может вырасти к 2040 г. лишь на 11%, при том что доля соответствующих мощностей увеличится,

по прогнозам, до 24%. В этом случае гелиоэнергия сможет наиболее успешно конкурировать с углем как самым грязным видом топлива, отказ от которого возможен быстрее всего¹⁴.

Вопрос о емкости аккумуляторов весьма актуален с точки зрения экономической эффективности соединения производителей и потребителей энергии в одну цепь. Речь идет о проблеме сохранения эквивалентного баррелю нефти количества энергии, полученной альтернативным способом в широко применяемых накопителях, которые сейчас способны обеспечить «только два часа национального энергопотребления», что крайне ограничивает возможности этого способа генерации [Mills, 2019: 7].

Однако рынок реагирует на спрос и начинает предлагать новые аккумуляторные системы в виде литий-ионных накопителей с маховиками, которые способны служить до 15 лет и могут дольше обычного поддерживать выходную мощность и напряжение, работая в паре с гибридными электростанциями¹⁵.

Перспективные технологии пока не имеют широкой индустриальной подложки, но сегодня эти предлагаемые рынку разработки, видимо, можно рассматривать как весомый шаг к качественному сдвигу в отрасли, и в перспективе они смогут подтолкнуть прогресс в нужном направлении, включив более совершенный инструментарий в арабскую энергетическую практику. Тем более что альтернативная энергетика в виде солнечных и ветровых преобразователей более доступна для пользователей, поскольку относительно небольшие расходы на строительство и эксплуатацию инфраструктуры под них вкуче с емкими накопителями компенсируют «родовой» недостаток альтернативных способов генерации в виде «рваного» режима работы. Это общие для отрасли слабые звенья, но в арабской среде они априори могут преодолеваются с меньшей эффективностью, особенно применительно к менее экономически динамичным государствам региона.

Помимо технических аспектов, в той или иной мере усложняющих функционирование системы зеленой энергетики, существуют

¹⁴ Невельский А. Солнечная энергия уже может конкурировать с углем // Ведомости. 19.02.2020. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/02/19/823408-solnechnaya-energiya-uglem> (дата обращения: 19.02.2022).

¹⁵ Накопители энергии // Институт энергетики. Высшая школа экономики. Доступ: <https://energy.hse.ru/accenergy> (дата обращения: 17.03.2022).

и другие, не менее важные факторы, связанные с экономическими причинами. Это в первую очередь проблемы с ценообразованием, формированием рынка чистой энергии, выбором моделей финансирования отрасли, налогообложением. Иными словами, ситуация с ВИЭ должна рассматриваться не как бесспорно обреченная на успех, а как сложный процесс, в рамках которого зеленым технологиям только предстоит ответить на вопрос, есть ли альтернатива тому, как «работает сегодняшняя индустриальная экономика»¹⁶.

Анализ опыта передовых арабских стран в области внедрения ВИЭ

На общем фоне усилий арабских стран в области разработки и внедрения зеленых технологий заметно выделяются Объединенные Арабские Эмираты, которые лидируют едва ли не по всем направлениям в сфере реализации планов борьбы с изменением климата и являются активным участником всех глобальных мероприятий по климатической тематике. Признанием заслуг этого государства стало решение последней Конференции сторон в Глазго провести ближайший COP27 именно в Эмиратах.

Действительно, их активность в рассматриваемой области впечатляет: ОАЭ основали платформу ускоренного финансирования энергетического перехода стоимостью в 1 млрд долл.; объявили о всеобъемлющем плане поддержки национальных отраслей с низким уровнем выбросов углерода; приняли программу расширения мангровых лесов до 483 кв. км, чтобы те могли к 2030 г. поглощать до 115 тыс. т углекислого газа в год; снизили стоимость вырабатываемой солнечной энергии; инициировали ряд других амбициозных проектов, призванных подчеркнуть их место в мировой климатической проблематике.

В то же время руководство страны демонстрирует понимание того, что в близком к экстремальному климате поддержать курс на сокращение парниковых газов только за счет зеленых технологий в обозримой перспективе будет сложно. Выход видится, в частности, в использовании ядерной энергетики, которая может в существен-

¹⁶ Вачнадзе Г. Семь неудобных фактов о «зеленой» энергетике, о которых молчат СМИ // VC.ru. Available at: <https://vc.ru/future/90256-sem-neudobnyh-faktov-o-zelenoy-energetike-o-kotorih-molchat-smi> (accessed: 02.03.2022).

ном объеме заместить традиционные способы выработки электричества и минимизировать давление климатического фактора. В середине 2020 г. был запущен первый блок атомной электростанции Барака в Абу-Даби. После ввода остальных трех блоков страна обеспечит 25% своих потребностей в безопасной энергии и таким образом сможет предотвратить выброс 21 млн т углекислого газа¹⁷. В качестве следующего шага принято решение с 2022 г. переводить всю национальную энергосеть исключительно на атомную и солнечную энергию.

Кроме Эмиратов на субконтиненте атомная тематика привлекательна в настоящий момент только для Саудовской Аравии. В целях поддержания своего влияния в регионе королевство предполагает за 2020–2030 гг. ввести в строй 40–60 атомных реакторов мощностью до 60 ГВт для покрытия базовой нагрузки и еще 50 ГВт под пиковую нагрузку [Лучиани, 2012: 27]. Другие монархии не заявляют о ядерных амбициях, ограничиваясь стандартными средствами получения зеленой энергии и считая, что удешевление фотоэлектрических панелей и наращивание инвестиций в новую отрасль будут содействовать ее дальнейшему подъему.

За пределами субконтинента только в Египте с конца 2021 г. при участии России началось строительство АЭС в составе четырех энергоблоков мощностью 2,4 ГВт, которое планируется завершить к 2027 г. Проект отвечает амбициозным намерениям страны, уже становящейся крупным энергетическим хабом в своей части арабского мира. АРЕ стремится создать всю линейку энергетических производств, чтобы не только существенно нарастить продвижение к устойчивому росту и реализовать программу зеленых технологий, но и поддержать свои претензии на ведущую экономическую и политическую роль в регионе.

Эмираты как лидер арабского движения за освобождение от карбоновой зависимости экспериментируют со всеми известными ныне способами получения чистой энергии, в том числе с водородом, которому пророчат большое будущее. В 2021 г. в Дубае был инициирован первый проект промышленного значения для получения чистого водорода на базе солнечной энергии. А на COP26 была пред-

¹⁷ Восканян Е. Нулевые выбросы как эталон климатических амбиций // Энергетика и промышленность России. 2021. № 23-24 (427-428). Доступ: <https://www.eprussia.ru/epr/427-428/9309261.htm> (дата обращения: 11.02.2022).

ставлена Дорожная карта, в которой зафиксирована лидирующая роль ОАЭ в освоении этого источника энергии и подчеркнута намерение страны стать крупным экспортером водорода как чрезвычайно конкурентоспособного вида топлива. Эти планы также исходят из возможностей атомной энергии, которая позволяет производить водород посредством электролиза воды, экономить нефтегазовые ресурсы, исключать выбросы продуктов сжигания в атмосферу и высвободить мощности солнечных генераторов. Более того, водород полезен и тем, что добавление 10% этого газа по массе к метану в два раза снижает вред от выбросов двуокиси углерода, и одно это можно рассматривать как действенное средство обезвреживания промышленных и иных выбросов¹⁸.

Главным конкурентом Эмиратов на этом направлении также является Саудовская Аравия, которая демонстрирует намерение не отставать от ОАЭ и заявляет о своей готовности использовать альтернативные источники для производства зеленого водорода и аммиака и превратиться в крупнейшего в мире поставщика данной продукции объемом 1,2 млн т в год¹⁹.

Можно заключить, что ОАЭ действительно выступают в этой области в качестве главной динамической силы, стимулируя соперничество и желание поддержать свое лидерство в глазах ближайших соседей. Саудовская Аравия, как видно, прилагает значительные усилия, чтобы нагнать Эмираты. Остальные княжества Персидского залива «раскачиваются» медленнее. Тем не менее и их достижения в области новейших технологий заслуживают внимания. Эта тенденция наблюдается и в сфере освоения технологий возобновляемой энергетики.

Эмираты как амбициозный борец за устойчивое развитие в регионе стремятся диверсифицировать возможности достижения целей национальной климатической стратегии, в том числе за счет

¹⁸ Левицкий Л. Стоимость ветряной электроэнергии должна сравняться с традиционной к 2036 году // Парламентская газета. 21.02.2021. Доступ: <https://www.pnp.ru/social/stoimost-vetryanoy-elektroenergii-dolzha-sravnyatsya-s-tradicionnoy-k-2036-godu.html> (дата обращения: 20.02.2022).

¹⁹ Espay R. Saudi-Arabiens ehrgeizige Pläne bieten Chancen // Germany Trade and Invest. 22.12.2021. Available at: <https://www.gtai.de/de/trade/saudi-arabien/wirtschaftsumfeld/saudi-arabiens-ehrgeizige-plaene-bieten-chancen-248578> (accessed: 13.03.2022).

создания индустриального по масштабам проекта улавливания и хранения двуокиси углерода, производимой промышленными предприятиями. Это наиболее безопасный способ улавливания углеродов, хотя и самый дорогостоящий, поскольку хранение поступающих продуктов обходится в 600 долл. за тонну. Перспективы снижения цены в трехкратном размере пока только предполагаются.

Эксперты прогнозируют, что удерживаемая в хранилищах доля в 90–99% выбросов в течение 100 лет или 60–95% на протяжении 500 лет в зависимости от места размещения окажется, даже при многих неопределенностях, достаточно приемлемой, чтобы обеспечить целесообразность использования подобного способа хранения газа для смягчения воздействия на климат²⁰.

Помимо Эмиратов такое же крупномасштабное хранилище поступивших от промышленных объектов парниковых газов имеется и у Саудовской Аравии. Однако этих емкостей не хватает, чтобы надежно защитить климат от излишков двуокиси углерода. В начале текущего десятилетия к процессу присоединился и Оман, который располагает колоссальными потенциальными хранилищами в горных породах, способными работать по технологии прямого поглощения газа из воздуха и вместить 50 млн т CO₂.

Впрочем, даже успешная реализация всех этих проектов обеспечит очень скромный вклад в защиту климатической константы, поскольку глобальные выбросы углекислого газа в одном только 2021 г. могли вырасти на 5% и достигнуть 33 млрд т²¹.

ВИЭ могут оказаться полезными для компенсации недостатков других технологий электрогенерации. Так, ядерная энергетика, как было отмечено, может рассматриваться как большое подспорье в реализации стратегии нулевых выбросов, но имеет и определенные трудноустраняемые косвенные недостатки. Яркой иллюстрацией может служить проблема опреснения морской воды. В зоне Пер-

²⁰ Улавливание и хранение двуокиси углерода. Межправительственная группа экспертов по изменению климата. Специальный доклад. 2005. С. 45 // Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). Доступ: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/srccs_spm_ts_ru-1.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

²¹ Gebeily M. Could a small Arab state hold the key to net zero emissions? // Reuters. 03.11.2021. Available at: <https://www.reuters.com/business/cop/could-small-arab-state-hold-key-net-zero-emissions-2021-11-03/> (accessed: 17.03.2022).

сидского залива сосредоточено 60–70% гигантских опреснительных заводов, работающих на газе, которые выбрасывают в атмосферу огромные количества двуокси углерода. Атомная энергетика могла бы быть крайне полезна для снижения напряженности на этом участке. Но тепловые выбросы от процессов обессоливания морской воды не могут быть устранены, поскольку «сладкая», как ее называют арабы, питьевая вода образуется методом многократного нагревания теплоносителя, испарения которого так или иначе просачиваются вонне. Кроме того, атомная энергетика бессильна и против проблемы засоления вод неглубокого Персидского залива, возможность естественной регенерации акватории которого ограничена из-за узкого Ормузского пролива. Лимитированный приток свежей морской воды крайне негативно сказывается на состоянии флоры и фауны, что ведет в перспективе к деградации среды обитания.

С этой точки зрения станции концентрированной солнечной энергии наиболее отвечают потребностям защиты окружающей среды и одновременно рассматриваются как весьма эффективный источник крупномасштабного производства возобновляемой энергии. В активной фазе они могут работать в течение 30 лет, и по завершении этого срока более 90% оборудования, т.е. зеркала и линзы, может быть использовано вновь, а оставшиеся материалы в виде расплава соли и синтетического масла подлежат переработке.

ВИЭ уже не являются абсолютной новинкой на Арабском Востоке, но всё же опыт их использования еще только набирается. Этим объясняется относительная скудость данных о последствиях их применения. Так, с одной стороны, очевидно, что фотоэлектрические панели в процессе эксплуатации не нанесут ущерба окружающей среде и основные трудности вызваны только необходимостью регулярно очищать их поверхность и охлаждать их во избежание перегрева. С другой стороны, по прогнозу, к 2050 г. в мире накопится до 78 млн т отслуживших солнечных панелей, что ежегодно будет увеличивать поступление электронных отходов на 6 млн т, для которых стандартные методы переработки не подходят, а в большинстве стран нет четкого понимания, как противостоять этому наплыву²². Очевидно, что арабский вклад в эти объемы будет невелик, но для

²² Solar panels are starting to die, leaving behind toxic trash // WIRED. Available at: <https://www.wired.com/story/solar-panels-are-starting-to-die-leaving-behind-toxic-trash/> (accessed: 10.03.2022).

арабских государств и он создаст проблемы, особенно неприемлемые в связи с хрупкостью природной среды и наверняка негативным ее откликом на любое дополнительное вмешательство.

В свете этого напрашивается решение в виде создания неких национальных производств или даже новых отраслей, поскольку только в рамках специализированного подхода можно организовать безопасную утилизацию вала фотоэлектрических отходов, тем более что они содержат такие ценные материалы, как серебро и кремний, а также экологически небезопасные кадмий, селен, свинец, уничтожение которых требует соблюдения жестких стандартов.

Ситуация с ветровыми турбинами оказывается еще более неоднозначной. Они капризны к центровке генераторов по оси максимального ветрового потока и (теоретически) способны отрицательно воздействовать на живую природу и человека шумом, инфразвуком и электромагнитным излучением, хотя, будучи установленными с соблюдением санитарных норм, часто признаются безопасными.

Сложности для экологии возникают и в связи с проблемой утилизации лопастей, которые производятся из ценных композитных материалов, гарантирующих небольшой вес и достаточную прочность. Но существующие методы их утилизации либо примитивны, поскольку отправляют в отвал ценные металлы, либо затратны и требуют доработок.

* * *

Можно заключить, что арабский мир проявляет значительный интерес к новым экономическим, экологическим, климатическим и другим императивам, вторгающимся в его жизнь в современных условиях. Проблема в том, что эта активность носит крайне неравномерный характер, лишней раз подчеркивая разницу в развитии государств региона.

Лидеры по внедрению ВИЭ в арабском мире, преследуя чисто утилитарные цели, реализуют ряд действительно грандиозных проектов, но они не отражают в полной мере реальное положение дел в регионе, большинство стран которого по валовым показателям едва ли способны коренным образом изменить структуру своей электрогенерации и включиться в единый климатический фронт. Амбициозность проектов в области ВИЭ ряда арабских стран-нефтеэкспортеров обусловлена тем, что их бюджеты на будущее в

значительной мере защищены гарантированным спросом на углеводороды, которые, перестав быть источником энергии, в любом случае останутся основой нефтехимии и нефтепереработки. У нефтедефицитных субъектов арабского мира такой уверенности в будущем быть не может. Тем не менее они, скорее всего, будут склонны продолжать свои программы ВИЭ, которые постепенно дешевеют в связи с развитием соответствующих технологий. Основную ставку эти страны будут делать на проекты солнечно-ветровой генерации, пусть даже на уровне низшего эксплуатационного звена, ассоциируемого с домашним хозяйством или кустарным производством.

При этом арабские элиты в массе своей не готовы к тому, чтобы безоговорочно принимать западные подходы и установки в области «озеленения» экономики и энергетического обновления. Это объясняется прежде всего объективной нехваткой в развивающемся мире материальных ресурсов для массированного внедрения зеленых технологий.

Указанные тенденции, присущие арабскому миру, в миниатюре отражают глобальные противоречия. Инициаторы международного движения за климатическое здоровье планеты, преследуя собственные политические цели, приложили немало усилий, чтобы вовлечь в него максимальное число государств, доказывая всеми способами, как велика выгода от этого марша для существования жизни на Земле. Эта мысль в итоге проникла и в менее мотивированные общества, которые согласились, в принципе, с доводами «пропагандистов», но уже на начальных этапах претворения таких планов в жизнь стали осознавать, что декларируемые задачи осуществимы только до определенного предела, очерченного возможностями инвестирования. К тому же и сама зеленая идея в современной своей интерпретации остается предметом дискуссий.

Ситуация лишь усугубляется явным нежеланием ведущих акторов оказывать действенную материальную помощь развивающимся странам в деле внедрения зеленых технологий. Вместо этого государства-лидеры в достаточно назидательном тоне призывают последних активнее мобилизовывать внутренние ресурсы.

В этих условиях арабский мир крайне осторожен в принятии рискованных дорогостоящих решений в области энергетики и климатической политики, предпочитая выжидательную стратегию, чем

и обуславливается известная инертность в сфере ВИЭ, демонстрируемая большинством стран Арабского Востока.

Движение арабского мира в сторону чистой энергетики может быть еще больше замедлено энергокризисом на Западе, вызванным санкциями против Российской Федерации и необходимостью возвращаться к испытанным средствам получения энергии. Этот кризис может укрепить сомнения арабских стран относительно способности энергетического перехода на нынешнем техническом уровне гарантированно обеспечить экономический рост и социальное развитие за счет возможностей одной только зеленой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабский Восток: зеленый рост и вызовы современности / Отв. ред. А.О. Филоник. М.: Институт востоковедения РАН, 2019.
2. Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России. Экспертный доклад / Под ред. А.Ю. Иванова, Н.Д. Дурманова. М.: ВШЭ, 2021.
3. Ергин Д. В поисках энергии. Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики. М.: Альпина Паблишер, 2019.
4. Кокорин А.О., Смирнова Е.В., Замолдчиков Д.Г. Изменение климата. М.: Всемирный фонд дикой природы, 2013.
5. Кузык К.Н., Яковец Ю.В. Россия: стратегия перехода к водородной энергии. М.: Институт экономических стратегий, 2007.
6. Лучиани Д. Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива: в чем целесообразность? // Индекс безопасности. 2012. Т. 18. № 2 (101). С. 27–36.
7. Опустынивание засушливых земель в России / Отв. ред. В.М. Котляков. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009.
8. Сланцевая революция и глобальный энергетический переход / Под ред. Н.А. Иванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
9. Coyle E.D., Simmons R.A. Understanding the global energy crisis. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2014.
10. Klein N. On fire. The case for a green new deal. New York: Simon & Schuster, 2019.
11. Luchinskiy A. Renewable energy sources in modern conditions. 2019.
12. Lynas M. Nuclear 2.0: Why a green future needs nuclear power. Chicago: UIT Cambridge Ltd., 2014.
13. Mills M.P. The 'New energy economy': An exercise in magical thinking // Manhattan Institute Report. 2019. Available at: <https://media4.manhattan-institute.org/sites/default/files/R-0319-MM.pdf> (accessed: 09.03.2022).

14. Saab N. The Arab environment in ten years. Instability challenges sustainability // *Quaderns de la Mediterrània* 25. 2017. European Institute of the Mediterranean. Available at: <https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/05/The-Arab-Environment-in-Ten-Years.-Instability-Challenges-Sustainability.pdf> (accessed: 05.03.2022).

15. Scott A. Exporting MENA sunshine to the world // *Nature Middle East*. 2021. Available at: <https://www.natureasia.com/en/nmiddleeast/article/10.1038/nmiddleeast.2021.89> (accessed: 26.02.2022). DOI: 10.1038/nmiddleeast.2021.89.

16. Yergin D. *The new map. Energy, climate, and the clash of nations*. New York: Penguin Books, 2020.

REFERENCES

1. Filonik A.O. (ed.). 2019. *Arabskii Vostok: zelenyi rost i vyzovy sovremenosti* [Arab East: Green growth and contemporary challenges]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

2. Ivanov A.Yu., Durmanov N.D. (eds.). 2021. *Bitva za klimat: karbonovoe zemledelie kak stavka Rossii. Ekspertnyi doklad* [The battle for climate: Carbon farming as Russia's stake. Expert report]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russ.)

3. Yergin D. 2012. *The quest: Energy, security, and the remaking of the modern world*. New York, Penguin Books [Russ. ed.: Ergin D. V poiskakh energii. Resursnye voiny, novye tekhnologii i budushchee energetiki. Moscow, Alpina Publisher].

4. Kokorin A.O., Smirnova E.V., Zamolodchikov D.G. 2013. *Izmenenie klimata* [Climate change]. Moscow, World Wildlife Fund Publ. (In Russ.)

5. Kuzyk K.N., Yakovets Yu.V. 2007. *Rossiya: strategiya perekhoda k vodorodnoi energii* [Russia: The transition strategy to hydrogen energy]. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategii Publ. (In Russ.)

6. Luciani G. 2012. Atomnaya energetika v arabskikh stranakh Persidskogo zaliva: v chem tselesoobraznost'? [Nuclear energy in the Arab Gulf states: The rationale]. *Indeks bezopasnosti*, vol. 18, no. 2 (101), pp. 27–36. (In Russ.)

7. Kotlyakov V.M. (ed.). 2009. *Opustynivanie zasushlivykh zemel' v Rossii* [Desertification of drylands in Russia]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. (In Russ.)

8. Ivanov N.A. (ed.). 2019. *Slantsevaya revolyutsiya i global'nyi energeticheskii perekhod* [Shale revolution and the global energy transition]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. (In Russ.)

9. Coyle E.D., Simmons R.A. 2012. *Understanding the global energy crisis*. West Lafayette, Indiana, Purdue University Press.

10. Klein N. 2019. *On fire. The case for a green new deal*. New York, Simon & Schuster.
11. Luchinskiy A. 2019. *Renewable energy sources in modern conditions*.
12. Lynas M. 2014. *Nuclear 2.0: Why a green future needs nuclear power*. Chicago, UIT Cambridge Ltd.
13. Mills M.P. 2019. *The 'New energy economy': An exercise in magical thinking*. Manhattan Institute Report. Available at: <https://media4.manhattan-institute.org/sites/default/files/R-0319-MM.pdf> (accessed: 09.03.2022).
14. Saab N. 2017. The Arab environment in ten years. Instability challenges sustainability. *Quaderns de la Mediterrània* 25. The European Institute of the Mediterranean. Available at: <https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/05/The-Arab-Environment-in-Ten-Years.-Instability-Challenges-Sustainability.pdf> (accessed: 05.03.2022).
15. Scott A. 2021. Exporting MENA sunshine to the world. *Nature Middle East*. Available at: <https://www.natureasia.com/en/nmiddleeast/article/10.1038/nmiddleeast.2021.89> (accessed: 26.02.2022). DOI: 10.1038/nmiddleeast.2021.89.
16. Yergin D. 2020. *The new map. Energy, climate, and the clash of nations*. New York, Penguin Books.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.07.2022;
принята к публикации 14.08.2022

The paper was submitted 29.03.2022;
approved after reviewing 11.07.2022;
accepted for publication 14.08.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-173-208

Научная статья / Research paper

К.А. Исаев*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ВЕНЕСУЭЛЫ: ОТ У. ЧАВЕСА ДО Н. МАДУРО

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Боливарианская Республика Венесуэла переживает глубокий политический и экономический кризис, который усугубляется жесткими ограничительными мерами, введенными против страны США и их союзниками. В подобных условиях большое значение приобретает фактор внешней экономической поддержки. Одним из важнейших ее источников в последние годы была Российская Федерация, активно использовавшая в этих целях широкий арсенал инструментов экономической дипломатии. В данной статье предпринята попытка на основе широкого массива официальных источников, а также работ современных отечественных и зарубежных исследователей выявить особенности развития экономической дипломатии России в отношении Венесуэлы в период президентства У. Чавеса (1999–2013) и Н. Мадуро (2013 г. — н.в.). Автор отмечает, что уже в первый рассматриваемый период произошла институционализация двустороннего экономического сотрудничества. Наиболее интенсивное взаимодействие развернулось в топливно-энергетической и военно-технической сферах. Механизмы экономической дипломатии России включали прежде всего выдачу государственных и частных кредитов, предоставление инвестиций, выплату денежных вознаграждений за возможность разрабатывать богатые углеводородами месторождения. Приход к власти нового президента Венесуэлы Н. Мадуро сопровождался резким обострением политической и экономической ситуации в стране, которая дополнительно осложнялась экономическими санкциями со стороны США. Эти санкции затрагивали также российские проекты в республике. Несмотря на это, Москва продолжала оказывать Венесуэле существенную поддержку посредством

* *Исаев Кирилл Алексеевич* — аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: Isaev.Kiril@mail.ru).

уже проверенных механизмов экономической дипломатии, которые дополнились рядом новых, включая реструктуризацию проблемной задолженности и осуществление авансовых поставок продукции. В то же время автор отмечает, что помощь эта носит скорее точечный характер, затрагивая лишь отдельные сферы, в основном нефтегазовую и военно-техническую, и ее масштабы недостаточны для полного преодоления экономического кризиса в Венесуэле. В этих условиях особое значение приобретает внутриэкономическая политика венесуэльского правительства. Благодаря осуществляемым с 2018 г. либеральным экономическим реформам в Венесуэле на сегодняшний день наметилась тенденция к выходу из экономического кризиса. В заключение автор приводит перечень мер и инструментов, которые могла бы применить Российская Федерация в рамках помощи Венесуэле и которые позволили бы закрепить эту положительную тенденцию.

Ключевые слова: Венесуэла, экономическая дипломатия, стимулирующие инструменты, российско-венесуэльские отношения, энергетическое сотрудничество, военно-техническое сотрудничество, У. Чавес, Н. Мадуро, Х. Гуайдо, «Роснефть»

Для цитирования: Исаев К.А. Экономическая дипломатия России в отношении Венесуэлы: от У. Чавеса до Н. Мадуро // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 173–208. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-173-208.

Kirill A. Isaev

**ECONOMIC DIPLOMACY OF RUSSIA
TOWARDS VENEZUELA:
FROM H. CHAVES TO N. MADURO**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The Bolivarian Republic of Venezuela faces a deep political and economic crisis that is exacerbated by severe restrictive measures imposed against it by the United States and their allies. In these circumstances, the availability of external economic support becomes particularly important. In recent years, Russia has become one of the key donors for Venezuela with a wide range of economic diplomacy tools at its disposal. Drawing upon official data, as well as recent findings of Russian and foreign researchers, the present paper examines the evolution of Russian economic diplomacy towards Venezuela during the

presidency of H. Chavez (1999–2013) and N. Maduro (2013 — present). The author emphasizes that bilateral economic cooperation was already institutionalized under H. Chavez. The most intense interaction took place in the energy and military-technical fields. The mechanisms of Russian economic diplomacy included primarily public and private loans, investments, and payments for the permission to develop Venezuelan oil deposits. The election N. Maduro was accompanied by a dramatic deterioration of political and economic situation in the country. The crisis was further aggravated by economic sanctions imposed by the US. The latter also affected Russian projects in the republic. However, Russia continued to provide significant support to Venezuela, both through already proven mechanisms of economic diplomacy and a number of new ones, including sovereign debt restructuring and advance delivery of goods. At the same time, the author notes that this assistance remains rather isolated and limited, it affects only specific areas, mainly oil and gas and military-technical cooperation, and its volume is insufficient to effectively address the economic crisis in Venezuela. In this context, the domestic economic policy of the Venezuelan government is of particular importance. Indeed, liberal economic reforms carried out since 2018 were helpful for recovery from the economic crisis. In this connection, the author provides a list of measures and mechanisms Russia could implement in the framework of economic diplomacy to ensure this positive trend.

Keywords: Venezuela, economic diplomacy, incentive tools, Russian-Venezuelan relations, energy cooperation, military-technical cooperation, H. Chavez, N. Maduro, J. Guaido, Rosneft

About the author: Kirill A. Isaev — PhD Candidate, Chair of International Relations and Integration Processes, School of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: Isaev.Kiril@mail.ru).

For citation: Isaev K.A. 2022. Economic diplomacy of Russia towards Venezuela: From H. Chaves to N. Maduro. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 173–208. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-173-208. (In Russ.)

Начало активного сближения между Россией и Венесуэлой в политической, экономической, военно-технической, образовательной и иных сферах на современном этапе было связано с приходом к власти в данной латиноамериканской стране президента У. Чавеса в 1999 г. За первые десять лет XXI в. был создан фундамент двусторонних отношений, которые стали носить стратегический характер [Дабагян, 2012: 112]. Важным событием было провозглашение У. Чавесом в

2007 г. цели построения «социализма в XXI веке», которая подразумевала проведение латиноамериканскими государствами независимого внешнеполитического и внешнеэкономического курса, а также противостояние американской гегемонии в регионе [Дабагян, 2013: 140]. Данное обстоятельство обуславливало сближение Венесуэлы со странами (в числе которых и Россия), не разделяющими идею американского мирового лидерства.

В апреле 2013 г. состоялись досрочные президентские выборы в Венесуэле, связанные с неожиданной смертью У. Чавеса из-за тяжелой болезни, победу на которых одержал его последователь Н. Мадуро. Несогласие оппозиции с их итогом и продолжением курса, начатого предыдущим президентом Венесуэлы, привели к глубокому политическому кризису, который продолжается по сей день, по цепочке затронул все сферы жизни общества, включая экономическую и социальную, и вышел за национальные рамки. В результате Венесуэла стала ареной ярко выраженного противостояния России и США. Политическая и экономическая турбулентность, осложняющаяся введением экономических санкций Вашингтоном и его союзниками в целях свержения действующего правительства, является серьезной угрозой для сохранения власти в руках венесуэльского президента.

Одна из важнейших задач для руководства Боливарианской Республики — преодоление затяжного экономического кризиса, что позволило бы повысить уровень доверия населения к действующему президенту и в конечном счете стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку. В настоящих условиях перспективы выхода Венесуэлы из экономического коллапса только за счет собственных усилий выглядят малореалистичными, что придает особое значение фактору внешней экономической поддержки действующего правительства. Одним из важнейших источников такой поддержки в последние годы была Российская Федерация, активно использовавшая в этих целях широкий арсенал инструментов экономической дипломатии (ЭД).

Проблематика ЭД неоднократно становилась предметом рассмотрения в научной литературе. Так, среди отечественных авторов, уделяющих пристальное внимание определению ЭД (без которого невозможно понять и специфику собственно стимулирующих инструментов), необходимо выделить И.А. Орнатского, И.Д. Иванова,

Т.В. Зонову, А.Б. Курлова [Орнатский, 1980; Иванов, 2001; Зонова, 2003; Курлов, 2020]. По мнению И.А. Орнатского, ЭД подразумевает «использование государствами дипломатических методов и экономических средств как на двусторонней, так и на многосторонней основе для обеспечения внешнеэкономических интересов и определенных политических целей» [Орнатский, 1980: 4].

Другой российский специалист, И.Д. Иванов, определяет ЭД как «совокупность организационно-правовых институтов и действий во внешнеполитической сфере с опорой на национальные интересы и скоординированное взаимодействие государственных и негосударственных структур в целях обеспечения устойчивого развития страны и ее экономической безопасности в условиях глобализации» [Иванов, 2001: 318].

Ученые подчеркивают, что список акторов ЭД не ограничивается государственными органами (министерства иностранных дел, экономики, финансов, обороны и др.), но также включает: частный бизнес и лоббистские группы, негосударственные организации, региональные и международные структуры [Turvey, 2014: 6]. Это наблюдение особенно актуально в контексте темы данного исследования: на наш взгляд, акторы ЭД России представлены как государственными органами (например, Министерством иностранных дел, Министерством обороны, Министерством экономического развития, Министерством промышленности и торговли и т.д.), так и различными компаниями, а также бизнес-структурами (ПАО «НК Роснефть», ПАО «Лукойл», ПАО «КАМАЗ», АО «ГК Калашников», ООО «ГЕРОФАРМ» и др.). Система субъектов ЭД Венесуэлы также включает федеральные органы исполнительной власти и государственные компании (например, крупнейшую государственную нефтяную компанию Венесуэлы PDVSA). Стоит отметить, что немаловажную роль в процессе имплементации стимулирующих инструментов ЭД России играет личный фактор — деятельность отдельных политиков (У. Чавес, Н. Мадуро, В.В. Путин, И.И. Сечин и др.).

В настоящее время наиболее востребованными стимулирующими инструментами ЭД, применяемыми страной-субъектом в отношении страны-объекта, являются: предоставление государственных кредитов, грантов, реструктуризация долгов, ликвидация тарифных барьеров, различного рода торговые преференции

и др. [Морозкина, 2019: 90]. М.В. Братерский включает в данный инструментарий также инвестиции и иные инструменты оказания финансово-экономической помощи [Невоенные рычаги внешней политики России, 2012: 178].

Как отмечают исследователи, практика применения стимулирующих инструментов ЭД должна носить комплексный и диверсифицированный характер, поскольку восстановление и поддержание только одного сектора экономики страны-объекта не позволят достичь структурных успехов и вывести ее на новый уровень развития [Chatterjee et al., 2022: 194].

Что касается непосредственно российско-венесуэльского сотрудничества, то оно неоднократно становилось предметом специального изучения как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В частности, Э.С. Дабагян и А.Н. Пятаков считают, что двигателем российско-венесуэльских отношений в начале XXI в. были прежде всего политические соображения [Дабагян, 2012: 112; Пятаков, 2020: 11]. Труды С.С. Гореславского, К.А. Федотовой, О.Б. Кошконец, Н.А. Ганичева, Т.И. Малашенко посвящены эволюции кооперации между двумя государствами по линии военно-технического сотрудничества (ВТС) [Чемезов, Гореславский, 2019: 32; Федотова, 2019: 27; Кошовец, Ганичев, 2015: 131; Малашенко, 2019: 140]. Особый интерес с точки зрения темы работы представляют исследования О. Виноградовой, Н.А. Осипцовой, И.А. Буковой, которые уделяют значительное внимание сотрудничеству России и Венесуэлы в топливно-энергетическом секторе [Осипцова, 2018; Букова, 2010]¹.

Необходимо также отметить таких специалистов, как Д.М. Розенталь и З.В. Ивановский, акцентирующих свое внимание на причинах и ходе политического и экономического кризиса в Венесуэле [Розенталь, 2018; Ивановский, Розенталь, 2020]. Данные сюжеты подробно освещены и в зарубежной политической науке [Briseno-Ruiz, 2020; Mu, Hu, 2018]. Отдельного внимания отечественных и западных исследователей удостоилась проблема вмешательства США в дела этой латиноамериканской страны в рамках операции «Гедеон» [Манойло, Стригунов, 2020; Ramsey, Smilde, 2020: 9]. С точки зрения изучения практики санкционного давления Вашингтона на

¹ Виноградова О. Российский апстрим: Латинская Америка // Нефтегазовая вертикаль. 2011. № 11. С. 30–34.

режим Н. Мадуро особого внимания заслуживают труды И.Н. Тимофеева и Н.И. Дмитриевой [Тимофеев, 2021: 6; Дмитриева, 2015: 131]. Экономические реформы, инициированные в этих условиях Н. Мадуро, были рассмотрены в работах А. Росалеса, М. Хименез и А.М. Чуйковой [Rosales, Jimenez, 2021: 436; Чуйкова, 2021: 29].

В рамках данной статьи предпринимается попытка проследить эволюцию и выявить ключевые особенности применения инструментов ЭД Российской Федерацией в отношении Боливарианской Республики. В этой связи представляется целесообразным провести сравнительный анализ практики использования Россией данного инструментария по отношению к Венесуэле в период президентских сроков У. Чавеса (1999–2013) и Н. Мадуро (2013 г. — н.в.).

Стимулирующие инструменты экономической дипломатии России в отношении Венесуэлы при президенте У. Чавесе (1999–2013)

Создание фундамента двусторонних отношений России и Венесуэлы на современном этапе связано с приходом к власти лево-радикального президента Боливарианской Республики У. Чавеса в 1999 г., определившего вектор развития страны, который реализуется по сей день. Сближение Москвы и Каракаса в начале 2000-х годов преимущественно проходило в политической сфере [Пятаков, 2020: 11]. Это обуславливалось двумя причинами. Во-первых, У. Чавес провозгласил курс на достижение «Боливарианской революции» и построение «социализма в XXI веке» (официальная программа по реализации данной идеи была сформирована в 2007 г.), который фактически стал идеологическим фундаментом в противостоянии внешнеполитическому и экономическому влиянию США. Именно наличие общего соперника в лице Вашингтона во многом послужило установлению тесного сотрудничества между Россией и Венесуэлой. Во-вторых, венесуэльский лидер поддерживал идею многополярного мира, в рамках которого Россия рассматривалась в качестве одного из центров мирового развития.

Взаимная поддержка на мировой арене имела практическое подтверждение. Так, Венесуэла признала независимость Абхазии и Южной Осетии в 2009 г., а также Республики Крым как части рос-

сийского государства в 2014 г.² Забегая вперед, отметим, что Каракас последовательно придерживается этого курса и сегодня: в июле 2022 г. в ходе визита министра иностранных дел Боливарианской Республики К. Фария в Москву венесуэльская сторона заявила о поддержке России в проведении специальной военной операции на Украине³. В свою очередь Российская Федерация признала легитимность правительства, возглавляемого президентом Н. Мадуро, и последовательно препятствует попыткам так называемого коллективного Запада во главе с США добиться его свержения. В частности, Россия воспользовалась правом вето на заседании Совета Безопасности ООН и заблокировала проект американской резолюции против венесуэльского правительства⁴.

Тесное политическое взаимодействие способствовало развитию экономического сотрудничества. Стоит отметить, что в период с 2004 по 2008 г. экономика Боливарианской Республики переживала бурный рост. Это было связано с повышением мировых цен на нефть⁵. По данным Международного валютного фонда, ВВП Венесуэлы увеличился с 261,3 млрд долл. в 2003 г. до 490 млрд долл. в 2008 г., показатель ВВП на душу населения вырос с 10,2 тыс. долл. в 2003 г. до 17,7 тыс. долл. в 2008 г., за аналогичный период произошло сокращение уровня безработицы (с 18,2 до 7,4%) и государственного долга (с 37,8 до 15,5%)⁶.

² Венесуэла признала независимость Абхазии и Южной Осетии // РБК. 10.09.2009. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2009/5703d63a9a7947733180af5f> (дата обращения: 26.01.2022); Voting record on Draft Resolution A/68/L39 Territorial Integrity of Ukraine // Организация Объединенных Наций. Доступ: <https://digitallibrary.un.org/record/767565?ln=ru> (дата обращения: 26.01.2022).

³ Венесуэла поддержала военную операцию России на Украине // Коммерсантъ. 04.07.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5446452> (дата обращения: 07.07.2022).

⁴ Россия наложила вето на проект резолюции США по Венесуэле в Совбезе ООН // РБК. 28.02.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2019/5c7848ed9a7947d974170ef3> (дата обращения: 04.02.2022).

⁵ Важно отметить, что нефтяной сектор приносит в государственный бюджет Венесуэлы более 90% доходов от всего экспорта. В настоящее время страна обладает самыми крупными нефтяными запасами в мире (300,9 млрд барр. на 2022 г.). См.: Oil reserves by country 2022 // World Population Review. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/oil-reserves-by-country> (accessed: 19.02.2022).

⁶ Report for selected countries and subjects: October 2021 // International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/>

Государственный бюджет Венесуэлы пополнялся за счет нефтяного экспорта при отсутствии диверсификации национального производства, что привело к увеличению импорта социально значимых товаров из-за границы, а также к росту кредитных обязательств [Жуков, Резникова, 2018: 83].

Межправительственная Комиссия высокого уровня (КВУ), созданная в 2002 г., заложила институциональную основу экономического сотрудничества между Россией и Венесуэлой⁷. Работа данного органа, предполагающая проведение заседаний профильных федеральных министерств двух стран не реже одного раза в год, существенно облегчила поиск экспортеров российской продукции на венесуэльский рынок.

Функционирование КВУ охватывает три последовательных этапа. Первый этап — подготовка повестки заседания. На данной стадии профильные отечественные министерства получают посредством посольства России в Боливарианской Республике запросы на различные товары, проекты и т.д., затем происходит отбор отечественных производителей, заинтересованных в кооперации с венесуэльской стороной. На втором этапе проводятся заседания КВУ, где подписываются контракты, разрешаются различного рода споры и противоречия, а также дается оценка ходу реализации уже запущенных проектов. Третий этап — практическая реализация.

Слаженная работа российских госорганов, включая дипломатические представительства, обеспечивает необходимый контакт между отечественными компаниями и венесуэльскими заказчиками. Именно посредством КВУ происходит имплементация стимулирующих инструментов ЭД России в части, касающейся нефтяной, авиационной и химической промышленности, ВТС, автомобилестроения, жилищного строительства, фармацевтики и иных секторов. Так, КВУ способствовала увеличению объема им-

October/weo-report?c=299,&s=NGDP_RPCH%2CPPP%2CPCPI%2CCLUR%2CGGXWDG_NGDP&sy=1980&ey=2026&ssm=0&scsm=1&sc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1 (accessed: 23.03.2022).

⁷ Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о Межправительственной Российско-Венесуэльской комиссии высокого уровня от 23 декабря 2002 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901976777/titles/1FIL4OU> (дата обращения: 03.02.2022).

порта российской продукции в Венесуэлу с 18 млн долл. в 2002 г. до 668 млн долл. в 2013 г.⁸

Наиболее интенсивное экономическое сотрудничество двух стран развернулось в рассматриваемый период в топливно-энергетической и военно-технической сферах [Rouvinski, 2019: 11]. Именно в данных областях наиболее ярко проявились особенности практики применения Россией стимулирующих инструментов ЭД.

Базовый документ между Россией и Венесуэлой в сфере ВТС был подписан в 2001 г.⁹ Необходимо подчеркнуть, что с 1980-х годов и до конца XX в. данная латиноамериканская страна оснащала свои вооруженные силы в основном с помощью стран Запада, включая США. Однако приход к власти У. Чавеса, который рассматривал последних в качестве основной угрозы национальной безопасности Венесуэлы, привел к отказу от закупок оружия западного производства. Альтернативным поставщиком вооружения и военной техники стала Российская Федерация [Кузьмина и др., 2021: 12].

Первые закупки российского оружия начались в 2005 г. Стоит отметить, что до 2008 г. благодаря устойчивому росту мировых цен на нефть Каракас был способен в полной мере исполнять взятые на себя обязательства, однако их резкое падение в период с середины 2008 до 2010 г. стало прологом к началу глубокого экономического кризиса в Венесуэле¹⁰. Возникли проблемы с импортом социально

⁸ Imports from Russia to Venezuela // The Observatory of Economic Complexity. Available at: <https://oec.world/en/profile/country/ven?depthSelector1=HS4Depth&latestTrendsFlowSelectorNonSubnat=flow1&latestTrendsFlowSelectorNonSubnatLatestTrends=flow1&yearSelector1=exportGrowthYear12&yearSelector2=importGrowthYear19> (accessed: 27.03.2022).

⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Бولیварианской Республики Венесуэла о военно-техническом сотрудничестве от 14 мая 2001 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/420383048> (дата обращения: 27.03.2022).

¹⁰ Цена на нефть марки Brent — таблица с 1986 по сегодняшний день // World Table. Доступ: <https://worldtable.info/yekonomika/cena-na-neft-marki-brent-tablica-s-1986-po-20.html> (дата обращения: 20.04.2022); Report for selected countries and subjects: October 2021 // International Monetary Fund. Available at: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/weo-report?c=299,&s=NGDP_RPCH%2CPPPGDP%2CPPPPC%2CPCPIPCH%2CLUR%2CGGXWDG_NGDP&sy=1980&ey=2026&ssm=0&scsm=1&ssc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1 (accessed: 23.03.2022).

значимых товаров, составляющих 90% общего уровня потребления населения, произошло образование теневого валютного рынка и т.д. [Алексеева, Гореславский, 2018: 500].

В связи с началом экономической рецессии в Боливарианской Республике Москва в конце 2008 г. предоставила ей государственный кредит на закупку российского вооружения на сумму 2,2 млрд долл.¹¹ Соответственно с 2009 г. венесуэльское правительство начало закупать российскую военную продукцию не на собственные, а на заемные средства.

В период, когда рост цен на «черное золото» возобновился (в 2011 г.), венесуэльское руководство решило еще больше увеличить закупку российской военной техники. В ходе официального визита У. Чавеса в Москву в 2011 г. было подписано соглашение о предоставлении нового государственного кредита Венесуэле в размере 4 млрд долл. для закупки продукции по линии ВТС [Федотова, 2019: 27]. В соответствии с соглашением средства должны были быть перечислены двумя траншами по 2 млрд долл. в 2012 и 2013 гг. с уплатой процентов по ставке 7,4% годовых¹².

Эти кредиты позволили Венесуэле существенно модернизировать национальную армию (вооруженные силы Боливарианской Республики на 74% были оснащены за счет российского оборонно-промышленного комплекса; исключение составили транспортная авиация и флот) и тем самым повысить свою обороноспособность [Кошовец и др., 2015: 131; Малашенко, 2019: 140]¹³. Общая сумма

¹¹ Россия выделила Венесуэле кредит на покупку оружия // Russia Today. 15.09.2009. Доступ: <https://russian.rt.com/inotv/2009-09-15/Rossiya-videlila-Venesuele-kredit-na1> (дата обращения: 29.03.2022).

¹² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о предоставлении Правительству Боливарианской Республики Венесуэла государственного кредита от 8 декабря 2011 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/902383842#7DK0KA> (дата обращения: 02.11.2021).

¹³ Комплексный характер помощи в области ВТС с данной страной выражался не только в продаже вооружения, но и в строительстве заводов по сервисному обслуживанию техники с привлечением российских военных инструкторов для обучения венесуэльских военнослужащих, а также в продаже различных лицензий на производство военной продукции. См.: Венесуэльский завод по производству АК все же обещают достроить в 2022 г. // Интерфакс. 05.10.2021. Доступ: <https://www.interfax.ru/business/795484> (дата обращения: 14.04.2022).

контрактов между двумя странами за период с 2005 по 2013 г. составила более 11 млрд долл. Для России важность сотрудничества с Венесуэлой по линии ВТС обуславливалась двумя причинами: удалось диверсифицировать географическую структуру экспорта отечественного вооружения и обеспечить загрузку российских градообразующих предприятий в сфере оборонно-промышленного комплекса (например, авиационное производственное объединение в Комсомольске-на-Амуре и др.) [Гореславский, Чemezov, 2019: 32].

Не менее активно развивалось сотрудничество в нефтяной сфере. Следует сказать, что, как и в случае с ВТС, на протяжении долгого времени главным партнером Венесуэлы в этом сегменте были США, однако с приходом к власти У. Чавеса сотрудничество в топливно-энергетическом секторе было сведено к минимуму [Букова, 2010: 104]. Это связано с тем, что венесуэльское руководство с 2004 г. взяло курс на проведение политики «абсолютного нефтяного суверенитета», предполагавшей использование национальных углеводородных ресурсов для достижения экономического процветания и искоренения бедности. В 2007 г. У. Чавес объявил о национализации нефтяных месторождений, принадлежавших иностранным компаниям (ExxonMobil, Chevron, Conoco-Phillips — США, British Petroleum — Великобритания, Total — Франция, Норвегия). Перед последними был поставлен выбор: покинуть венесуэльские месторождения или создать совместные предприятия с государственной нефтяной компанией PDVSA, обладающей мажоритарными правами (60%) по контролю за их деятельностью¹⁴.

Для Российской Федерации этот вектор взаимодействия представлял особый интерес в силу ряда обстоятельств. Во-первых, Венесуэла как страна — член ОПЕК могла расширить возможности Москвы влиять на формирование мировых цен на «черное золото». Во-вторых, опыт применения российских технологий в процессе добычи и переработки венесуэльской нефти, относящейся к тяжелым сортам, мог способствовать дальнейшей модернизации отечественной топливно-энергетической технологической базы, а также

¹⁴ Уго Чавес национализировал нефть // Ведомости. 27.02.2007. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/library/articles/2007/02/27/ugo-chaves-nacionaliziroval-neft> (дата обращения: 06.07.2022).

усовершенствованию государственной политики в данной области [Осипцова, 2018: 83].

В свою очередь интерес Венесуэлы к совместным нефтяным проектам был обусловлен желанием увеличить объемы добываемой нефти, что было весьма затруднительно без российских технологий и инвестиций в топливно-энергетическую отрасль страны¹⁵.

Нормативную основу сотрудничества двух стран в этой сфере заложило соглашение 2004 г., охватывавшее вопросы разведки, добычи, транспортировки, переработки, очистки, хранения, продажи и использования различных энергетических ресурсов, включая нефть, газ, уголь и др.¹⁶

В 2008 г. в Каракасе между Россией и Венесуэлой было подписано соглашение о сотрудничестве непосредственно в сфере энергетики, в котором говорилось о создании совместного предприятия российским ООО «Национальный нефтяной консорциум», (ННК, доля участия — 40%) и венесуэльской компанией CVP (дочернее предприятие PDVSA, доля участия — 60%) для реализации нефтяных проектов¹⁷. Первоначально в ННК входило пять отечественных компаний с равными долями (ПАО «НК Роснефть», ПАО «Лукойл», ОАО «ТНК-ВР», ПАО «Газпром-нефть» и ПАО «Сургутнефтегаз»)¹⁸. Стоит отметить, что до 2008 г. перечисленные компании уже реализовывали независимо друг от друга ряд проектов в Венесуэле. Новое соглашение предполагало существенное увеличение российских

¹⁵ Суворова Н. Россия–Венесуэла: кто кому интересней? // ИноСМИ. 20.10.2010. Доступ: <https://inosmi.ru/20100420/159424566.html> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁶ Соглашение между Российской Федерацией и Боливарианской Республикой Венесуэла о сотрудничестве в отраслях топливно-энергетического комплекса от 26 ноября 2004 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901919459> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Боливарианской Республикой Венесуэла о сотрудничестве в сфере энергетики от 26 ноября 2008 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/902137624> (дата обращения: 01.04.2022). Стоит отметить, что в данном соглашении помимо сотрудничества в нефтяной сфере сторонами было установлено развитие отношений по совместной реализации газовых и электроэнергетических проектов.

¹⁸ Игорь Сечин возглавил Национальный нефтяной консорциум // Коммерсантъ. 30.01.2013. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/2116242> (дата обращения: 02.04.2022).

инвестиций в развитие венесуэльского топливно-энергетического комплекса, однако их общий объем не раскрывается¹⁹.

В 2009 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между двумя странами в области совместных стратегических проектов²⁰. В соответствии с ним совместное предприятие PetroMiranda начало масштабные работы на блоке Хуни-6 нефтеносного пояса реки Ориноко (Венесуэла). Еще до начала реализации проекта Москва осуществила авансовый платеж по предоставлению российских товаров и услуг на общую сумму в размере 6,4 млрд долл. (для последующей их оплаты был выдан государственный кредит в сумме 2,2 млрд долл. с фиксированной годовой ставкой 7,4%), что также можно рассматривать как пример использования стимулирующих инструментов ЭД.

В 2012 г. ПАО «НК Роснефть» совместно с CVP создали предприятие PetroVictoria (соотношение долевого участия 40 на 60%) для освоения блоков Карабобо-2 и 4. Отечественная корпорация заплатила 1,1 млрд долл. за возможность участия в проекте и предоставила кредит в размере 1,5 млрд долл. [Катков, 2020: 83].

Необходимо подчеркнуть, что российским компаниям были предоставлены для разработки наиболее богатые месторождения по сравнению с теми, освоением которых занимались другие иностранные предприятия. Это стало возможным во многом благодаря личным дружественным отношениям, установившимся между президентами двух стран, а также усилиям генерального директора ПАО «НК Роснефть» И.И. Сечина (до 2012 г. заместитель председателя правительства РФ) [Розенталь, 2018: 52].

Для упрощения взаиморасчетов, в том числе перечисления денежных средств в целях уплаты кредитов и инвестирования в различные проекты, в 2009 г. был создан российско-венесуэльский банк АКБ «Еврофинанс Моснарбанк» с уставным капиталом до 4 млрд долл.²¹

¹⁹ Виноградова О. Указ. соч. С. 31.

²⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Боливарианской Республикой Венесуэла о сотрудничестве в области реализации совместных стратегических проектов от 10 сентября 2009 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/902178639> (дата обращения: 04.04.2022).

²¹ Высказывания Д. Панкина информационным агентствам по итогам подписания межправительственного соглашения об учреждении Российской-Венесуэль-

Стимулирующие инструменты ЭД России применялись и в других областях экономического сотрудничества, например в сфере автомобильной промышленности (инвестиции ПАО «КАМАЗ» для осуществления проектов по сбору автотранспортных средств в Венесуэле составили в 2012 г. 22 млн долл.), однако объем финансирования намного уступал военно-техническому и топливно-энергетическому секторам²².

Таким образом, в рамках данного этапа развития двусторонних отношений произошла нормативно-правовая институционализация экономического сотрудничества, на базе которой впоследствии начала складываться практика применения Россией стимулирующих инструментов ЭД в отношении Венесуэлы. Рубежным этапом стал 2009 г., что было обусловлено снижением мировых цен на нефть, а также противоречивыми результатами внутренних экономических реформ, проводимых венесуэльским руководством [Шинкаренко, 2020: 100].

Ключевыми инструментами ЭД России на данном этапе стали государственные и частные кредиты и инвестиции. О том, что речь идет именно об ЭД, говорит тот факт, что Москва осуществляла финансирование двусторонних проектов, несмотря на высокие политико-экономические риски, которые делали их нецелесообразными и нерентабельными с точки зрения логики традиционных торгово-экономических механизмов.

Стимулирующие инструменты экономической дипломатии России в отношении Венесуэлы при президенте Н. Мадуро в период с 2013 по 2018 г.

После смерти У. Чавеса в 2013 г. Венесуэла столкнулась с политическими и экономическими потрясениями. Политический кризис начался после непризнания представителями венесуэльской оппозиции результатов досрочных президентских выборов в апреле 2013 г., победу на которых одержал кандидат от социалистического блока Н. Мадуро. Это привело к массовым протестным акциям со

ского банка // Гарант.ру. 24.06.2009. Доступ: <https://www.garant.ru/news/18447/> (дата обращения: 06.04.2022).

²² Российские грузовики «КамАЗ» начали работу в Венесуэле // РИА Новости. 28.10.2012. Доступ: <https://ria.ru/20121028/907487054.html> (дата обращения: 14.04.2022).

стороны как оппозиционных, так и проправительственных сил. В декабре 2015 г. депутаты от оппозиции заняли большинство мест в однопалатном парламенте Боливарианской Республики — Национальной ассамблее. Данное обстоятельство привело к усугублению внутривластной обстановки и возникновению ситуации двоевластия, которая выразилась в противостоянии законодательной (парламент) и исполнительной (правительство под руководством Н. Мадуро) ветвей [Ивановский и др., 2020: 80]. В результате был парализован законотворческий процесс, а также потеряна монополия «чавистов» на принятие решений. Для преодоления блокировки нормотворческой деятельности в 2017 г. была создана Национальная конституционная ассамблея (НКА) Венесуэлы, обладающая тождественными с Национальной ассамблеей правами. В теории цель НКА заключалась в разработке новой конституции, после принятия которой данный институт должен был быть упразднен. Однако на практике НКА исполняла функции парламента. Кульминацией кризиса стали президентские выборы в 2018 г., на которых победу одержал действующий президент. В свою очередь лидер оппозиции Х. Гуайдо провозгласил себя временно исполняющим обязанности главы государства в январе 2019 г. [Briceno-Ruiz, 2020: 168].

Международное сообщество разделилось на два лагеря: тех, кто признал Х. Гуайдо, и тех, кто остался на стороне Н. Мадуро. Большая часть государств поддержали лидера оппозиции (США, Канада, почти все страны — члены ЕС, Организация американских государств (ОАГ)). Россия, Иран, КНР, Турция и ряд других стран признали легитимность действующего президента. Для Москвы приход к власти оппозиции ставил под вопрос сохранность российской собственности в Венесуэле и выполнение взятых на себя «чавистским» правительством финансовых обязательств [Розенталь, 2018: 53].

Политическая турбулентность затронула все сферы жизни общества Венесуэлы, в том числе экономическую. В 2014 г. произошел обвал цен на нефть на мировом рынке (со 110 до 50 долл. за барр.), что сопровождалось резким сокращением ее добычи в самой Венесуэле и затронуло интересы в том числе российских компаний²³. Так, на

²³ Average annual OPEC crude oil price from 1960 to 2021 // Statista. Available at: <https://www.statista.com/statistics/262858/change-in-opec-crude-oil-prices-since-1960/> (accessed: 02.02.2022).

блоке Хуни-6 к концу 2015 г. ежедневная добыча нефти упала с 450 до 250 тыс. барр.²⁴ Экономические проблемы Венесуэлы сопровождались увеличением инфляции, которая переросла в гиперинфляцию (с 121,74% в 2015 г. до 65 374,1% в 2018 г.)²⁵. ВВП Венесуэлы сократился с 98,4 млрд долл. в 2018 г. до 47,27 млрд долл. в 2020 г. [Briceno-Ruiz, 2020: 165].

Внутриэкономическая ситуация в Венесуэле усугублялась введением экономических санкций Вашингтоном и его союзниками [Дмитриева, 2015: 131]. В период с 2014 по 2021 г. американские ограничительные меры экономического характера против данной латиноамериканской страны включали как индивидуальные (в отношении физических лиц), так и секторальные санкции (в отношении целых отраслей — нефтяной, золотодобывающей промышленности и др.).

В этих условиях Венесуэла остро нуждалась во внешней помощи. Одними из ключевых задач венесуэльского руководства были увеличение добычи нефти и оказание поддержки развитию национального топливно-энергетического сектора в целом, поскольку он служил основным источником доходов федерального бюджета. Именно прибыль от торговли углеводородами обеспечивала зарплаты военным и гражданским служащим, осуществление различных экономических и социальных программ и др. Таким образом, от развития нефтяной отрасли зависела экономическая, социальная и в конечном счете политическая обстановка в стране.

На этом фоне произошло существенное укрепление российско-венесуэльского сотрудничества, особенно в нефтяном секторе. Стоит отметить, что венесуэльская нефть, относящаяся к тяжелым сортам, требует наличия передовой инфраструктуры для ее добычи, транспортировки и переработки [Ми, Ну, 2018: 184].

В период с 2014 по 2017 г. ПАО «НК Роснефть» за счет применения передовых технологий обеспечило: разведку нефтяных месторождений; сокращение средней продолжительности строительства эксплуатационных нефтяных скважин на реализуемых им объ-

²⁴ How Russia sank billions of dollars into Venezuelan quicksand // Reuters. 14.03.2022. Available at: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/venezuela-russia-rosneft/> (accessed: 08.04.2022).

²⁵ Venezuela: Inflation rate from 1985 to 2022 // Statista. Available at: <https://www.statista.com/statistics/371895/inflation-rate-in-venezuela/> (accessed: 02.02.2022).

ектах; увеличение на 90% эффективности бурения относительно вертикальных, горизонтальных и наклонно-направленных скважин; применение новейших средств в части разбавления венесуэльской нефти, ее циркуляции и откачки с помощью технологии Flush Bu в целях предотвращения засорения скважин и многое другое.

В период с 2015 по 2018 г. в соответствии с трехсторонним договором в сфере образования между ПАО «НК Роснефть», PDVSA и РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина 15 сотрудникам данной венесуэльской госкомпании была предоставлена возможность освоить магистерскую программу по нефтегазовому профилю по соответствующему направлению²⁶. За счет тесного и продуктивного сотрудничества российской и венесуэльской нефтяных компаний в 2018 г. был реализован новый набор 27 студентов из Боливарианской Республики для обучения в данном российском вузе²⁷.

К тому же по итогам деятельности КВУ в 2021 г. отечественные производители обязались оснастить венесуэльских партнеров беспилотными летательными аппаратами в целях предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на промышленных объектах нефтяного сектора. В настоящий момент реализуется совместная работа по обеспечению информационной безопасности на критически важных нефтяных, газовых и энергетических объектах инфраструктуры Венесуэлы (главным оператором проекта является ГК «Ростех»)²⁸.

Благодаря поддержке России в виде предоставления дополнительных инвестиций и кредитов, а также помощи по модернизации технологической базы оказалось возможным обеспечить функционирование данного производственного цикла.

В период с 2014 по 2019 г. российские компании приняли участие в пяти совместных проектах с венесуэльскими партнерами: помимо двух указанных нефтяных предприятий (PetroMiranda и PetroVictoria) были созданы еще три (PetroMonagas, Voqueron и Petroperija). Все они осуществляли свою деятельность на нефтенос-

²⁶ Технологии, формирующие будущее. Годовой отчет 2018 г. // ПАО «НК Роснефть». Доступ: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/a_report_2018.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

²⁷ Там же.

²⁸ Заключительный акт XV заседания Межправительственной Российско-Венесуэльской комиссии высокого уровня от 15 октября 2021 г.

ном поясе реки Ориноко. Для участия в новых проектах российские компании так же, как и в случае с первыми двумя проектами, предоставили кредиты и инвестиции. Суммарные геологические запасы нефти по перечисленным проектам превышают 20,5 млрд тонн²⁹. Стороны подписали три контракта: первые два были связаны с поставкой в Россию нефти и нефтепродуктов при условии предоставления кредитов на сумму в 6 млрд долл.³⁰; третий контракт предполагал поставку нефти уже из России в Венесуэлу, однако его условия не разглашаются. В 2015 г. ПАО «НК Роснефть» вложило 15,6 млн долл. в совместное предприятие PetroVictoria³¹.

Стремительное ухудшение политической и экономической обстановки в Венесуэле угрожало интересам российских компаний, участвующих в проектах в данной стране. С целью сохранить свои средства многие из них стремились выйти из совместных проектов по разработке венесуэльских нефтяных месторождений. Главным предприятием, расширявшим свое присутствие, стало ПАО «НК Роснефть». К 2016 г. оно выкупило доли всех российских фирм, входивших в ННК, и тем самым стало единственной отечественной компанией, участвующей во всех пяти упомянутых ранее проектах (доли в проектах: PetroMonagas — 40%, Petroperija — 40, PetroVictoria — 40, PetroMiranda — 32, Voqueron — 26,67%)³². В том же году ПАО «НК Роснефть» выделило 500 млн долл. инвестиций на развитие нефтедобычи в Боливарианской Республике³³.

В этот период набор стимулирующих инструментов ЭД России в отношении Венесуэлы был дополнен мерами по реструктуризации

²⁹ И. Сечин рассказал о добыче нефти в Венесуэле // РБК. 31.01.2013. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/31/01/2013/570402d99a7947fcbd445270> (дата обращения: 21.04.2022).

³⁰ Роснефть и PDVSA заключили долгосрочный контракт на поставку нефти и нефтепродуктов // Роснефть. 24.05.2014. Доступ: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/153090/> (дата обращения: 08.04.2022).

³¹ «Роснефть» представит кредит венесуэльской PDVSA на 23,4 млн долларов // Нефтегазовая вертикаль. 03.11.2015. Доступ: http://www.ngv.ru/news/rosneft_predostavit_kredit_venesuelskoy_pdvsa_na_23_4 mln_dollarov_/?sphrase_id=3795938 (дата обращения: 09.04.2022).

³² Игорь Сечин совершил рабочий визит в Венесуэлу // Роснефть. 29.07.2016. Доступ: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/183105/> (дата обращения: 10.04.2022).

³³ «Роснефть» вложит в венесуэльский проект 500 млн долларов // Интерфакс. 20.02.2016. Доступ: <https://www.interfax.ru/business/495506> (дата обращения: 10.04.2022).

проблемной задолженности. Так, сложная внутренняя экономическая ситуация не позволила венесуэльской стороне выполнить свои обязательства по соглашению 2009 г. о сотрудничестве в области реализации совместных стратегических проектов. К моменту последней даты уплаты процентов (2018) Венесуэла не доплатила России 3,1 млрд долл. (без учета процентов). После переговоров сторон в апреле 2018 г. PDVSA обязалась увеличить поставки нефти в счет просроченных платежей и уменьшить размер долга (в 2019 г. он сократился до 1,1 млрд долл. (без учета процентов))³⁴.

Стоит отметить, что в условиях политической и экономической турбулентности в Венесуэле расширение присутствия ПАО «НК Роснефть» было высокорискованным шагом. Шаткость политических позиций действующего правительства, неспособность страны выполнять свои обязательства перед российскими кредиторами (госдолг Венесуэлы в период с 2013 по 2020 г. вырос с 33,2 до 304,1% по отношению к ВВП), падение мировых цен на нефть и другие обстоятельства свидетельствовали об экономической невыгодности такого сотрудничества³⁵.

Однако с политической точки зрения расширение экономической кооперации выглядело обоснованным и логичным [Sitenko, 2016: 51]. Преодоление экономического кризиса способствовало бы укреплению власти Н. Мадуро, что могло быть выгодно для России как в политическом отношении (она могла стать в глазах остальных стран Латиноамериканского региона надежным партнером, который пытается оказать помощь своим союзникам, находящимся в кризисной ситуации), так и в экономическом (сохранение власти у «чавистов» гарантировало безопасность российских капиталовложений в Венесуэле и открывало возможности их дальнейшего наращивания).

ПАО «НК Роснефть» продолжало свою деятельность в Боливарианской Республике до момента введения США односторонних экономических санкций в отношении ее дочерних компаний. В результате она продала все свои венесуэльские активы ГК «Рос-

³⁴ \$17 млрд на кону: что может потерять Россия из-за переворота в Венесуэле // РБК. 24.01.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/24/01/2019/5c49bbac9a79475ffe868c49> (дата обращения: 03.08.2022).

³⁵ Государственный долг Венесуэлы // SVSPB.NET. Доступ: <https://svspb.net/danmark/gosdolg.php?l=venesuela> (дата обращения: 14.04.2022).

зарубежнефть», 100% акций которой принадлежат российскому государству (сумма контракта составила 311 млрд руб.)³⁶. Официально представители ПАО «НК Роснефть» не комментировали причины сделки, однако известно, что накануне Минфин США включил в санкционный список (Special Designated List — «Список лиц с особым значением») дочерние компании Rosneft Trading S.A. (18 февраля 2020 г.) и TNK Trading International S.A. (12 марта 2020 г.), которые обвинялись в сотрудничестве с венесуэльской PDVSA, уже находившейся под санкциями в соответствии с указом президента США от 25 января 2019 г. № 13857³⁷. Таким образом, продажа активов российскому государству призвана была не допустить их блокировки со Вашингтоном.

Угроза введения американцами односторонних санкций и в дальнейшем оставалась серьезным вызовом для отечественных фирм, осуществляющих свою деятельность в Венесуэле [Тимофеев, 2021: 6]. Помимо дочерних компаний ПАО «НК Роснефть» под американские санкции в 2019 г. попал упомянутый российско-венесуэльский банк АКБ «Еврофинанс Моснарбанк»³⁸.

Важно подчеркнуть, что имплементация США мер ограничительного характера в стратегическом плане не повлияла на сотрудничество и оказание всевозможной поддержки Каракасу со стороны Кремля. Более того, в условиях введения экономических санкций против Венесуэлы российские нефтеналивные танкеры продолжали обеспечивать транспортировку венесуэльской нефти,

³⁶ ПАО «НК «Роснефть» продает венесуэльские активы и становится владельцем собственных акций в размере 9,6% // Роснефть. 28.03.2020. Доступ: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/200273/> (дата обращения: 04.02.2022).

³⁷ General License No. 36. Authorizing certain activities necessary to the wind down of transactions involving Rosneft Trading S.A. February 18, 2020 // US Department of the Treasury. Available at: https://home.treasury.gov/system/files/126/venezuela_gl36.pdf (accessed: 20.02.2022); General License No. 36A. Authorizing certain activities necessary to the wind down of transactions involving TNK Trading International S.A. March 12, 2020 // US Department of the Treasury. Available at: https://home.treasury.gov/system/files/126/venezuela_gl36a.pdf (accessed: 20.02.2022); Executive Order 13857. Taking additional steps to address the national emergency with respect to Venezuela // Washington, D.C.: Federal Register. 2019. Vol. 84. No. 20. P. 509–510.

³⁸ Российско-венесуэльский Еврофинанс Моснарбанк попал под санкции США // Интерфакс. 11.03.2019. Доступ: <https://www.interfax.ru/business/653755> (дата обращения: 18.04.2022).

несмотря на высокую угрозу попадания в санкционный список западных стран³⁹.

Помимо необходимости выхода из экономического тупика перед венесуэльским руководством остро встала проблема обеспечения безопасности государства. Вопрос о смене власти в Венесуэле силовым путем в первые годы политического кризиса был открытым. Главной заинтересованной стороной в свержении Н. Мадуро являются США — это подтверждается публичными высказываниями высокопоставленных представителей Вашингтона, а также неудачной попыткой военного переворота, организованной бывшими американскими военнослужащими (операция «Гедеон») [Ramsey, Smilde, 2020: 9; Стригунова, 2020: 67]. В связи с этим Венесуэла в условиях политической турбулентности как никогда нуждалась в ВТС с Российской Федерацией.

Яркий пример применения стимулирующих инструментов ЭД России в данной сфере — реструктуризация проблемной задолженности Венесуэлы по предоставленному ей в 2011 г. государственному кредиту на сумму 4 млрд долл. под 7,4% годовых (кредитная линия первоначально должны была быть закрыта к 2018 г.)⁴⁰. В связи с началом затяжного экономического кризиса в Венесуэле Каракас просрочил дату уплаты платежей. Российское правительство трижды реструктурировало кредитную задолженность, зафиксировав долг в размере 3,15 млрд долл. и перенеся сроки оплаты на 2027 г.^{41,42}

³⁹ Танкеры с пропиской в России подключились к перевозке венесуэльской нефти // РБК. 14.12.2020. Доступ: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/14/12/2020/5fce9d879a79471c1e8cb6b4> (дата обращения: 06.02.2022).

⁴⁰ Протокол от 3 сентября 2014 года о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о предоставлении Правительству Боливарианской Республики Венесуэла государственного кредита от 8 декабря 2011 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/420234807?marker=6500IL> (дата обращения: 02.11.2021).

⁴¹ Россия согласилась отсрочить выплату долга Венесуэлы в \$3 млрд // РБК. 15.11.2017. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/15/11/2017/5a0c28d49a7947f833f13c3c> (дата обращения: 02.08.2022).

⁴² Данная кредитная линия не является единственной в области ВТС между Россией и Венесуэлой. Большая часть кредитов в этой сфере, их цели и другие аспекты попадают под действие законодательства в области защиты государственной и коммерческой тайны.

Страны не собираются сокращать сотрудничество в данной области, о чем свидетельствуют высказывания лидеров двух государств, а также регулярное направление российских военных специалистов в целях сервисного обслуживания уже закупленной вооруженными силами Венесуэлы отечественной техники⁴³. Более того, в 2022 г. ожидается окончание строительства заводов по производству АК-103 и соответствующих к ним патронов.

Россия активно применяет стимулирующие инструменты ЭД и в других отраслях. Ярким примером является сотрудничество по линии КВУ, в частности предоставление Венесуэле займа для развития автомобильной промышленности. В период с 2013 по 2015 г. ПАО «КАМАЗ» выделило венесуэльской компании CORPOVEX средства в размере 18,37 млн евро на осуществление контрактов по поставке шасси (800 ед.), автобусов (150 шт.) и запчастей. На начало февраля 2022 г. задолженность венесуэльской стороны в этой сфере составляет 6,3 млн евро⁴⁴.

В условиях пандемии COVID-19 возникла высокая потребность в приобретении Венесуэлой российской фармацевтической продукции. В частности, страна испытывает серьезные проблемы с наличием инсулиновых лекарств⁴⁵. В период с 2019 г. по октябрь 2021 г. российская компания ООО «ГЕРОФАРМ» осуществила авансовые поставки более 5,4 млн упаковок инсулина на сумму 32,81 млн евро, что также можно рассматривать как пример реализации Россией стимулирующих инструментов ЭД. По состоянию на февраль 2022 г. Каракас не погасил в полной мере задолженность по сделке. Более того, в ноябре 2021 г. ООО «ГЕРОФАРМ» инвестировало

⁴³ Мадуро заявил о договоренности наращивать военное сотрудничество с РФ // Известия. 17.02.2022. Доступ: <https://iz.ru/1292630/2022-02-17/maduro-zaiavilo-dogovorennosti-narashchivat-voennoe-sotrudnichestvo-s-rf> (дата обращения: 02.03.2022).

⁴⁴ Письмо Минпромторга России в Минэкономразвития России от 16 февраля 2022 г. № 11706/26.

⁴⁵ Препараты инсулина жизненно необходимы людям, страдающим сахарным диабетом. В Венесуэле зафиксирован рост заболеваемости: с 2010 по 2017 г. общее количество людей с данным недугом в процентном соотношении выросло с 6,0 до 12,4%. К тому же 34,4% (более 3,5 млн человек) населения этой латиноамериканской страны находится в зоне риска (диагностируется предиабет). См: Contreras F., Fernandez M., Camarillo H. et al. Epidemiology of type 2 diabetes mellitus in Venezuela, 2010–2020 // *Gaceta Medica de Caracas*. 2020. Vol. 128. No. 3. P. 320.

более 22,5 млн евро в модернизацию венесуэльского предприятия по изготовлению инсулина и запуск собственного производства данных лекарств (проект ESPROMED)⁴⁶. Использование российской стороной подобных стимулирующих инструментов способствовало улучшению ситуации в области здравоохранения (граждане получили доступ к жизненно важным медикаментам) и в борьбе с безработицей (в случае запуска предприятия предполагается трудоустройство более 370 венесуэльских высококвалифицированных специалистов)⁴⁷.

Таким образом, на этом этапе перечень стимулирующих инструментов ЭД России в отношении Венесуэлы пополнился за счет реструктуризации проблемной задолженности, а также осуществления авансовых поставок продукции. Необходимо отметить, что все перечисленные примеры являются наиболее значимыми в финансовом плане, однако не исчерпывающими. К тому же ввиду неразглашения части сделок российских компаний с венесуэльскими предприятиями в различных областях расчет общей суммы финансовых вложений, включая инвестиции и кредиты, представляется затруднительным. Оценки этой суммы колеблются в диапазоне от 21 до 30 млрд долл. [Золотова, 2014: 114].

В то же время очевидно, что объемов и масштабов предоставляемой помощи недостаточно для полного преодоления экономического кризиса в Венесуэле. Пока эта помощь носит скорее точечный характер, затрагивая лишь отдельные сферы, в основном нефтегазовую и военно-техническую. Отечественный специалист В.Л. Хейфец отметил, что для восстановления венесуэльской экономики необходимы одномоментные вливания объемом примерно 25 млрд долл. и выделение еще 20 млрд долл. в течение последующих трех лет⁴⁸. Очевидно, что исход данного кризиса зависит от двух обстоятельств: получения внешней помощи, в том числе со стороны России, и проведения внутриэкономических преобразований венесуэльским правительством.

⁴⁶ Письмо Минпромторга России в Минэкономразвития России от 16 февраля 2022 г. № 11706/26.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Чтобы спасти экономику Венесуэлы, пожеланий недостаточно, нужно \$25 млрд уже сейчас // The Insider [СМИ — иноагент. — Прим. ред.]. 11.01.2019. Доступ: <https://theins.ru/news/135465> (дата обращения: 04.02.2022).

Политика проведения экономической либерализации в Боливарианской Республике Венесуэла в период с 2018 по 2022 г.

С конца 2018 по 2022 г. правительство Венесуэлы, осознавая критическое положение дел в экономике страны, в том числе ввиду применения жестких рестрикций Соединенными Штатами, осуществило ряд либеральных преобразований.

Нововведения затронули валютную систему: государство деноминировало национальную валюту (боливар; в 2018 г. в соотношении 100 000:1 (суверенный боливар), в 2021 г в соотношении 1 000 000:1 (цифровой боливар)) и позволило свободное передвижение и конвертацию иностранной валюты (например, американский доллар, бразильский реал, колумбийское песо), а также проведение цифровых операций посредством криптосистем и платформы Zelle для сокращения расхождений курса боливара на официальном и черном рынках⁴⁹.

Для решения проблемы обесценивания национальной валюты под воздействием гиперинфляции и нехватки денежных купюр правительство Боливарианской Республики в 2018 г. привязало суверенный боливар к собственной криптовалюте Petro, курс которой (1 монета — 57–60 долл.) был обеспечен природными ресурсами (нефтью — на 50%, золотом — на 20, железной рудой — на 20, алмазами — на 10%)⁵⁰. В 2021 г. Н. Мадуро поставил цель осуществить переход к полностью цифровой экономике, в рамках которой физические деньги уступят место цифровой валюте [Rosales, Jimenez, 2021: 436]. Основные трудности при реформировании валютной системы заключались в обеспечении безопасности и бесперебойной работы электросетей, доступа обычных граждан к применению новых платежных систем, а также в скептическом отношении к Petro со стороны ряда инвесторов из стран Запада (сомнение вызывает

⁴⁹ Rosati A., Vasquez A., Surane J. Zelle has turned dollar-starved Venezuela into a cashless test-lab // Bloomberg. 11.11.2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/features/2020-11-11/zelle-has-turned-dollar-starved-venezuela-into-a-cashless-test-lab> (accessed: 28.06.2022).

⁵⁰ Venezuela Petro cryptocurrency // White Paper. 30.03.2018. Available at: <https://whitepaperdatabase.com/venezuela-petro-cryptocurrency-ptr-english-whitepaper/> (accessed: 30.06.2022).

наличие государственного контроля Petro, что противоречит самой идее криптовалюты).

В то же время благодаря такого рода нововведениям удалось преобразовать обесценившуюся валюту в финансовый инструмент, позволивший пополнить государственный бюджет на сумму 3,3 млрд долл., из которых 1,1 млрд долл. был перераспределен в пользу Центрального банка Венесуэлы в 2018 г. [Чуйкова, 2021: 29].

Уменьшились темпы роста уровня инфляции. После пикового значения 65 374,1% в 2018 г. показатель снизился до 19 906,0% в 2019 г., в 2020 г. — до 2355,1, в 2021 г. — до 1588,5, а по состоянию на май 2022 г. — до 167,5%⁵¹. Помимо этого отечественный специалист А.М. Чуйкова среди первых положительных результатов проводимой Н. Мадуро политики реформирования валютной системы отметила уменьшение волатильности национальной валюты и создание условий для смягчения влияния введенных США экономических рестрикций. К негативным же последствиям реформ можно отнести сложность в получении информации для обычных граждан касательно новых платежных систем; возможность использования криптовалюты в противозаконных целях; наличие трудностей в практике применения цифровой валюты (при совершении покупок в магазинах, транспорте и т.д.); отставание от намеченных сроков и иное [Чуйкова, 2021: 35]. В целом можно заметить положительную динамику либеральных реформ, однако констатировать полное разрешение экономического кризиса в настоящее время не приходится.

В целях предотвращения контрабанды дешевого национального топлива в соседние страны (дефицит государственного бюджета составил 18 млрд долл. по состоянию на 2018 г.) правительство Боливарианской Республики отказалось от фиксированных низких цен на бензин и объявило о формировании рыночного ценообразования⁵².

Политика по экономической либерализации Венесуэлы также включала «скрытую» приватизацию собственности. В октябре 2020 г. НКА приняла «Антиблокирующий закон» (La ley Antibloqueo), позволяющий правительству республики без одобрения парламента осуществлять приватизацию государственных активов (в том числе

⁵¹ Venezuela: Inflation rate // Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/venezuela/inflation-cpi> (accessed: 02.07.2022).

⁵² Боливар избавят от нулей // Коммерсантъ. 14.08.2018. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3713759> (дата обращения: 30.06.2022).

изменять структуру собственности совместных предприятий), затронувшую также нефтяную сферу [Rosales, Jimenez, 2021: 437]. Это дало возможность иностранным нефтяным компаниям, участвующим в совместных с венесуэльской стороной предприятиях и обладающим миноритарными правами, оформить совместный контроль над их деятельностью [Гордиев узел венесуэльского кризиса, 2021: 15]. Правительство Н. Мадуро пошло на такие меры с целью привлечь иностранные инвестиции и активизировать процесс добычи и продажи нефти.

Необходимость принятия данного нормативно-правового акта обуславливалась опять же американскими экономическими санкциями. Важная особенность документа заключалась в том, что он подпадал под действие национального законодательства в сфере защиты гостайны. В связи с этим правительство могло на конфиденциальной основе проводить отчуждение совместных нефтяных предприятий или изменять их долевую структуру. Таким образом, риск попадания стран, сотрудничающих с Боливарианской Республикой (в первую очередь России), в американский санкционный список уменьшился. Действия «Антиблокирующего закона» распространялись и на предприятия из других сфер (газовой, энергетической, золотодобывающей, сельскохозяйственной и иных). В конце 2020 г. вице-президент Венесуэлы Д. Родригез заявила о создании более 260 совместных проектов в различных областях. Детали контрактов на сегодняшний день не разглашаются.

В продовольственной сфере благодаря политике по приватизации собственности и введению временного налогового моратория для импортеров сырья удалось наполнить полки магазинов различными товарами⁵³. По сравнению с 2020 г. импорт продуктов увеличился на 31,2% в 2021 г. и составил 2,4 млрд долл.⁵⁴

Весьма интересно, что российская сторона в целях оказания помощи в преодолении кризиса в Венесуэле предложила свои рекомендации по восстановлению венесуэльской экономики. В начале

⁵³ Venezuela puts state food firms in private hands as socialist policies recede // Reuters. 13.09.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/americas/venezuela-puts-state-food-firms-private-hands-socialist-policies-recede-2021-09-13/> (accessed: 09.07.2022).

⁵⁴ US-Venezuela business picking up despite punishing sanctions // France 24. 03.06.2022. Available at: <https://www.france24.com/en/live-news/20220603-us-venezuela-business-picking-up-despite-punishing-sanctions> (accessed: 09.07.2022).

2019 г. высокопоставленные чиновники из Центрального банка России, Минэкономразвития, Минфина и Федерального казначейства передали венесуэльским партнерам дорожную карту, состоящую из следующих позиций: введение безусловного базового дохода; установление рыночных цен на топливо внутри страны; ограничение эмиссии национальной валюты; проведение налоговой реформы (с целью обеспечить переход на косвенное налогообложение); увеличение добычи нефти и реализация политики по диверсификации экспорта⁵⁵. Подлинно неизвестно, воспользовалось ли руководство Боливарианской Республики данным планом или нет, тем не менее можно наблюдать, что часть предложенных российской стороной мер реализуются на практике.

Подводя первые итоги политики по либерализации экономики Венесуэлы, можно отметить, что произошло расширение форм экономического сотрудничества с Россией посредством предоставления прав на осуществление контроля за деятельностью совместных предприятий. Позитивная динамика в венесуэльской экономике в будущем может способствовать расширению кооперации между двумя странами⁵⁶.

* * *

Как показало исследование, перечень стимулирующих инструментов ЭД, применяемых Россией в отношении Венесуэлы, включает: предоставление государственных и частных кредитов; направление инвестиций; выплату денежных вознаграждений за возможность разрабатывать богатые углеводородами месторождения; реструктуризацию проблемной задолженности; осуществление авансовых поставок продукции. Практика применения первых четырех инструментов сложилась при президенте У. Чавесе, а остальные два стали реализовываться уже при Н. Мадуро.

В сфере ВТС имплементация данного инструментария обеспечила оснащение вооруженных сил Венесуэлы современными образцами военной и специальной техники российского производства.

⁵⁵ The Bell: Россия составила для Венесуэлы план по выходу из кризиса // Настоящее время. 11.01.2019. Доступ: <https://www.currenttime.tv/a/venezuela-russia-plan/29704355.html> (дата обращения: 28.06.2022).

⁵⁶ Россия расширяет присутствие в Венесуэле // It.World. 16.04.2022. Available at: <https://www.it-world.ru/news-company/events/183867.html> (дата обращения: 21.04.2022).

В топливно-энергетической сфере применение стимулирующих механизмов российской стороной позволило модернизировать соответствующую венесуэльскую инфраструктуру и обеспечить выполнение производственного цикла от разведки до продажи нефти, что критически важно в экономическом плане для Боливарианской Республики, находящейся в условиях политического и экономического кризиса, а также под давлением экономических санкций Соединенных Штатов и их союзников. Был реализован ряд важных проектов в социальной сфере.

Проводимая с 2018 г. правительством Венесуэлы политика экономической либерализации расширила арсенал форм взаимодействия с Россией и благоприятно сказывается на постепенном преодолении существующего экономического коллапса в данном латиноамериканском государстве.

Для выхода из затяжного экономического кризиса Венесуэле в первую очередь необходимы продолжение структурных внутриэкономических преобразований, политики по созданию условий для привлечения иностранных инвестиций, а также расширение форм экономического сотрудничества с Россией.

Среди возможных мер со стороны РФ по ускорению выхода Венесуэлы из глубокого экономического кризиса можно назвать:

- привлечение отечественных специалистов из федеральных органов исполнительной власти и иных ведомств к процессу проведения венесуэльским правительством экономических преобразований (включая реформирование финансовой системы, развитие промышленности, диверсификацию экспорта);
- углубление и расширение форматов экономического сотрудничества путем создания зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Боливарианской Республикой;
- увеличение объемов инвестиций в перспективные сектора экономики Венесуэлы (топливно-энергетический, сельскохозяйственный, золотодобывающий и иные);
- внедрение отечественных технологий в системообразующие отрасли Венесуэлы (оборонно-промышленный, топливно-энергетический комплексы, а также в медицинскую, пищевую, автомобильную и металлургическую промышленность);
- увеличение количества и номенклатуры квот на получение образования в передовых российских вузах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т.А., Гореславский С.С. Политика Венесуэлы по повышению обороноспособности: ВТС, нефтяной фактор и геополитические дивиденды // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 497–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-497-516.
2. Букова И.А. Венесуэльский «социализм» // Обозреватель — Observer. 2010. Т. 11. № 250. С. 93–107.
3. Гордиев узел венесуэльского кризиса. М.: ИЛА РАН, 2021. DOI: 10.37656/978-5-6043459-5-5.
4. Дабагян Э.С. Внешняя политика Венесуэлы в начале XXI века: основные направления // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 95–123.
5. Дабагян Э.С. Уго Чавес: штрихи к политическому портрету (1954–2013) // Новая и Новейшая история. 2013. № 6. С. 134–156.
6. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 120–143.
7. Жуков С.В., Резникова О.Б. Венесуэла на мировом рынке нефти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 10. С. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-80-90.
8. Золотова Е.В. Особенности российско-венесуэльского сотрудничества: проблемы и перспективы // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2014. № 1–2. С. 111–117.
9. Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2003.
10. Иванов И.Д. Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. М.: РОССПЭН, 2001.
11. Ивановский З.В., Розенталь Д.М. Венесуэла: политическое противостояние и мировое сообщество // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 2. С. 71–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-2-71-111.
12. Исаченко Т.М. Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2015. № 3. С. 46–64.
13. Катков И.Е. Особенности взаимодействия Российской Федерации со странами Латинской Америки в нефтегазовом секторе (на примере Кубы и Венесуэлы) // Актуальные вопросы энергетики: Материалы 7-й Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной профессиональному празднику «День энергетики» / Отв. ред. О.А. Пустовая. Благовещенск: Изд-во ДГАУ, 2020. С. 81–85.

14. Кошовец О.Б., Ганичев Н.А. Экспорт российского вооружения как особый фактор развития высокотехнологичной промышленности России // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2 (149). С. 121–134.

15. Кузьмина В.М., Пархомчук М.А., Настенко В.Н. Влияние экономического кризиса на протекание политического кризиса в Венесуэле на современном этапе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. № 11 (2). С. 10–21.

16. Курлов А.Б. Экономическая дипломатия как форма современных коммуникативных практик // Основы экономики, управления и права. 2020. № 6 (25). С. 49–52. DOI: 10.24411/2305-8641-2020-10018.

17. Малащенко Т.И. Военно-техническое сотрудничество России в Латинской Америке: Венесуэла // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3 (23). С. 136–144. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-3-136-144.

18. Манойло А.В., Стригунов К.С. Операция «Гедеон»: успех венесуэльских или американских спецслужб? // Международная жизнь. 2020. № 11. С. 64–79.

19. Морозкина А.К. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.

20. Невоенные рычаги внешней политики России. Региональные и глобальные механизмы / Под ред. М.В. Братерского. М.: ВШЭ, 2012.

21. Орнатский И.А. Экономическая дипломатия. М.: Международные отношения, 1980.

22. Осипцова Н.А. Сотрудничество России и Венесуэлы в нефтегазовой сфере в период правления У. Чавеса и Н. Мадуро // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 5 (58). С. 83–85. DOI: 10.24158/пер.2018.5.16.

23. Пятаков А.Н. Россия — Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения // *Rusie.Nei.Visions*. № 119. Иффри, 2020. Доступ: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_russia_latina_america_ru_2020.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

24. Розенталь Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы // Латинская Америка. 2018. № 10. С. 49–60. DOI: 10.31857/S0044748X0001040-3.

25. Тимофеев И.Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г. // РСМД. 2021. № 65. С. 10–17.

26. Федотова К.А. Российско-венесуэльские экономические связи // Политические изменения в Латинской Америке. 2019. № 23. С. 26–31.

27. Чемезов С.В., Гореславский С.С. Диверсификация российского экспорта вооружений: венесуэльский case study // Мировая экономика и

международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 29–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35.

28. Чуйкова А.М. Венесуэльская криптовалюта Petro как элемент денежно-кредитной политики // Латинская Америка. 2021. № 4. С. 23–39. DOI: 10.31857/S0044748X0014086-3.

29. Шинкаренко А.А. Венесуэла в поисках выхода из системного кризиса // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 97–107. DOI: 10.31857/S0044748X0007763-8.

30. Briceno-Ruiz J. The persistent crisis in Venezuela // Latin American Policy. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 165–174. DOI: 10.1111/lamp.12183.

31. Chatterjee S. Economic diplomacy and foreign policy-making. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

32. Chatterjee S., Kelly M.C., Turnovsky S.J. Foreign aid, public investment, and the informal economy // Economic Inquiry. 2022. Vol. 60. No. 1. P. 174–201. DOI: 10.1111/ecin.13019.

33. Mu X-Z., Hu G-W. Analysis of Venezuela's oil-oriented economy: From the perspective of entropy // Petroleum Science. 2018. No. 15. P. 200–209. DOI: 10.1007/s12182-018-0215-4.

34. Ramsey G., Smilde D. Recalibrating U.S. policy in Venezuela: Learning from failure and seizing opportunities // Washington Office on Latin America. December 2020. Available at: <https://www.wola.org/wp-content/uploads/2021/01/Recalibrating-U.S.-policy-in-Venezuela.-Ramsey.-Smilde.-2020.pdf> (accessed: 30.07.2022).

35. Rosales A., Jimenez M. Venezuela: Autocratic consolidation and splintered economic liberalization // Revista de Ciencia Politica. 2021. Vol. 41. No. 2. P. 425–447. DOI: 10.4067/S0718-090X2021005000113.

36. Rouvinski V. Russian-Venezuelan relations at a crossroads // Wilson Center. February 2019. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/misc/russia-venezuela_report_rouvinski_final.pdf (accessed: 30.07.2022).

37. Sitenko A. Latin American vector in Russia's foreign policy: Identities and interests in the Russian-Venezuelan partnership // Politics in Central Europe. 2016. Vol. 12. No. 1. P. 37–57. DOI: 10.1515/pce-2016-0003.

38. Turvey R.A. Economic diplomacy and security: Linkage, trends and changes // International Journal of Diplomacy and Economy. 2014. Vol. 2. No. 12. P. 4–24.

REFERENCES

1. Alekseeva T.A., Goreslavsky S.S. 2018. Politika Venesuely po povysheniyu oboronosposobnosti: VTS, neftyanoi factor i geopoliticheskie dividendy [Vene-

zuela's defense policy: Military-technical cooperation, oil factor and geopolitical dividends]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no. 3, pp. 497–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-497-516. (In Russ.)

2. Bucova I.A. 2010. Venesuel'skii 'Sotsializm' [Socialism of Venezuela]. *Obozrevatel' — Observer*, vol. 11, no. 250, pp. 93–107. (In Russ.)

3. Davydov V.M. (ed.). 2021. *Gordiev uzel venesuel'skogo krizisa* [The Gordian knot of Venezuelan crisis]. Moscow, ILA RAS Publ. DOI: 10.37656/978-5-6043459-5-5. (In Russ.)

4. Dabagyan E.S. 2012. Vneshnyaya politika Venesuely v nachale XXI veka: osnovnye napravleniya [Foreign policy of Venezuela at the beginning of the XXI century: Key trends]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 1, pp. 95–123. (In Russ.)

5. Dabagyan E.S. 2013. Ugo Chavez: Shtrikhi k politicheskomu portretu (1954–2013) [Hugo Chavez: Additions to a political portrait (1954–2013)]. *Modern and Contemporary History*, no 6, pp. 134–156. (In Russ.)

6. Dmitrieva N.N. 2015. Ekonomicheskie sanktsii kak instrument politicheskogo davleniya [Economic sanctions as a political pressure instrument]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, no. 52, pp. 120–143. (In Russ.)

7. Zhukov S.V., Reznikova O.B. 2018. Venesuela na mirovom rynke nefti [Venezuela in the world oil market]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 10, pp. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-80-90. (In Russ.)

8. Zolotova E.V. 2014. Osobennosti rossiisko-venesuel'skogo sotrudnichestva: problemy i perspektivy [Features of the Russian-Venezuelan cooperation: Challenges and prospects]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku*, no. 1–2, pp. 111–117. (In Russ.)

9. Zonova T.V. 2003. *Sovremennaya model' diplomatii: istoki stanovleniya i perspektivy razvitiya* [Modern model of diplomacy: Origins and development prospects]. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)

10. Ivanov I.D. 2001. *Khozyaistvennye interesy Rossii i ee ekonomicheskaya diplomatiya* [Economic interests of Russia and its economic diplomacy]. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)

11. Iwanowski Z.W., Rozental D.M. 2020. Venesuela: politicheskoe protivostoyanie i mirovoe soobshestvo [Venezuela: Political confrontation and the world community]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 2, pp. 71–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-2-71-111. (In Russ.)

12. Isachenko T.M. 2015. Ekonomicheskaya diplomatiya v usloviyakh politicheskogo krizisa [Economic diplomacy in political crisis]. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, no. 3, pp. 46–64. (In Russ.)

13. Katkov I.E. 2020. Osobennosti vzaimodeistviya Rossiiskoi Federatsii so stranami Latinskoi Ameriki v neftegazovom sektore (na primere Kuby i Venesuely) [Interaction between the Russian Federation and Latin American

countries in oil and gas sector (The case of Cuba and Venezuela)]. In: Pustovaya O.A. (ed.). *Aktual'nye voprosy energetiki*. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Publ., pp. 81–85. (In Russ.)

14. Koshovets O.B., Ganichev N.A. 2015. Eksport rossiiskogo vooruzheniya kak osobyi faktor razvitiya vysokotekhnologicheskoi promyshlennosti Rossii [Ambiguous effect of arms exports on the development of the Russian high technology industry]. *Problemy prognozirovaniya*, vol. 26, no. 2, pp. 188–197.

15. Kuzmina V.M., Parkhomchuk M.A., Nastenka V.N. 2021. Vliyanie ekonomicheskogo krizisa v Venesuele na protekanie politicheskogo krizisa na sovremennom etape [The impact of the economic crisis on the course of the political crisis in Venezuela at the present stage]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika, Sotsiologiya, Menezhment*, no. 11 (2), pp. 10–21. (In Russ.)

16. Kurlov A.B. 2020. Ekonomicheskaya diplomatiya kak forma sovremennykh kommunikativnykh praktik [Economic diplomacy as a form of modern communication practices]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*, no. 6 (25), pp. 49–52. DOI: 10.24411/2305-8641-2020-10018. (In Russ.)

17. Malashenko T.I. 2019. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii v Latinskoj Amerike: Venesuela [Russian military-technical cooperation in Latin America: Venezuela]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, no. 3 (23), pp. 136–144. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-3-136-144. (In Russ.)

18. Manoilo A.V., Strigunov K.S. 2020. Operatsiya 'Gedeon': uspekhn venesuel'skikh ili amerikanskikh spetssluzhb? [The operation 'Gedeon': Success of Venezuelan or US intelligence services?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 11, pp. 64–79. (In Russ.)

19. Morozkina A.K. 2019. Ofitsial'naya pomosh' razvitiyu: tendentsii poslednego desyateletiya [Official development aid: Trends of the last decade]. *World Economics and International Relations*, vol. 63, no. 9, pp. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92. (In Russ.)

20. Braterskiy M.V. (ed.). 2012. *Nevoennye ryuchagi vneshnei politiki Rossii. Regional'nye i global'nye mekhanizmy* [Non-military instruments of the Russian foreign policy. Regional and global mechanisms]. Moscow, Vysshaya Shkola Ekonomiki Publ. (In Russ.)

21. Ornatskii I.A. 1980. *Ekonomicheskaya diplomatiya* [Economic diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

22. Osipsova N.A. 2018. Sotrudnichestvo Rossii i Venesuely v neftegazovoi sfere v period pravleniya H. Chavesa i N. Maduro [Cooperation between Russia and Venezuela in the oil and gas industry under the rule of H. Chavez and N. Maduro]. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo*, no. 5 (58), pp. 83–85. DOI: 10.24158/pep.2018.5.16. (In Russ.)

23. Pytakov A.N. 2020. Rossiya — Latinskaya Amerika v XXI veke: trudnosti i protivorechiya sblizheniya [Russia and Latin America in 21st century: Difficulties and contradictions of rapprochement]. *Rusie. Nei. Vision*, no. 119. Ifri. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pytakov_russia_latina_america_ru_2020.pdf (accessed: 17.04.2022). (In Russ.)

24. Rozental D.M. 2018. Venesuel'skii uzel v latinoamerikanskoj politike Moskvy [The Venezuelan node in the Latin American policy of Moscow]. *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 49–60. DOI: 10.31857/S0044748X0001040-3. (In Russ.)

25. Timofeev I.N. 2021. Sanktsii protiv Rossii: vzglyad v 2021 g. [Sanctions against Russia: A look into 2021]. *Rossiiskii Sovet po mezhdunarodnym delam*, no. 65, pp. 10–17. (In Russ.)

26. Fedotova K.A. 2019. Rossiisko-venesuel'skie ekonomicheskie svyazi [Russian-Venezuelan economic relations]. *Politicheskie izmeneniya v Latinskoj Amerike*, no. 23, pp. 26–31. (In Russ.)

27. Chemezov S.V., Goreslavsky S.S. 2019. Diversifikatsiya rossiiskogo eksporta vooruzhenii: venesul'skii keis stadi [Diversification of Russian arms exports: Venezuelan case study]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 2, pp. 29–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35. (In Russ.)

28. Chuykova A.M. 2021. Venesuel'skaya kriptovalyuta Petro kak element denezhno-kreditnoj politiki [Venezuelan cryptocurrency Petro as an element of monetary policy]. *Latinskaya Amerika*, no. 4, pp. 23–39. DOI: 10.31857/S0044748X0014086-3. (In Russ.)

29. Shinkarenko A.A. 2020. Venesuela v poiskakh vykhoda iz sistemnogo krizisa [Venezuela searching a way out from the systemic crisis]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 97–107. DOI: 10.31857/S0044748X0007763-8. (In Russ.)

30. Briceno-Ruiz J. 2020. The persistent crisis in Venezuela. *Latin American Policy*, vol. 11, no. 1, pp. 165–174. DOI: 10.1111/lamp.12183.

31. Chatterjee S. 2020. *Economic diplomacy and foreign policy-making*. Cham, Palgrave Macmillan.

32. Chatterjee S., Kelly M.C., Turnovsky S.J. 2022. Foreign aid, public investment, and the informal economy. *Economic Inquiry*, vol. 60, no. 1, pp. 174–201. DOI: 10.1111/ecin.13019.

33. Mu X-Z., Hu G-W. 2018. Analysis of Venezuela's oil-oriented economy: From the perspective of entropy. *Petroleum Science*, no. 15, pp. 200–209. DOI: 10.1007/s12182-018-0215-4.

34. Ramsey G., Smilde D. 2020. *Recalibrating U.S. policy in Venezuela: Learning from failure and seizing opportunities*. Washington Office on Latin America. Available at: <https://www.wola.org/wp-content/uploads/2021/01/Recalibrating-U.S.-policy-in-Venezuela.-Ramsey.-Smilde.-Dec.-2020.pdf> (accessed: 30.07.2022).

35. Rosales A., Jimenez M. 2021. Venezuela: Autocratic consolidation and splintered economic liberalization. *Revista de Ciencia Politica*, vol. 41, no. 2, pp. 425–447. DOI: 10.4067/S0718-090X2021005000113.

36. Rouvinski V. 2019. *Russian-Venezuelan relations at a crossroads*. Wilson Center. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/misc/russia-venezuela_report_rouvinski_final.pdf (accessed: 30.07.2022).

37. Sitenko A. 2016. Latin American vector in Russia's foreign policy: Identities and interests in the Russian-Venezuelan partnership. *Politics in Central Europe*, vol. 12, no. 1, pp. 37–57. DOI: 10.1515/pce-2016-0003.

38. Turvey R.A. 2014. Economic diplomacy and security: Linkage, trends and changes. *International Journal of Diplomacy and Economy*, vol. 2, no. 1-2, pp. 4–24.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021;
одобрена после рецензирования 11.07.2022;
принята к публикации 09.09.2022

The paper was submitted 30.12.2021;
approved after reviewing 11.07.2022;
accepted for publication 09.09.2022